

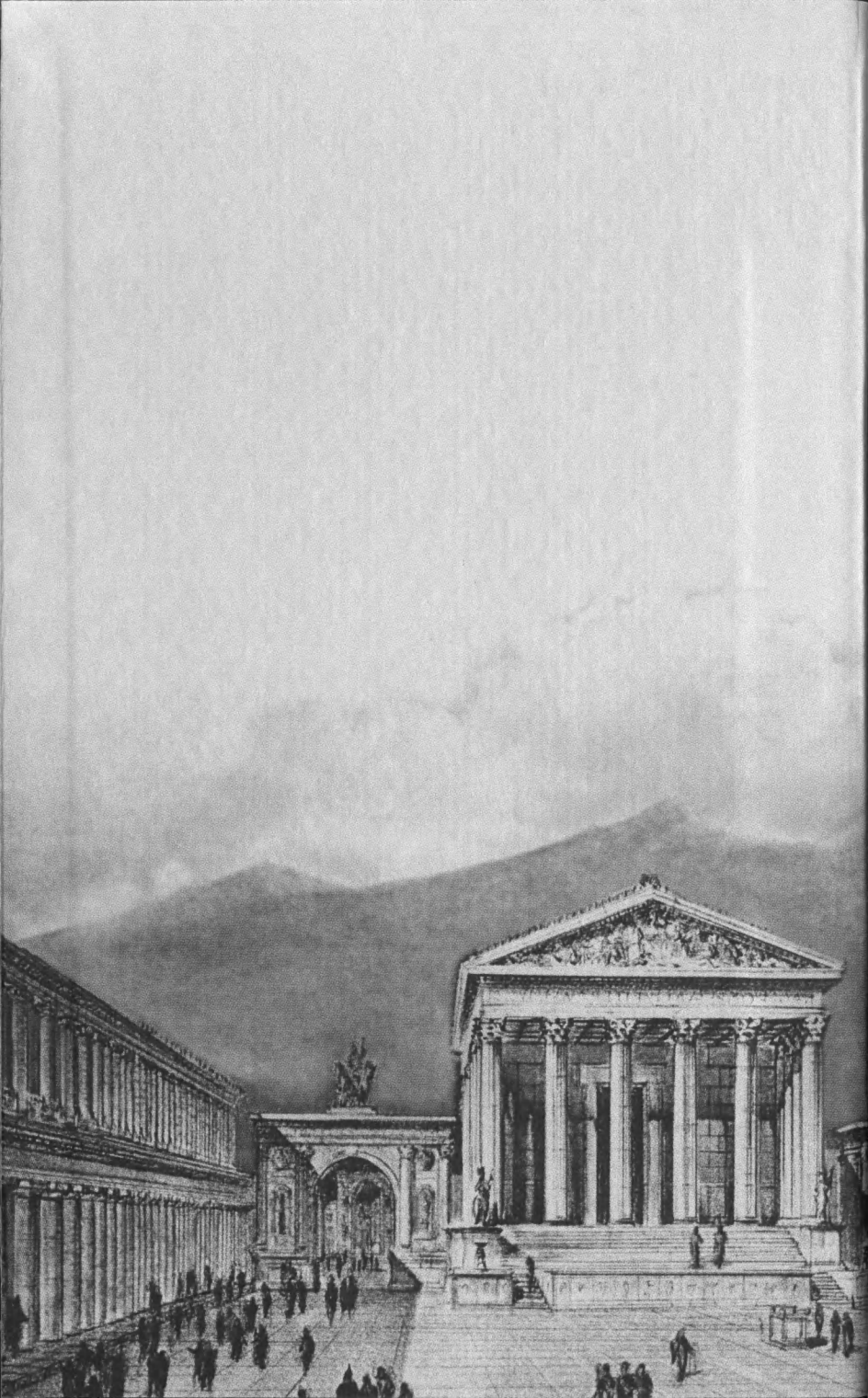
Д. Гуревич, М.-Т. Рапсат-Шарлье

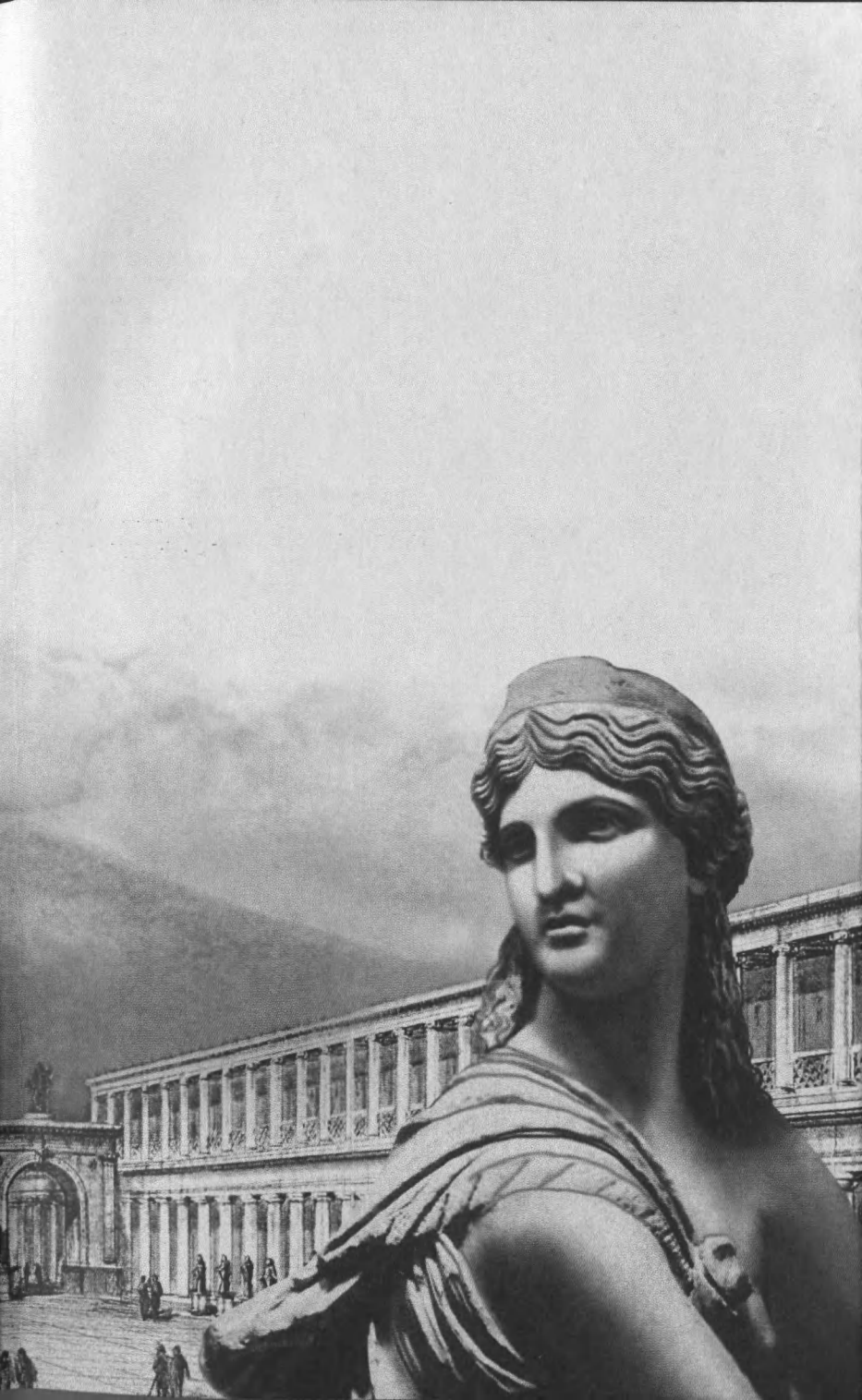
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Даниэль Гуревич
Мари-Терез Рапсат-Шарлье

Danielle Gourevitch
Marie-Thérèse Raepsaet-Charlier
LA FEMME
DANS LA ROME ANTIQUE

ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

УДК 94(37)-055.2
ББК 63.3(0)32-7
Г 95

Перевод с французского
Н. Н. ЗУБКОВА

Научная редакция и комментарии
А. В. КОРОЛЕНКОВА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

Перевод осуществлен по изданию:
Danielle Gourevitch, Marie-Thérèse Raepsaet-Charlier.
La femme dans la Rome antique. Hachette Littératures, 2001

ISBN 5-235-02841-4

© Зубков Н. Н., перевод, 2006
© Короленков А. В., комментарии, 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006
© «Палимпсест», 2006

СИЛУЭТЫ НА ФОНЕ КИПАРИСОВ

*Та, которая не основала Рим:
Дидона без Энея*

Одна из самых прославленных женщин в римской истории — уроженка Тира, никогда не ступавшая на землю Европы, но Вергилий сделал ее нам близкой, заставив уступить страсти Энея¹. Совсем в другом облике, под именем Тейосо, она является в каталоге знаменитых женщин², автором которого, возможно, была как раз женщина — ученая Паулина из Эпидавра, жившая в I в. н. э.: «Тейосо. На языке финикийцев, как передает Тимей, она звалась Элиссой и была сестрой тирского царя. Он говорит также, что она основала Карфаген Ливийский, ибо, когда ее супруг был убит Пигмалионом, она погрузила все свои богатства на корабли и бежала с некоторыми из сограждан. Претерпев множество невзгод, она высадилась в Ливии, а ливийцы из-за долгих скитаний прозвали ее Дидоной. Когда она основала выше-названный город, за нее посватался ливийский царь; она отказала ему, но граждане заставили ее согласиться. Сделав вид, будто собирается совершить обряд освобождения от прежних обетов, она сложила возле своего жилища огромный костер и велела его разжечь, а сама из окошка дома бросилась в костер».

Семпрония, порочная и прелестная

«В это время Катилина, говорят, завербовал множество разных людей, а также и нескольких женщин, которые вначале могли позволить себе огромные расходы, торгуя собой; впоследствии, когда с годами уменьшились только их доходы, но не их роскошь, они наделали больших долгов. С их помощью Катилина считал возможным поднять городских рабов, поджечь Город, а мужей их либо привлечь на свою сторону, либо убить. Среди них была и Семпрония, с мужской решительностью совершившая не одно преступление. Ввиду своего происхождения и внешности, как и благодаря своему мужу и детям, эта женщина была достаточно вознесена судьбой; знала греческую и латинскую литературу, играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине; она знала еще многое из того, что связано с распущенностью. Ей всегда было дорого все, что угодно, но только не пристойность и стыдливость; что берегла она меньше — деньги или свое доброе имя, было трудно решить. Ее сжигала такая похоть, что она искала встреч с мужчинами чаще, чем они с ней. Она и в прошлом не раз нарушала свое слово, клятвенно отрицала долг, была сообщницей в убийстве; роскошь и отсутствие средств ускорили ее падение. Однако умом она отличалась тонким; умела сочинять стихи, шутить, говорить то скромно, то нежно, то лукаво; словом, много в ней было остроумия и много привлекательности»³.

Ликорида — великолетная и продажная

Ликорида родилась около 70 г. до н. э. безымянной рабыней. Позже она как вольноотпущенница получила имя Волумния Киферида в честь своего хозяина Публия Волумния Евтрапела, а также два сценических имени: Киферида и более известное — Ликорида, говорившие об ее прелести и о том, как она ею пользовалась: это была служительница Киферейской царицы⁴, греческая куртизанка. Она была перwokлассной исполни-

тельницей мимов, вместе с другими исполняла нечто вроде стриптиза (*nudatio mimarum*), пела, плясала и чаровала. Отчасти она работала по заказу, ибо по обычаю как вольноотпущенница обязана была бесплатно отдаваться своему бывшему хозяину и его друзьям, а кроме того, была любовницей первого префекта Египта поэта Корнелия Галла, Брута (убийцы Цезаря) и Марка Антония.

Будучи актрисой, она не могла избавиться от позорного клейма (*infamis*), и Цицерон никак не мог смириться с тем, что она является подругой Антония, который, пока в 47 г. до н. э. не расстался с ней, повсюду представлял Ликориду (под именем Волумнии) как порядочную (*honesta*) матрону и позволял ей принимать участие в почетных церемониях магистратов. Оратор с возмущением говорил об этом в письмах и направленных против Антония «Филиппиках». Плиний и Плутарх подтверждают эти факты.

Ликориду также упоминает Вергилий в десятой буколке (начало 30-х гг. до н. э.); вероятно, он воспевал ее и в шестой буколке (между Сатурналиями 45 и ноябрем 44 г. до н. э.). О ней говорит и Овидий в «Любовных элегиях» (I, 15), в третьей песне поэмы «Наука любви» и во второй книге «Тристий». Главное — она осталась в вечности потому, что в 43—41 гг. до н. э. вдохновляла Галла, который не мог утешиться, когда Ликорида променяла его на военного (явно в немалых чинах), а тот увез ее в северные провинции Империи. Она, как писал Марциал, вдохнула в него дар (*ingenium Galli pulchra Lycoris erit* — VIII, 73, 6). Проперций и Вергилий передают стенания обманутого любовника:

...Альп снега и морозы на Рейне

Видишь одна, без меня, — лишь бы стужа тебя пощадила!

Лишь бы об острый ты лед ступней не порезала нежных!⁵

Вслед за ней и другие мимические актрисы стали брать сценическое имя «Ликорида». Четыре книги элегий, которые Галл написал для нее, распространились в

списках до самого Прима — дальней заставы к югу от нынешнего Асуана. Там их и нашли в 1978 г. на сильно поврежденном папирусе.

По контрасту с Ликоридой — красой римских театров — и Клеопатрой — опасной восточной прелестницей — рос престиж Октавии. Дело в том, что вторым браком сестра будущего Августа вышла замуж за Марка Антония после смерти его первой законной супруги Фульвии (40 г. до н. э.). Влюбившись в египетскую царицу, он уже бросил первую жену, а Октавией, конечно, пренебрегал еще более явно. Но она стерпела все унижения и прослыла воплощением униженной добродетели. Плутарх в жизнеописании Антония сообщает, что она не желала выйти за рамки супружеской роли и раздувать пламя политических страстей. «Свои слова она подкрепила делом. Она по-прежнему жила в доме Антония, как если бы и сам он находился в Риме, и прекрасно, с великодушною широтою продолжала заботиться не только о своих детях, но и о детях Антония от Фульвии» (54, 1—5). Антоний и Клеопатра погибли после разгрома при Акции. Октавия пережила их и скончалась в 11 г. н. э.

Мессалина — оклеветанная императрица

Валерия Мессалина и по отцу, и по матери происходила от Октавии — сестры Августа⁶. Она стала третьей женой императора Клавдия, который по крови был не таким «августейшим», как она, и стала матерью Октавии и Британника. Неизвестно, в каком возрасте она вступила в этот роковой брак — совсем юной девушкой или уже опытной женщиной. Мессалина трагически погибла в 48 г. н. э., брошенная вольноотпущенниками (прежде всего Нарциссом), на которых всегда опиралась, и осужденная на смерть собственным мужем — императором, который не пожелал выслушать несчастную (*misera*, пишет Тацит) и поверил на слово, будто она при живом муже сочеталась браком с другим. Этот другой, Гай Силий, считался самым красивым мужчиной своего времени и, кажется, императрица

безумно влюбилась в него (*furori proximi amor* — «к безумию близкой любовью», по выражению того же Тацита); ради нее он развелся и пообещал вдобавок усыновить Британника. Автор «Анналов» не особенно сурово настроен по отношению к Мессалине, как и Сенека, который в своем ядовитом памфлете «Отыквление»⁷ (гл. 11), опубликованном по смерти Клавдия в 54 г. — самом близком по времени к событиям, описанным в тексте, — все пороки приписывает императору, а неверную императрицу считает жертвой.

Конечно, и эти источники не представляют ее образцом добродетели, но все-таки и не рисуют жутким развратным чудовищем, каким она стала у более поздних авторов: Диона Кассия, Плиния Старшего и Ювенала. Для них Мессалина — воплощение всего самого отвратительного; она попирает все святое и сеет смерть, увлекаемая тремя величайшими пороками, свойственными тиранам: сладострастием, сребролюбием и свирепым нравом (*libido, avaritia, saevitia*). Она горда и своенравна, тщеславна и похотлива, вожделеет чужого добра и чужих мужей, изощрена в сложнейших придворных интригах, погружена в опаснейшие политические заговоры, обожает деньги и кровь, без колебаний устраняет всех на своем пути ядом или смертными приговорами; еще прежде «дела о замужестве» она имела множество любовников, среди которых был и ее врач Веттий Валент. Ее похоть наиболее грубо описал Ювенал:

Эппий, ты изумлен? преступлением частного дома?
Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;
Лоно твое, благородный Британник, она открывала,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто ее колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:

Всё ещё зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомленная лаской мужчин, уходила несытой,
Гнусная, с темным лицом, закопченным дымом светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа".

Никто еще не замечал, что Ювенал в общем-то бьет мимо цели и, сказав слишком много, по сути оправдывает несчастную Лициску — проститутку с греческим именем. Конечно, созвучие *pulvinar* (парадная постель императрицы) и *lupanar* (публичный дом в Древнем Риме) неприятно, но Мессалину сатирик описывает как больную с физическим возбуждением и отвердением влагалища (*rigida volva*), подобным неизлечимому возбуждению мужского члена, которое древние называли сатириазисом. Эта болезнь, из-за которой больной не может получить полового удовлетворения, выражается в болях, нестерпимом зуде, бесстыдстве, умственных расстройствах; даже врачи (Аретий, Соран и их переводчики Целий и Мустион) находили ее отвратительной. Но все-таки: если Мессалина, как на то со всею очевидностью намекает Ювенал, действительно ею страдала, то это в значительной мере снимает с нее ответственность. Здесь не место задаваться вопросом, реальны или вымышлены эти патологические симптомы, — так или иначе, их описание, вопреки намерениям сатирика, дает аргументы тем, кто сочувственно относится к Мессалине, которую погубили ее собственные интриги.

Гельвия — мужественная жена

Сенека, родивший в 4 г. до н. э., с сорока пяти до пятидесяти двух лет (в 41—48 гг. н. э.) пробыл в изгнании на Корсике. По какой причине? За то, что был любовником родственницы императора? За попытку заговора и захвата власти? Так или иначе, Агриппина вернула философа и поручила ему воспитание Нерона. Из ссылки Сенека писал утешительные письма к матери в жанре, служившем для выражения непритворной скорби по умершим. Это не было бессмысленным занятием: хотя Гельвия вышла замуж совсем юной и муж держал ее в ежовых рукавицах, она в конце концов все же по-

лучила кое-какое образование, потому что, обладая острым умом (*grax ingenium*), сидела на уроках своего сына и разговаривала с ним. Цель философа — доказать, что она была добродетельной женщиной, что полатыни звучит противоречиво, если не забывать о чувстве этимологии, производящей слово «добродетель» (*virtus*) от «мужчина» (*vir*). Таким образом, всякая добродетель — в сущности, мужское качество, «мужество», полностью противоположное тому, что имеет своим источником удовольствие (*voluptas*). Гельвия — одна из женщин, выдающимся мужеством достойная занять место среди славных мужей⁹.

Ведь Сенека, кто бы что про него ни говорил, не верил в равенство мужчин и женщин: мужчины созданы повелевать, женщины подчиняться, и в крайнем случае они могут в своей ограниченной области достигнуть низшей ступени добродетели благодаря прежде всего тому, что может им при желании дать мужчина их жизни — муж.

Вот почему достойна уважения Гельвия — по стоическим понятиям, исключительная женщина или, если угодно, вовсе не женщина, поскольку не обладает ни одним из женских пороков (*mulieribus vitia*): страстью к роскоши и удовольствиям (*luxuria*), изнеженностью (*mollitia*), бесстыдством (*impudicitia*), телесной слабостью (*infirmitas*), безволием (*impotentia*), гневливостью (*ira*) и бешенством (*furor*), — делающих женщину поистине диким зверем. «Не стоит тебе смотреть на иных женщин, которые, раз предавшись скорби, остаются с нею до конца дней. Ты знаешь таких, что после смерти сына уже не снимали траурных одежд, от тебя же, с самого начала показавшей большую твердость духа, больше и требуется. Нельзя извиняться тем, что ты женщина, если ты никогда не обладала женскими пороками. Тебя же бесстыдство (*impudicitia*) — главное зло нашего века — никогда не увлекало в ряды своих многочисленных жертв; тебя не манили драгоценные камни и жемчуг; тебя не ослепляло богатство как величайшее из земных благ; тебя, возросшую в старинном и строгом доме, не уводило с пути истинного подражание злу, опасное даже для добрых; ты никогда не стыдилась своей плодовитости (*fecunditas*), повинной яко-

бы в том, что указывает на твой возраст, и, в противоположность другим женщинам, всю свою славу полагающим в красоте, ты никогда не скрывала, словно позорную ношу, тяжелое чрево (uterus) и не отказывалась от надежд на детей, зачатых в лоне твоём.

Никогда не пятнала ты лицо твое яркими румянами и ухищрениями туалета, достойными сводни (lenocinium); никогда не прельщали тебя одежды, которые скорее обнажают. В глазах твоих скромность (pudicitia) — единственное украшение, величайшая красота, не увядающая с годами, наилучшее одеяние.

Вот почему ты не можешь позволить, чтобы скорбь дала победу твоей женской ипостаси (muliebre nomen), с которой разлучили тебя твои добродетели (virtutes)¹⁰. Ты должна быть столь же далека от женских слез, как и от женских пороков (vitia). Сами женщины не дадут твоей язве разесть тебя и, едва ты избавишься от неизбежной и преходящей скорби, велят тебе встать, если только ты желаешь свой взор обращать к тем женам (femina), весть о мужестве (virtus) которых возвела их в число великих мужей (magni viri)¹¹.

Девица и отставной любовник

Некая загадочная Амеана была любовницей Катуллы, а потом перешла к другому. Можно усомниться в ее существовании, видя в ней литературный персонаж с карикатурными чертами, вызванный к жизни каким-то неприятным событием. Стихотворения 41—43 рисуют безжалостный портрет гнусной и жадной суки со слюнявой мордой. Первое — якобы объективный рассказ:

Амеана, защупанная всеми,
Десять тысяч сполна с меня взыскует,
Да, та самая, с неказистым носом,
Лихоимца формийского подружка,
Вы, родные, на ком об ней забота, —
И друзей, и врачей скорей зовите!
Впрямь девица больна. Но не гадайте,
Чем больна: родилась умалишенной.
Посылайте за лекарем скорее:
Эта девушка малость нездорова.

Только что у ней болит — не ищите:
Не болит ничего, просто бредит.

Во втором поэт призывает на помощь свои стихи:

Эй вы, эндекасиллабы, скорее!
Сколько б ни было вас, ко мне спешите!
Иль играетя мной дурная шлюха,
Что табличек вернуть не хочет ваших.
Ждет, как вы это стерпите. Скорее!
Ну, за ней, по следам! И не отстанем!
— Но какая из них? — Вон та, что нагло
Выступает с натянутой улыбкой,
Словно галльский кобель, оскалив зубы.
Обступите ее, не отставайте:
«Дрянь вонючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь вонючая, таблички!»
Не смутилась ничуть? Бардак ходячий,
Или хуже еще, коль то возможно!
Видно, мало ей этого; но всё же
Мы железную морду в краску вгоним!
Так кричите опять, кричите громче:
«Дрянь вонючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь вонючая, таблички!»
Вновь не вышло — ее ничем не тронешь.
Знать, придется сменить и смысл, и форму,
Коль желаете вы достигь успеха:
«О чистойшая, отдавай таблички!»

Третье стихотворение не добавляет ничего нового; оно забавно своими исключительно отрицательными конструкциями:

Поглядишь — пальцы у нее не тонки,
Ножки так себе и не блещут глазки,
Не прямая спина и нос не малый,
Некрасивый рот и неровны зубы,
Смех не звонкий и разговор не умный —
Казнокрада формийского подружка.
А болтают, что лучше и не същешь!
И тебя с нашей Лесбией равняют?
Что за время — нет ни ума, ни вкуса!

Красавица и ухажер

Овидий родился в 43 г. до н. э. и был модным светским поэтом, но в 8 г. н. э. Август вдруг сослал его в Томы на берегу Черного моря в нынешней Румынии. Овидий

умер в 17 г. н. э. в изгнании: Тиберий не пожелал отменить суровое наказание, причины которого неясны до сих пор. Возможно, основанием для кары стало развращающее влияние «Науки любви», где раскрыты все уловки дамских угодников? Опубликовать сочинение в этом роде, когда принцепс хотел «восстановить нравственность» общества, поистине означало играть с огнем! Между прочим, очень важно представить недостатки внешности своей избранницы как достоинства, и тут невозможно перестараться:

Больше всего берегись некрасивость заметить в подруге!

Если, заметив, смолчишь, — это тебе в похвалу.

Так Андромеду свою никогда не звал темнокожей

Тот, у кого на ногах два трепетали крыла,

Так Андромаха иным полновата казалась не в меру —

Гектор меж всеми один стройной ее находил.

Что неприятно, к тому привыкай: в привычке — спасенье!

Лишь поначалу любовь чувствует всякий укол.

.....

Для непривычных ноздрей отвратительны шкуры воловьи,

А как привыкнет чутье — сколько угодно дыши.

Скрасить изъян помогут слова. Каштановой станет

Та, что чернее была, чем иллирийская смоль;

Если косит, то Венерой зови; светлоглаза — Минервой;

А исхудала вконец — значит, легка и стройна.

Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной — толстушку,

И недостаток одень в смежную с ним красоту¹².

«Слабый пол» и философ

Музоний Руф (ок. 30—102) — философ-стоик из соловия всадников — писал по-гречески. Учил ли он о равенстве полов, как утверждают некоторые? Он действительно думал, что философия способна развить добродетель у лиц обоего пола. Но хотя женщина может быть не менее добродетельна, чем мужчина, ее достоинства проявляются в доме, а мужские — вне дома. Поэтому они принимают разные формы: добродетельная женщина умеет быть домоседкой, занимается домашними делами, верна мужу, воспитывает детей, стойко переносит тяготы и невзгоды. Мы думаем, Музоний все же не был предтечей феминизма. Первый

фрагмент его произведения ясно показывает, в чем разница: «Если и мужчина, и женщина должны преуспеть в добродетели, подобающей человеку, если те и другие равно способны быть благоразумными и умеренными, причастны твердости и правосудности также совершенно в равной мере, то, значит, им должно давать одинаковое воспитание и всякому одинаковым образом открывать дарование, позволяющее ему стать достойным человеком? <...> Но я говорю, что, поскольку у людей мужская природа сильнее, женская же слабее, к каждой природе следует прилагать более для нее подходящие цели, так что более тяжкие следует поручать более сильным, а более легкие — более слабым. <...> Но все человеческие цели им равно принадлежат всем и суть общие для мужчин и для женщин: никакая не прилагается необходимо к одним или к другим. Вернее сказать, что та или иная задача той или другой природе больше подходит».

Согласно другому отрывку, неравенство отчасти компенсируется браком — «сообразным природе» состоянием человека как общественного животного, позволяющим сохранить человеческий род. Все остальные причины для сексуальных отношений философ запрещает, а удовольствие не является предметом рассмотрения: «Муж и жена <...> все имеют общее и ничего не имеют по отдельности, даже своих тел. Ибо великое дело — сотворение человека, становящееся возможным благодаря сему союзу. Но этого не довольно тому, кто вступает в брак, ибо это возможно и при половой связи вне брака, как то бывает у животных. Но в браке муж и жена должны быть всецело соединены в жизни и в попечении друг о друге, когда они здоровы, когда больны и во всех жизненных обстоятельствах. Каждый из супругов вступает в брак с этим желанием наряду с желанием иметь детей»¹³.

Замужняя женщина и сатирический поэт

То, что пишет сатирик, по определению нельзя понимать буквально: этот жанр возбуждает содрогание и смех, но не тот откровенный смех, какой бывает от чу-

жих недостатков или оплошностей, а нервический смех, тайно обвиняющий самого себя. Впрочем, Ювенал-писатель и Ювенал-человек — не обязательно одно и то же. Человек с его сексуальной ориентацией и опытом супружеской жизни нас не интересует. Предмет VI сатиры, направленной против женщин, — замужняя женщина со всеми пороками, которые боится встретить мужчина, собирающийся жениться. Помимо прочего, выведена неверная жена, избирающая самых презренных любовников (актеров, рабов, евнухов, которые удобны тем, что от них не забеременеешь) и самые извращенные способы наслаждения, потому что римлянки полностью лишились стыда и целомудрия, предаваясь своему *libido*:

Спальня замужней жены всегда-то полна перебранок,
Ссор: на постели ее хорошо заснуть не удастся.
В тягость бывает жена, тяжелее бездетной тигрицы,
В час, когда стонет притворно, задумавши тайный поступок,
Или ругает рабов, или плачется, видя наложниц
Там, где их нет; ведь слезы всегда в изобилие готовы,
Ждут на своем посту, ожидая ее приказанья
Течь, как захочется ей; а ты-то, балда, принимаешь
Слезы ее за любовь, упоен, поцелуями сушишь!
Сколько бы ты прочитал записок любовных и писем,
Если б тебе шкатулку открыть ревнивицы грязной!
Вот она спит с рабом, вот всадник ее обнимает...

.....
...Наглее не сыщешь, когда их накроют:
Дерзость и гнев почерпают они в самом преступленьи¹⁴.

Рано или поздно она разорит или отравит мужа — на том все и закончится в этом извращенном мире, где женщина вознеслась и преступила порядок, установленный природой и обществом.

Детородительница и врач

Для врача Сорана Эфесского, работавшего в Риме при Траяне и Адриане, женщина — особое существо; для большинства его клиентов она — тело или даже часть тела: у кормилицы грудь, у матери — матка и живот. Тем не менее гинекологу необходимо хорошо

знать анатомию матки. Можно заметить, что он ничего не говорит о матке после менопаузы, так что можно думать, что женщин в этом возрасте он уже не осматривал, а его описание крепления и чувствительности матки противоречит обычной теории о причинах маточных сокращений. «Матка расположена в пространстве, ограниченном ее отростками, между мочевым пузырем и прямой кишкой, выше прямой кишки и ниже мочевого пузыря, иногда во всем этом пространстве, иногда частично, поскольку величина ее переменчива: у девочек она меньше мочевого пузыря и полностью им покрывается, у девственниц, уже созревших, того же размера, как часть мочевого пузыря, расположенная над ней, у женщин, утративших девственность, а особенно уже рожавших, она больше мочевого пузыря <...>. После родов матка уменьшается в размерах, но остается больше, чем до беременности <...>. Матка крепится тонкими перепонками <...>. Когда эти перепонки напрягаются вследствие воспаления, матка оттягивается назад или склоняется вбок, если же они растягиваются и ослабевают, матка опускается — не потому, что она есть живое существо, а потому что у нее, как у всего живого, есть осязание, из-за которого она сокращается от охлаждающих воздействий и растягивается от расслабляющих»¹⁵.

Матрона доброго старого времени

«Вот гробница не слишком роскошная для прекрасной женщины. Родители дали ей имя Клавдия. Она любила супруга всем сердцем. Имела двух сыновей: одного оставила на земле, другой уже под землей. В разговоре любезна, поступью скромна, занималась домом, пряла шерсть»¹⁶.

От мифа к реальности

В этих ярких картинках есть доля правды, но их недостаточно, чтобы увидеть всю правду. Это действительно только иллюстрации для украшения первых

страниц нашей книги. Книга же эта — не феминистическая акция, и в ее задачи не входит «провокативный» или «стимулирующий» эффект, который слишком часто приписывают своим трудам авторы американских работ такого рода — воплощение непреклонной последовательности, систематичности, а иногда и чрезмерного воображения. Это не партийная книга, а просто историческая, и мы по возможности не будем применять к прошлому мнимые аксиомы современности.

Работа честного историка одинакова, каков бы ни был его пол, хотя от двух женщин, пишущих про римлянок, все-таки нельзя не ожидать некоторой симпатии к своим героиням. Но мы не дадим ей воли: мы ни в коей мере не собираемся принимать сторону «второго пола» против «сильного» и обличать римский мачизм, не собираемся писать «политкорректную» историю Рима. Но когда о женщинах пишут мужчины, они изначально попадают в неловкое положение: им неизбежно поставят в упрек мужскую точку зрения и заметят, что точку зрения женщин они не способны понять, а уж тем более говорить от их имени¹⁷. И действительно, история римских женщин ставит особые проблемы постольку, поскольку они не оставили нам письменных источников, к которым мы могли бы обратиться. Женщины вообще не говорят: за них говорят мужчины; перед нами *resonata vox, sermocinatio*¹⁸, своего рода игровой диалог, так что мужчины явно понимали, что им говорят. Даже любовные излияния элегических героинь изложены в стихах их возлюбленными! Устная и письменная культура римлян-мужчин всегда оставалась нормативной и требовала социального правдоподобия (*ratio dignitatis*) в речах тех, за кого говорили слова. Разве что несколько скромных надписей кормилиц в честь своих умерших выкормышей да очень немногие страницы более или менее приличных стихов и прозы были написаны или продиктованы женщинами.

Таким образом, увидеть подлинные образы женщин стоит немалого труда. Многие надписи, где идет о них речь, сделаны уже посмертно и сочинены на самом деле их отцами, мужьями и сыновьями. Даже их внешний облик продиктован обязанностями перед обществом и

семейством, а занимались они тем, что оставляли на их долю мужчины. Чтобы выразить себя, им оставались только прошения, акты благотворительности и краткие граффити. Не будем их переоценивать, но и пренебрегать ими не будем. Раз римские женщины так редко брали слово, мы просто констатируем этот исторический факт — он не станет полемическим аргументом в сегодняшних спорах.

Благодарим всех, чьи исследования, ободрение и критика помогли созданию этой книги. Особо упомянем наших коллег и друзей Альбера Демана, Сеголену Демужен, Югетту Джонс, Монику Донден-Пейр, Арно Кнепена, Алена Мартена, Жака-Анри Мишеля, Катрин Салль, Эмили Хемелрейк, Джона Шайда и Сесиль Эверс, а также наших студентов и студенток Валерию Анзиа, Салиму Барри, Доминику Беккерс, Женевьеву Буржуа, Од Бюзин, Филиппа Вандерлиндена, Седрика Ван Келеффа, Жилля Греса, Лорана Девольде, Алину Деро, Режиса Дефюрно, Федру Клуне, Марилен Полэр, Фредерика Пюиссана, Янника Роллана и Лоранс Тотлен.

ЖЕНЩИНА В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Попытка написать историю женщин в Риме похожа на азартную игру: тут все неясно. Да и вообще вся античная история — и женская, и мужская — покоится только на комплексе относительно связанных, относительно доказательных сведений; в ней можно выделить мало достоверного, не считая, пожалуй, дат кое-каких крупных сражений, а они-то нам как раз и неинтересны. Это сразу делает наше положение неудобным, как бы строго и тщательно ни вести исследование. К этой главной трудности добавляется еще одна: материалов о женщинах мало, и они разрозненны. Ведь все письменные источники, кроме каких-то крох, созданы мужчинами. Наконец, встает проблема географических и хронологических рамок. Немыслимо описать жизнь женщин на протяжении всех двенадцати столетий от легендарного основания Рима Ромулом до свержения Ромула Августула: мир, менталитет, общество и само государство — представления о нем и его функционирование — слишком сильно менялись, чтобы их можно было охватить одним взглядом. С другой стороны, Империя в пору расцвета захватила такое пространство, что нечего и надеяться обозреть все Средиземноморье от Ближнего Востока и Египта до Геркулесовых столпов или западные провинции от границ африканской пустыни до Шотландии,

Рейна и Дуная; невозможно дать портрет женщин каждого из этих так или иначе романизированных регионов. Поэтому в начале предлагаемой книги следует оговорить, какова была наша методология, а также описать естественную и социальную среду, в которой жили римские женщины.

Как их называли

Для обозначения статуса римских женщин использовался целый спектр терминов. Конечно, их употребление со временем менялось, имело стилистические и местные варианты, но все же можно составить их словарь в порядке латинского алфавита.

Amita — тетка по отцу. *Anus* (просторечное) — старуха, бабка. *Avia* — бабушка (с любой стороны). *Coniunx* — разделяющая брачное бремя; это слово, часто встречающееся в эпиграфических источниках, обычно (но не обязательно) обозначает вольноотпущенницу, с которой не заключен брак по всем правилам. *Domina* (от *domus* — родовой дом) — хозяйка дома, но также и любовница. *Femina* — самка любого животного; у людей это слово обозначает известную степень уважения к порядочной женщине (*honesta femina* и т. п.). *Filia* — дочь, существительное женского рода от *filius* — ребенок, воспитанный в семье; форму женского рода от мужского отличает особый дательно-отложительный падеж множественного числа: *filiabus*. *Filiastra* — падчерица или незаконная дочь. *Infans* — младенец, не умеющий говорить, без различия пола. *Mater* — женщина, вышедшая замуж, чтобы иметь детей; сложное слово *materfamilias* или производное *matrona* обозначают ее социальный статус, даже если она не родная мать детей в семье; ласковое уменьшительное *matercula* — мамочка. *Matertera* (вторая мать) — тетка по матери. *Mulier* — женщина; часто в сочетании с бранным эпитетом или бранное само по себе (еще хуже производное *muliercula*); может также быть парным к *maritus* (муж) или, в биологическом смысле, к *vir* (мужчина). *Noverca* — мачеха, вторая жена вдовца (от

novus — новый). Privigna — падчерица (рожденная не там, где другие дети). Puella (женский род от puer) — девочка, вышедшая из младенчества (infantia) и не вступившая в отрочество (adolescentia) или же до наступления юности (iuventus); девка. Sobrina — кузина со стороны матери или вообще двоюродная сестра. Socrus — первоначально свекровь, затем также и теща. Одного корня с sogog — родственница по женской линии, преимущественно сестра. Virgo — девушка, не знавшая мужчины. Vitrix — мачеха (во избежание неприятного и неприличного poverca), от vitricus — муж женщины, имеющей детей от другого брака. Uxor — законная супруга, взятая, чтобы иметь детей, так что тесть сможет именоваться дедом¹⁹; по одной из предложенных этимологий, она, так сказать, «импортируется» в новую семью, «наращивает» ее (другая возможная этимология), становясь матерью и кормилицей (mater) ребенка.

Богатство этого словаря показывает, сколь различные роли играла женщина в жизни римского общества.

Источники молчат

Истории женщин в античности не писали — есть разве что несколько женоненавистнических текстов вроде стихов Симонида или VI сатиры Ювенала. Вот отчего мы, историки, вынуждены обращаться к самым разнообразным источникам: произведениям искусства, надгробиям, похвальному и храмовому надписям, ремесленным клеймам, предвыборным призывам, правовым документам, монетам, речам, письмам, биографиям, сатирам, историческим трактатам. Богатство источников заманчиво, но и обманчиво. Что, собственно, там можно найти о женщинах?

В исторической литературе как таковой мы почти не находим сведений, кроме чисто фактических, да женщины редко и принимали участие в событиях такого рода, какие интересовали историков. Выделяются некоторые фигуры — такие, как Корнелия и Гортензия, Фульвия и Октавия, да еще императрицы, — но исто-

рия всегда говорит лишь об исключительных событиях и личностях, за которыми мы попытаемся рассмотреть контрастный фон — повседневный быт. А ведь изучение придворных интриг, которыми так увлекался Светоний, — не лучший способ узнать о множестве женщин, нимало не допущенных к тайнам власть имущих. Да и во дворце до настоящей жизни императорских родственниц не так легко докопаться: от них требовалось множество условностей, принятых форм и приличий, отступление от которых жестоко наказывалось. Вспомним хотя бы обеих Юлий.

Поэты говорят о любви, а следовательно, о женщинах. Но в их стихах больше вымысла, чем реальности, образы обычно смутны или выдуманно. Кто такая Коринна? Кем были Перилла и Лесбия? Так что и здесь нельзя собрать много пригодных к употреблению фактов.

Довольно информативным источником является, конечно, переписка. Письма Цицерона, Плиния Младшего, Фронтонна, как ничто другое, дают нам возможность увидеть личную жизнь римлян и римлянок их времени. Но даже и в этих письмах (отредактированных и подчищенных для публикации) трудно сказать, каково соотношение действительно пережитых и афишируемых чувств, действительно выношенных и прокламируемых идеалов.

Юридические тексты, бесспорно, всего объективнее, но говорят лишь о тяжбах и спорах, за которыми нелегко разглядеть обычную практику. Они разбирают брачные контракты, завещания и бракоразводные дела, всегда конфликтные — не удел повседневной нормальной жизни.

Кроме того, с точки зрения социологии все эти источники касаются быта верхних социальных слоев, а значит, дают неполное, пристрастное, идеологизированное, стереотипное представление о реальности в целом.

Так существуют ли источники, позволяющие современному историку дать подлинную картину, воссоздать статистику? Об архивных материалах приходится только мечтать. За исключением нескольких архивов,

избежавших гибели благодаря каким-то особым обстоятельствам (например, в Помпеях, британской Виндоланде, в Египте), документы этого типа не сохранились. Папирусы и надписи²⁰ дают большой объем чрезвычайно интересных сведений, но и ставят особые проблемы. Важнее всего — подчеркнем это, — что данные документы иногда писались самими женщинами. Во всех остальных источниках до нас дошла лишь информация, исходящая от мужчин: даже суждения, которые кажутся женскими или приписаны женщинам, всего лишь вложены мужчинами в их уста. Но письма, контракты, расписки на папирусе и восковых табличках нередко писаны женской рукой или выводят на сцену реально существовавших женщин из самых разных слоев общества. Религиозные посвящения, публичные восхваления, клейма на кирпиче и свинце, граффити позволяют нам прямо прикоснуться к фактам и подлинным чувствам. Но трудность в том, что сведения, содержащиеся в этих документах, носят фрагментарный характер: требуется упорядочить и выявить огромную массу взаимодополняющих элементов. Трудность и в том, что некоторые памятники, вполне возможно, дают нам уже препарированную действительность. Что такое посмертная похвала, даже самая краткая: фикция или чувство, выражает ли она то, что принято выражать в таких случаях, или неподдельную скорбь? Точно так же одни похвальные надписи на цоколях статуй искренне восхваляют достоинства щедрой благодетельницы, а другие лишь воспроизводят стандартные образцы обязательной благодарности.

Наконец, информация, которую дают археология и история искусства, дополняет общую картину, но и тут вновь и вновь возникают трудности интерпретации. Произведения искусства и предметы обихода побывали в руках женщин, но содержащиеся в них сведения как нельзя более фрагментарны, а использование их произвольно. Портреты, статуи, рельефы — это образы, которые надо еще вписать в определенный контекст. Что мы, собственно, видим? Что за женщина здесь изображена? Детали одежды или прическа — не-

сомненно, объективные факты, но что можно сказать об изображении влюбленной парочки, заботливой матери или смеющегося ласкового ребенка? Портретное и словесное изображение подобны надписям и столь же трудны для толкования: они соответствуют друг другу и говорят нам о общепринятых образцах, которые должны отражать какую-то конкретную реальность. Поэтому иллюстрации в этой книге мы приводим не для удовольствия: это такие же источники, на которые мы можем ссылаться и указывать, — так же, как и многочисленные отрывки из латинских и древнегреческих авторов, переведенные нами, чтобы прямо представить собранную информацию, предоставив читателю судить о нашем мировоззрении, то есть субъективном взгляде.

В самом деле, как столько веков спустя рассказать о том, что находилось между переживаемой реальностью и образом, который предстает перед нами в текстах и в памятниках? Осторожность требует не принимать буквально любой отрывок, находящийся в нашем распоряжении, любой источник, какого бы рода он ни был, приводить на суд строжайшей критики. Но полной объективности не бывает, любые документальные сведения подлежат интерпретации: историк должен это признать, хотя и стараться избегать произвольных выводов.

Хронологические рамки

Долгая — с 753 г. до н. э. до 476 г. н. э. — история Рима изучена неравномерно. От царского периода остались только легенды и некоторые археологические находки, плохо согласующиеся друг с другом. В эти времена известны некоторые символические фигуры, например Лукреция, но они еще более стереотипны, чем персонажи позднейших времен. Для первых веков Республики также трудно говорить о надежно установленных фактах. По крайней мере до IV, а то и до III в. до н.э. в дошедших до нас исторических эпизодах слишком уж сложно отделить легендарное от достоверного,

чтобы надеяться обрисовать картину жизни женщин: ведь даже основные вехи политической и военной истории устанавливаются с большим трудом. К началу III в. Рим покорил всю Италию²¹ и начал проявлять интерес к соседним народам, распространяя свое владычество за море. На этот век в основном приходятся Пунические войны: победа при Заме в 202 г. до н. э. привела к завершению второй войны, в течение которой римляне укоренились в Испании. Первая же война позволила им получить Сицилию, Сардинию и Корсику. Во II в. империалистическая экспансия пошла полным ходом: постепенно завоеваны Македония, а с ней и Греция, Африка (как минимум территория Карфагена), Цизальпинская²², а потом и Трансальпинская Галлия: Малая Азия стала римским достоянием по завещанию пергамского царя Аттала III²³; римское влияние росло на всем Востоке.

Кроме того, II век до н. э. — «классическая» эпоха Республики, когда государственные учреждения работали на максимуме своих возможностей и постепенно начинал дуть ветер реформ. Исходя из этого, учитывая и важность доступных источников, мы начинаем именно с данного периода. Следующее столетие стало свидетелем крушения системы. С одной стороны, победа италиков в Союзнической войне, поставившая под сомнение жизнеспособность прямой демократии, с другой — экспансия в еще более отдаленных краях (Восток, Африка, Галлия), вызвавшая военную реформу Мария, привели к печальным последствиям: способствовали росту личной власти полководцев, вызвали гражданские войны — Суллы и Мария, Цезаря и Помпея, наконец, триумвиров. После битвы при Акции войны разрешились установлением империи Августа и принесли новые земли: Египет, Иллирию. Таким образом, возникла новая форма государства, основанная на личной власти вначале принцепса — юридически первого из граждан, а затем и официально «господина» (*dominus*), тоталитарная, но миролюбивая. Она позволила на два столетия установить мир — впрочем, более чем относительный — и почти полностью завершить завоевания (Британия, Мавритания, Дакия). Тогда же

началась новая политика — политика интеграции провинциальных жителей, постепенно превратившая Империю в единую «страну». В 212 г. до н. э. эти перемены были закреплены дарованием римского гражданства всем свободным жителям.

Эти четыре столетия — от Сципиона Африканского до Каракаллы — и будут рамками нашего повествования, так как они дают картину эволюции ментальности при относительно стабильных, при всех оговорках, социальных условиях. Далее следует III в. н. э. — переходный период, наполненный кризисами и вторжениями варваров, многочисленными политическими проблемами, в последней четверти столетия разрешившимися созданием нового государственного устройства Диоклетианом. Это опять новый мир. В этом мире на торный путь выйдут христиане. Первые отцы Церкви, повлиявшие на литературу, относятся к эпохе Северов. И это — еще одна причина для того, чтобы ограничить нашу задачу указанными рамками. Много столетий было отмечено чертами и традициями язычества, оставившими женщине если не первостепенную, то необходимую роль в жизни. Перемены, связанные с христианством, означают становление новой цивилизации, что прекрасно выявили недавние работы А. Арджавы и Г. Натана²⁴.

Столица, Италия и Империя

Каждая из провинций, каждый из городов Империи на свой манер и в своем темпе романизировались, усваивали принципы (или элементы) римского образа жизни и мысли. Однако романизация возделывала не девственную почву и даже не перегной, в котором полностью уничтожены корни местной цивилизации. Восток сохранял свои традиционные учреждения (а Афины — своих архонтов) и языки — прежде всего греческий, разнесенный по миру Александром. Запад был латинизирован, но также с оттенками, отражавшими заметное различие испанской и гальской культур, например, в способах именовании лиц, религии, а также

техники. Разница между культурой различных областей Африки — Египта с его птолемеевскими традициями и нумидийских городов, не говоря уже о карфагенском влиянии, — не менее ощутима. Но в наши задачи все это не входит: географически мы ограничиваемся Римом и Италией, потому что нас интересуют не романизированные женщины, а римские. Ведь именно об этих женщинах говорят нам письменные источники, Помпеи с их окрестностями представляют собой поразительный, чудом сохранившийся мир, Остия — археологический объект, на редкость богатый предметами ремесла и повседневного быта, но главное — мы хотели поставить в центр нашего исследования сферы именно римского гражданства, римского права, римской религии, традиций *mos maiorum*²⁵. Слишком широкий обзор рассеял бы наше внимание и растворил бы общее в разнообразии местных вариантов. Тем не менее в некоторых пунктах, а именно в отношении общественной роли женщин, мы расширили эти рамки, чтобы указать на оттенки, которые не видны, если сосредоточиться на одной Италии. Кроме того, мы обращались к галло-римским, африканским и даже азиатским надписям, а также к египетским папирусам, потому что опыт, запечатленный в этих документах, хорошо дополняет наш очерк.

Итак, в центре нашего исследования — собственно Рим, *Urbs*²⁶, на протяжении всего этого периода бывший центром политической власти, его аванпорт Остия и область Помпей в Кампании. Наши героини жили, как правило, в этих трех городах.

Рим

На протяжении двух последних столетий Республики Рим начал приобретать облик, известный нам сейчас. Именно тогда его население резко выросло, достигнув миллиона жителей, главным образом за счет притока уроженцев других италийских городов и увеличения числа рабов. Для этих людей нужно было строить жилье, и тогда появились целые кварталы «ин-

сул» — многоэтажных домов для сдачи квартир внаем, в отличие от «господских домов» (*domus*), которыми владел господин (*dominus*) — обширных одноэтажных жилищ на одну семью. Политическая борьба внутри правящего класса толкала к постройке многочисленных престижных общественных зданий на форуме (в зоне политической жизни). К тому времени форумы стали очень длинными, почти прямоугольными площадями. Один из них располагался на Капитолии (в религиозной зоне), причем в одном из его торцов стоял Табулярий — построенное в 78 г. до н. э. государственное архивохранилище, — а другой на Марсовом поле (в военной зоне), и там в 52 г. до н. э. Помпей якобы для нужд богослужения как притвор храма Венеры построил первый постоянный, «из твердого камня» театр. Вскоре он стал местом любовных свиданий, как и выстроенный в том же году деревянный амфитеатр Куриона.

Юлий Цезарь, изменив политический строй Рима, желал изменить и его пространственную организацию, задумав даже отвести русло Тибра. Его убийство не дало осуществиться этим проектам, но он успел построить новую курию, ораторскую трибуну, прозванную «рострами», так как ее украшали носы кораблей, и базилику, освященную уже Августом в 12 г. до н. э.²⁷ на месте прежней Семпрониевой базилики, возведенной, в свою очередь, на месте торговых лавок. Цезарь изменил планировку старого форума, получившего название «республиканского», и устроил новый, вошедший в историю под именем «форума Цезаря», украсил храм Венеры Прародительницы — мифической родоначальницы его семьи. На старом форуме, рядом с храмом Весты, возвели храм обожествленного диктатора (*divus Iulius*).

Август с помощью своего зятя Агриппы подхватил эту эстафету. Его деятельность, правда, не столь грандиозна, но более четко организована. Император разделил город на четырнадцать округов (четырнадцатый находился за Тибром — *trans Tiberium* — и стал нынешним Транстевере), сохранявшихся до конца античности. Надзор за городом — полицейские ночные

дозоры и борьба с пожарами — был поручен корпусу вигилий. Для нужд водоснабжения Август отремонтировал старые акведуки и построил новые, а также устроил много фонтанов; он открыл первые общественные бани (так называемые термы Агриппы; позднее были построены термы Тита, Домициана, Каракаллы и Диоклетиана), два театра, амфитеатр, сооружение для навмахий, несколько библиотек. Кроме того, он воздвиг грандиозный Алтарь Мира (Ara Pacis) и семейный мавзолей, именуемый мавзолеем Августа — на Марсовом поле. Поскольку республиканский форум превратился просто в сильно застроенную парадную площадь, к форуму Цезаря присоединили новый форум Августа (с храмом Марса Мстителя, супруга Венеры, в котором могут «поместиться трофеи от битвы гигантов»²⁸); к ним позднее добавились форумы Веспасиана (или Мира), Домициана, Нервы, по которому проходила Аргилетская улица, соединявшая форум с районом Субуры (forum transitorium), и Траяна. По сторонам Траянова форума стояли две библиотеки, латинская и греческая, ради которых пришлось выбить ниши в скале. Границы форумов отмечают огромные кирпичные крытые рынки.

На долю мраморного Рима, который, по словам Августа, он оставил после себя, досталось немало невзгод. Особенно важные перемены в облике Города связаны с пожарами. В пожаре 64 г. до н. э. одни обвиняли Нерона, другие — христиан. В любом случае благодаря этому страшному событию стала возможной постройка гигантского императорского дворца, за его роскошь прозванного Domus aureus — «Золотой дом», а в Городе, чтобы препятствовать распространению огня, с тех пор избегали построек со смежными стенами и из легковоспламеняющихся материалов.

Все это не помешало гибели Капитолия в 69 г. н. э. и вновь его же вместе с Марсовым полем — в 80-м. Дурная память о Нероне заставила снести его дворец, а на этом месте построить амфитеатр Флавиев, известный под названием Колизей, строительство которого началось при Веспасиане, термы Тита и Храм Мира. Рядом с дворцом Тиберия Домициан там же, на Палатине, выстроил но-

вый императорский дворец, до конца III в. н. э. остававшийся официальной резиденцией императоров.

В 123 г. при Адриане было предписано клеймить кирпичи именами консулов этого года, что дает историкам бесценный эпиграфический материал. Тогда же построили или перестроили Пантеон, храмы Венеры и Ромы, мавзолей новой династии (впоследствии замок Святого Ангела). Реконструировали и дворец на Палатине, выстроили новые жилые кварталы. Пожар квартала вокруг Храма Мира в конце правления Коммода, согласно Галену, способствовал упадку античной словесности (кроме того, погибли его собственные книги и лекарственный склад): «Я не хочу говорить об иных причинах, но назову две из числа событий, недавно случившихся в Риме. Во-первых, святилища неоднократно разрушались огнем, а другие, также неоднократно, обрушивались землетрясениями; случались также и другие события, и из-за всех этих причин пропало весьма значительное число книг»²⁹. Но тот же пожар вызвал новый всплеск активного строительства, так что фасад Палатинского дворца над Большим цирком (длинным оврагом, со времен Ромула бывшим местом увеселений) приобрел окончательный вид. В 203 г. н. э. Септимий Север поставил триумфальную арку себе и своим сыновьям (впрочем, имя Геты с нее вскоре убрали³⁰), замыкавшую форум со стороны Капитолия симметрично арке Тита, в свою очередь замыкавшей его со стороны Веллии. Великой заслугой этого императора было распоряжение составить план Города на мраморных плитах, выставленных на форуме Мира: он частично сохранился.

Жизнь в мегаполисе

Гален восхищался Римом — «городом, где столько жителей, что ритор Полемон в похвалу назвал его вселенной в миниатюре»³¹, а сатирик Ювенал возмущался тем, во что он превратился.

Этот огромный город был украшен и стал привлекателен благодаря богатым политикам и император-

ским семействам; в нем было множество красот, и мало у кого он не вызывал восхищения. Сады, парки, портики, зрелищные заведения позволяли беднякам не жалеть, что они не могут уехать на природу. Помпей первым открыл для народа парк, Цезарь по завещанию оставил ему свои сады за Тибром, Август велел посадить кусты и сделать дорожки вокруг своего мавзолея, Адриан придумал поставить скамейки в саду при термах своего имени. При всем при том со времени энциклопедиста Цельса Город считали местом крайне нездоровым — столько проблем перед каждым жителем ставил городской быт: преступность, грязь, шум, суета, усталость... Тяжелее всего в этом огромном для того времени мегаполисе была проблема транспорта и трафика. В иные часы заторы становились невыносимыми. Никакие правительственные меры не помогали. Пешеходы толкались в тесной толпе. Никто не уступал дорогу ни друг другу, ни носилкам, в которых обычно передвигались богачи, ни наемным портшезам (*sella gestatoria*), чуть более разворотливым, потому что их несли всего два носильщика, ни страшно стучащим повозкам с громко вопящими возницами. Прибавьте сюда же бляение и мычание скота, крики школьных учителей, клики торговцев вразнос, стук кузнечных молотов. В таком шуме жить было тяжело, а спать тем, кто не имел большого дома, — невозможно. Кроме того, хотя ночью не было заторов и становилось потише, зато пустынные и недостаточно освещенные улицы были небезопасны: из дома практически нельзя было выйти без факельщика. Но и тогда приходилось остерегаться проституток, беззащитно пристававших к клиентам, буйных пьяниц, воров и злых шутников. Таким, согласно Светонию³² и Тациту³³, был Нерон: надев шлем или колпак, чтобы его не узнали, он ходил из кабака в кабак, для забавы колотил прохожих, ломал двери лавок и грабил их, а награбленное продавал с торгов. Эти порочные увеселения продолжались, пока его не ранили и не узнали по кровавому следу: он уже не мог продолжать свои преступные похождения без охраны солдат или гладиаторов, а это ему нравилось гораздо меньше.

Под руку развеселившемуся Нерону попадался не всякий, но всякому приходилось опасаться еще более глупого приключения: как бы на голову не вылили ведро помоев или ночной горшок. Несмотря на все усилия местных властей, Город оставался грязным. Гален, говоря о качествах разной рыбы, вынужден был признать, что «наихудшая водится в устьях рек, куда сливают стоки из нужников, кухонь, бань, где стирают одежду, плотно и все, что следует мыть и чистить в городах, на них стоящих, особенно многолюдных <...>. Мурены же всего хуже в устьях рек наподобие той, что течет через Рим»³⁴. Можно представить себе, какая вонь стояла летом на берегу Тибра, а с ней мешался запах из кухонь и кожевенных мастерских.

Кроме того, и днем и ночью мог случиться пожар, для тушения которого не всегда хватало воды, или обвал дома: необходимость приспособливаться к постоянному притоку населения заставляла строить «инсулы» — высокие дома плохого качества. Подрядчик не заботился о будущих жильцах, а домохозяин не занимался серьезным ремонтом домов из дерева и самана, где от масляных ламп и жаровен могло случиться что угодно. Если такой дом не сгорал, он рано или поздно рушился сам собой. Вигилии со всем не справлялись. Большие дома превращались в трущобы; тогда стал известен рахит: вопреки мнению врача Сорана Эфесского³⁵, ножки у многих младенцев в Риме были кривые не от недостатка материнской любви, а от городской скученности и нищеты.

Водопроводов стало достаточно, однако у них был тот недостаток, что кроме больших керамических труб в них употреблялись и более узкие свинцовые, хотя специалисты — например, архитектор Витрувий и управляющий водопроводами Фронтин — знали, что они опасны. Врач из Пергама Гален, живший в Риме, на это не обращал внимания: он, как и мы, любил римские фонтаны и одобрял холодную воду, без запаха и мути, находя, что она лучше, чем в его родном Пергаме. На самом деле водоснабжение было весьма неравномерным между богатыми и бедными, между культурными (термы, навмахии и т.п.), «промышленными» (гончар-

ными и красивыми мастерскими, мельницами) и гигиеническими (канализация, мытье улиц и домов) предприятиями. Воды хватало не всегда: ее воровали и расточали.

Наконец, летом в Городе было очень жарко, и к загрязнению воздуха, вызванного городскими условиями самими по себе, добавлялись «миазмы», возникавшие из-за географического положения как Рима, так и Остии: в некоторые месяцы, особенно в конце лета, малярия уносила множество жизней. Этой самой Лихорадке (Febris), а также Трехдневной богине и Четырехдневной богине (по промежуткам между приступами) древние возводили храмы.

Остия и Помпеи

Километрах в двадцати от Рима по Остийской дороге, в устье Тибра, находились «гавань и прилегающий к ней город по имени Остия»³⁶ (от слова *ostium* — устье) — военный, а затем и торговый аванпорт Рима, пристань для поездок на курорты вроде Путеол и Бай; его судьбы неотделимы от судеб столицы. Остия не была административным центром, являясь торговым и ремесленным городом, деятельным и трудолюбивым. Его населял, если позволителен такой анахронизм, средний класс, что дает нам материалы, превосходно дополняющие источники из Рима, являвшегося резиденцией правительства и императорского двора. Естественная гавань, без которой было невозможно снабжение столицы продовольствием, после расширения империи быстро стала тесной. В 42 г. н. э. Клавдий начал строительство искусственной гавани на правом берегу реки, довольно далеко от моря. Работы продолжались долго, и лишь Нерон в 54 г. открыл эти пристани. Вскоре и их стало мало, что вызвало новое строительство при Траяне (100—106), в том числе шестиугольного водоема — ныне одного из самых поэтичных памятников античности. Новый порт так и не стал настоящим городом и не заменил Остию — она только расширилась и украсилась, в ней появились водопровод и отряд вигилий.

Площадь, ныне называемая Площадью корпораций, — центр городской торговли, — дома самого разного типа, лавки, храмы официальных и экзотических культов, склады, надгробия трех главных некрополей дают незаменимую источниковедческую базу для изучения повседневной жизни.

Наконец, Помпеи — самнитский город, завоеванный Римом в IV в. до н. э. — был единственным в своей области, остававшимся верным Риму во время войны с Ганнибалом. Зато Помпеи приняли активное участие в бурных событиях Союзнической войны, в 89 г. до н. э. были осаждены и взяты Суллой. В наказание там была основана сулланская колония, что полностью изменило систему управления, состав населения и жизнь Помпей. Так началась их краткая жизнь в качестве римского города, продолжавшаяся до гибели под пеплом Везувия 24 августа 79 г. н. э. Неподалеку, в той же геологически опасной зоне, погиб модный морской курорт Байи, полный прелестей и опасностей для женщин; погребены под пеплом оказались также соседние города Геркуланум и Стабии³⁷. Помпеи как раз тогда активно перестраивались и расширялись после землетрясения 62 г. н. э. Это был цветущий город на выходе к морю из богатой области Кампания, оживленный порт в устье Сарно. Его жители — купцы и ремесленники (создававшие иногда организации почти промышленного типа) — любили изящные искусства, зрелища, политические споры и всякие удовольствия. Они обожали оставлять письменные следы своей деятельности и страстей: по стенам города можно читать, как по книге.

Сословия, патриции и знать

Важная — возможно, самая важная — черта римского общества состояла в том, что оно было сословным, а не классовым в том смысле, как это обычно понимается: иерархия лиц определялась их юридическим статусом, определенными законом правами, обязанностями и привилегиями, ролью в политике и администрации, соответствовала разрядам, установлен-

ным законом и обычно не связанным с экономическим положением. Размер состояния почти всегда был одним из критериев отбора, но не являлся достаточной характеристикой принадлежности к сословию: нужно было еще обладать «достоинством» (*dignitas*) — либо наследственным, либо приобретенным в результате службы на определенных должностях, либо дарованным уполномоченными на то лицами и признанным исполнителем цензорской власти: цензором, а затем императором.

Нас интересуют в основном граждане, жившие сначала в самом Риме, затем в италийских колониях и провинциях при Республике; начиная с 80 г. до н. э. они встречались во всей Италии, а затем постепенно и на всех завоеванных территориях. В 212 г. н. э. гражданство было даровано всем свободным жителям империи. Граждане делились на цензовые классы, то есть на категории, установленные цензором соответственно их состоянию и определявшие место гражданина в политической жизни Римского государства. Дело в том, что в соответствии с классами составлялись центурии, иными словами, избирательные единицы на собрании римского народа («центуриатных комициях»), избиравшем высших должностных лиц и имевшем право принимать законы. На практике начиная со II в. до н. э. законы принимались на другом народном собрании — трибутных комициях, где граждане делились по трибам (племенам), а те определялись по месту происхождения. Первый, богатейший из классов держал в руках бразды правления: во-первых, потому что из его представителей состояла почти половина центурий, во-вторых, потому что из его верхнего слоя (восемнадцати всаднических центурий) отбирались кандидаты на государственные посты.

Экономической базой богатства этих граждан была в первую очередь земля, а для тех, кто желал стать магистратами, по окончании же срока должности сенаторами — даже исключительно земля. Другие, также землевладельцы, вкладывавшие деньги в банковское дело, заморскую торговлю, бравшие на откуп

государственные поставки и налоги, составляли второй слой римской аристократии — всадников. В то время, с которого начинаем рассматривать историю римских женщин, как раз начало складываться различие между сенаторским и всадническим сословиями, поскольку со времени Гракхов всадникам отводились особые функции, в частности, в судебной сфере. Зато другое различие — между патрициями и плебеями — свое значение в основном утратило. Некогда патриции обладали политической властью, а плебеи долго вели ожесточенную борьбу за участие в управлении государством. Теперь она завершилась: с 367 г. до н. э. один из консулов обязательно должен был принадлежать к числу плебеев, а с 287 г. до н. э. решения плебса приобретали силу закона³⁸. Таким образом, в сенат входили и патриции, и плебеи — социальный статус превратился в почетное звание (исключая некоторые жреческие должности, например, великих фламиннов), и с ним никак не связаны тенденции политической борьбы. Эта борьба, пронизывавшая гражданские и законодательные перипетии того времени, шла между большинством сенаторов — «оптиматами» (поскольку они сами считали себя «добрыми мужами», *viri boni*)³⁹ и «популярами» — прогрессистами и популистами, защищавшими интересы и суверенитет всего народа. Само собой, это не были политические партии в современном смысле; в каких-то случаях раскол мог вызываться другими причинами: семейными интересами, погоней за личной карьерой — например, тогда, когда речь шла об одобрении завоевательного похода, приносившего богатство и триумфы. Что же касается «знати» (*nobilitas*) в римском смысле слова, то это была группа совсем иного рода: к ней относились те, у кого хотя бы один из предков занимал высшую должность — консула. Все эти деления: на патрициев и плебеев, оптиматов и популяров, нобилей и всех остальных, — в зависимости от превратностей политической и военной жизни могли совпадать, подводясь под какую-то одну рубрику, а могли сами подразделяться на подгруппы соответственно тому или иному общему интересу.

Местная элита

За пределами Рима — в Италии, а постепенно и в провинциях — следует принять во внимание еще одну категорию богатых граждан: «знатных в своем отечестве» (*domi nobiles*) — представителей местной, региональной и даже провинциальной аристократии, занимавших муниципальные должности. Они составляли третью группу того, что называют «элитой». Некоторые из этих итальянцев и большинство провинциалов не были римскими гражданами, хотя со II в. до н. э. приобретение римского гражданства было облегчено «латинским правом» (*ius Latii*). Одна из главных черт этого права, которым обладали некоторые итальянские колонии, латинские колонии, а после Союзнической войны — Цизальпинская Галлия, и, наконец, при Империи — все многочисленные галльские провинции, — состояла в том, что после пребывания в муниципальной должности человеку предоставлялось римское гражданство. Состояние этой знати могло иметь самое разное происхождение, но земля тем не менее ценилась выше всего, так что должностные лица на местах также обычно происходили из окрестной земельной аристократии.

Низшие слои общества и рабы

Большая часть торговавших в Риме и других городах не принадлежала ни к категории богатых дельцов, ни даже к тем слоям, из которых пополнялась элита на местах. Вместе с ремесленниками они составляли многочисленную группу, но это не был «средний класс» в современном смысле слова. Среди них многие были вольноотпущенниками, к чему мы еще вернемся. На деле мелких торговцев (*negotiatores* и *mercatores*) следует объединить с мелкими землевладельцами: это были низшие цензовые классы, из которых рекрутировались легионеры, что и было для небогатого человека основной государственной службой. Между прочим, помимо того что этот общественный слой нес немалые потери

в ходе оборонительных и захватнических войн, италийские крестьяне сильно страдали от конкуренции из-за моря, а рабский труд мешал жить поденщикам. Обеднение и ослабление крестьянства наряду с его бегством в Город — одна из основных черт двух последних веков Республики. Многие влились в массу «пролетариев» — тех, от кого государство ожидало лишь потомства (*proles*). Они не несли воинской повинности и не платили налогов, зато, чтобы уравновесить права и обязанности, составляли центурию вне классов — *capite censi* («сочтенные по головам»). Для решения этой проблемы предлагались два пути, каждый из которых порождал новые трудности: аграрные законы, позволявшие раздавать наделы общественной земли (*ager publicus*) и возвращать в деревню городских безработных, и военная реформа, позволявшая пролетариям заниматься воинским ремеслом. Преимущества были очевидны, но и недостатки велики. Изъятие земли у тех, кому она уже была выделена или сдана в аренду, порождало гражданские смуты в Риме и экономические неурядицы в Италии, которые стали причиной требований, прозвучавших в ходе Союзнической войны. Профессионализация же легионов повлекла за собой усиление личной власти военачальников и поставила проблему пенсий ветеранам, решенную, если это можно назвать решением, созданием колоний в Италии и провинциях.

Кроме того, было множество рабов: последние два века Республики — эпоха распространения рабства, неразрывно связанного с расширением римских владений. Постепенное завоевание всего Средиземноморья привело, по крайней мере в некоторых регионах, к концентрации земельной собственности и сопровождалось обогащением землевладельцев, изменившим образ жизни римлян. И в Риме, и в сельских поместьях появилось множество домашних слуг, но это была еще не вся невольничья рабочая сила: много рабов было и в рудниках, и среди гладиаторов, и в мастерских. А что такое раб? Это вещь (*res*), находящаяся в чужой собственности; ее можно продавать, покупать, завещать, но ее, как и всякую собственность, выгодно содержать до-

статочно хорошо, чтобы она сохранялась и приносила пользу. Большинство так и понимало дело, но не надо забывать, что у всякого, кто имел на это средства (включая вольноотпущенников), был хотя бы один раб. Даже сами рабы могли владеть своими «заместителями» (*vicarii*) — рабами рабов. В то же время раздавались голоса, в том числе и среди юристов, что люди по естественному праву равны, а между тем гражданское римское право почитает рабов за ничто⁴⁰.

Наконец о женщинах

Наиболее известные нам женщины эпохи Республики — безусловно, женщины верхних социальных слоев, супруги и дочери всадников и сенаторов: ведь именно о них прежде всего сообщают письменные источники. Что касается моды высекать надписи: надгробные, храмовые и почетные, — то она была еще не очень распространена; вследствие этого мы плохо знаем как муниципальную «буржуазию» (насколько применимо это слово) тех времен, так и низшие слои населения, причем и мужчин, и женщин, за исключением отчасти воинов. Впрочем, экономическая литература, как, например, пособия Катона и Варрона, отводит важное место сельским рабам. Поэтому следует читать Катона⁴¹, который скрупулезно перечисляет обязанности ключницы (*vilicae officio*) в сельском поместье: она не должна быть расточительна (*luxuriosa*), слишком часто видеться с соседками, принимать гостей у себя и сама обедать вне фермы. Зато она следит за уборкой в доме, приготовлением пищи, за птичьим двором и съестными припасами, не забывая в определенные праздничные дни почитать домашние лары венком из цветов, сплетенным ею и подвешенным у очага. Управляющий (*vilicus*), за которого ее выдал замуж хозяин, должен быть ей верен, не искать других женщин и держать ее в страхе, чтобы она должным образом исполняла свои обязанности. Оба они должны целиком посвятить себя хозяйству, чтобы не допустить никакого убытка, который хозяин был бы вынужден потом возмещать.

Отрывок из Варрона⁴² — диалог с неким Коссинием — дает нам очерк жизни невольников-пастухов середины I в. до н. э.: «Для крупного скота <нужно выбирать> пожилых пастухов, для мелкого можно и молодых. На горных пастбищах можно увидеть молодых, обычно с оружием, а в поместьях скот пасут не только юноши, но и девушки. Пастухов должно обязать целый день быть на пастбище и все стада пасти вместе, ночью же каждому быть при своем стаде. Все они да повинуются главному пастырю. Людей надо выбирать сильных, проворных, ловких, со здоровыми конечностями. <...> Все состоящие при одном главном пастыре должны брать себе на день пищу особо, а вечером трапезовать вместе. Продолжать же род тем пастухам, что всегда находятся в поместье, нетрудно, ибо они всегда найдут на ферме подругу, а пастушеская Венера иного не требует. Тем же, кто ходит со стадами на горные пастбища и в лесистые места, защищаясь от дождя не на фермах, а в утлых хижинах, некоторые агрономы считают полезным давать жен, чтобы те сопровождали пастухов, готовили им еду и делали их более надежными. Однако такие женщины должны быть крепки, но не уродливы; во многих местах они не уступят мужчинам в работе: умеют пасти скот, носить дрова, варить обед и стеречь утварь вокруг хижины. Что же до кормления детей, скажу, что эти женщины обычно бывают и матерями, и кормилицами. Тогда Коссиний поглядел на меня и молвил: “Как я слышал от тебя, когда ты был в Либурнии, то видел там матерей, которые вместе с вязанкой дров несли младенца или двух: эти женщины доказывают, что наши роженицы, несколько дней лежащие в постели, хрупки, как тростинки, и достойны презрения”. Что же касается недугов пастухов и стад, которые можно лечить без врача, у главного пастыря должны быть пособия. Да и вообще, не умея читать, он не справится со своим делом, ибо не сможет правильно вести счет хозяйским стадам».

Этот текст заслуживает внимания в целом ряде отношений: кроме объективного, весьма редкого описания жизни рабов на отгонных пастбищах, в том числе и женщин, мы встречаем здесь честно выраженное

презрение к женщинам со стороны мужчин, не желавших знать о страданиях и опасностях, связанных с деторождением, даже когда речь шла об их собственной социальной группе. Кроме того, текст лишний раз напоминает, что браки среди рабов заключались по воле хозяина, чаще всего для умножения «говорящих орудий», но в те времена эти браки не имели никакой законной силы. Хотя в надписях встречаются термины *ихог* и *coniunx* («несущая брачное бремя»), это было лишь сожительство (*contubernium*), которое хозяин мог расторгнуть по своему произволу, не обращая внимания на родительские чувства.

Перемены последнего века Республики

В ходе республиканской эпохи распространение римского владычества на все Средиземноморье расширило также и умственный кругозор. Уже во II в. до н. э. Катон тщетно боролся с растущим влиянием эллинизма и старался поддерживать древнейшие традиции. Надвигалось новое течение, приводившее к большей гибкости брачных уз наряду с большей открытостью умов. Между прочим, знаком уважения к женщине в это время была первая надгробная речь в честь женщины, произнесенная в 102 г. до н. э. Квинтом Лугацием Катулум в память его матери⁴³. Но Италии, чтобы получить права римского гражданства, еще потребовалось вести Союзническую войну, и движение за уравнивание в правах всех жителей полуострова давало Республике далеко не только выгоды: в самой деятельности политических учреждений, связанных с Городом и не приспособленных для такой обширной территории, произошли глубочайшие расстройства, открывавшие путь к соблазнам личной власти.

Гражданские войны I в. до н. э. — период переходный. Расстройство традиционного образа жизни («обычай предков» — *mos maiorum*) коснулось и мужчин, и женщин; явились огромные возможности обогащения, а отсюда и социальной мобильности. Один италиец, которого в конце Союзнической войны

пленная мать несла на руках во время триумфа Гнея Помпея Страбона, впоследствии стал римским гражданином, консулом, военачальником, справившим триумф за победу над парфянами: Публий Вентидий Басс⁴⁴. Конечно, это крайний случай. Но хотя не все, возведенные в сенаторское или всадническое достоинство волей диктаторов и полководцев, непременно оставались в нем после восстановления мира, состоялось серьезное обновление состава правящих семейств, переплавка слоев общества и состояний, не уничтоженная реставраторскими потугами Августа. Однако не надо заблуждаться: эти перемены в основном происходили в рамках социальной стратификации, установившейся по крайней мере с III в. до н. э. и не породившей новой социальной системы. С другой стороны, вся императорская политика интеграции провинциалов исходила из этого первого шага, трудного, но решительного: интеграции италийцев.

Перемены в италийском обществе того времени прекрасно показывает судьба женщины, которую обычно зовут Турия, хотя ее подлинное имя неизвестно. Эта женщина пережила убийство своих родителей, гражданскую войну 49—48 гг. до н. э. и проскрипции 43 г. до н. э. До нас дошли отрывки надгробной речи, сочиненной ее супругом: «Зачем мне теперь извлекать из глубины сердца моего наши сокровенные и тайные решения? Как, благодаря скоро полученным известиям, я смог советами твоими избежать неминуемых бедствий и сохранить жизнь; как ты не дождалась слепо, чтобы наглый удар поразил меня, и приготовила мне надежное убежище, пока я сам об этом и не помышлял; как ты, спасения моего ради, поделилась замыслами твоими с твоей сестрой и ее мужем — всех соединила беда. Довольно и мне, и тебе, что ты укрыла меня, и я был спасен. <...>. Что же полезнее храбрости твоей, ибо ты смогла дать Цезарю случай оказать милость и, спасая жизнь мою, заклеить неумолимое свирепство своей беспримерной твердостью»⁴⁵. Та же самая женщина, когда наступил мир, предложила мужу развестись из-за бесплодия их союза: значит, ей был не чужд традиционный стереотип о материнстве как цели брака.

Вспомним также, как Росцию из Америки, которого преследовал некий вольноотпущенник Суллы, помогла Цецилия Метелла — благородная, уважаемая и сознающая высокое положение своей семьи женщина. Цицерон так описывает ее поступок: «В этой женщине, судьи, словно бы в образец, жива верность старинному чувству долга. Она Секста Росция, беспомощного, выброшенного из дому и выгнанного из имений, скрывающегося от разбойничих стрел и ловушек, приняла к себе в дом и, чтя узы гостеприимства, поддержала в беде, когда все от него уже отступились»⁴⁶.

После смерти Цезаря Сервилия пыталась восстановить Республику с помощью своего сына Марка Юния Брута и прямо обратилась к Цицерону, о чем он сообщает в переписке: «После моих частых советов тебе в письмах, — пишет он Бруту 27 июля 43 г. до н. э., — чтобы ты возможно скорее явился на помощь Республике <...>, я не думал, что у твоих близких есть сомнения на сей счет. Твоя мать, благоразумнейшая и заботливейшая женщина, все заботы которой о тебе и для тебя, попросила меня прийти к ней <...>. Она обратилась ко мне и спросила, каково мое мнение, вызываем ли мы тебя и считаем ли мы, что это для тебя полезно»⁴⁷. В это время, ключевое для понимания перемены положения женщины, выделяются и многие другие, например, Гортензия или Теренция — честолюбивая супруга Цицерона⁴⁸. Иногда эти перемены называют «эмансипацией»; они безвозвратно сокрушили жесткий традиционный образ женщины дома за прялкой.

Империя и социальная мобильность

С установлением императорской власти положение различных групп римского общества продолжало меняться. Август создал сенаторское сословие и реформировал всадническое сословие, с тем чтобы ограничить к ним доступ, по крайней мере с виду. Обязанности, поручаемые всадникам, стали шире и связаны с созданием настоящей государственной администрации, в том числе налоговой. В ней служили император-

ские рабы и отпущенники, которых время от времени проверяли прокураторы из всадников. В деревню, в провинции конец захватнических войн принес стабилизацию; затем экономическая экспансия и перемена общего отношения к провинциалам — от эксплуатации к интеграции — постепенно дала им возможность начать подниматься вслед за аристократами Империи по социальной лестнице.

В этом одна из главных особенностей римского общества, на которую следует обратить внимание: оно было сословным, но не кастовым. Никто не был осужден оставаться в той категории, в которой родился: это заметно, хотя и в меньшей мере, уже в республиканскую эру, а в императорскую еще более.

Богатые провинциалы приобретали римское гражданство или с помощью латинского права, или по ходатайству какого-нибудь патрона-благодетеля — например, наместника провинции или сенатора, имевшего в тех краях большие поместья. Для менее состоятельных обычным способом получения гражданства при Империи была служба в римской армии: достаточно было записаться в так называемые вспомогательные войска⁴⁹, состоявшие из перегринов, то есть свободных жителей империи, не обладавших правами римского гражданства. Через двадцать пять лет, по окончании службы, солдат, если он за это время не умер, получал от императора *civitas Romana*⁵⁰.

Социальная мобильность давала также возможность из поколения в поколение подниматься по иерархической лестнице. Сын солдата-перегрина становился легионером, внук — унтер-офицером, затем младшим офицером, всадником, а там, возможно, и сенатором. Или же он выходил в отставку и, разбогатев на торговле, купив землю, получив доступ к местным магистратурам, также вступал в сословие всадников — и далее. Рим не сразу строился, и чтобы подняться очень высоко, нужны были десятилетия, учитывая, что для вступления в высшие сословия требовалось значительное состояние: 400 тысяч сестерциев для всадника, миллион — для сенатора. Но переход из одного слоя элиты в другой был уже гораздо легче, хотя никогда не

бывал автоматическим. В самом деле, император мог своим решением возвести в сенаторское достоинство всадника, сделавшего блестящую карьеру (например, префекта претория, префекта Египта) или его сына, а когда варварская угроза на границе стала ощутимой, как при Марке Аврелии, — военачальника высокого ранга. Кроме того, император всегда старался допустить в сенат провинциальную элиту, так что можно проследить, как расширялось представительство территорий в нем: в I в. н. э. Галлия и Испания, затем Азия, потом и Африка. При Республике было достаточно пройти определенное число должностей (*cursus honorum*) в Городе — ведь сенат состоял из отставных магистратов, так что попасть туда казалось проще. В действительности низшие должности, квестура или претура, для италийца, имевшего римское гражданство, были доступны, но очень редко новый человек (*homo novus*) достигал высшей магистратуры в государстве — консулата. На деле высшие должности монополизировал узкий круг олигархов из двух с половиной десятков фамилий, в основном нобилей; успех Мария и Цицерона не должен заслонять от нас действительность: доступ в правящий слой сенаторов при Республике был закрыт.

Эти глубоко укоренившиеся представления иллюстрирует широко известный случай. Когда Катилину уже собирались объявить вне закона за его заговор, раскрытый Цицероном, он умолял сенаторов не верить наветам: «Пусть они не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу, нужно губить государство, когда его спасает какой-то Марк Туллий (Цицерон. — *Авт.*), гражданин, не имеющий собственного дома (буквально *inquilinus*, «квартиросъемщик». — *Авт.*) в Риме»⁵¹. И это лишь потому, что консул был римлянином из Арпина, а не из самого Города, плебеем и первым сенатором в роду! Впрочем, Катилине не удалось убедить отцов-сенаторов в своей благонамеренности.

Только между 43 и 33 гг. до н. э. выходцы из новых фамилий в значительном числе достигли высокого общественного положения, поскольку их таланты и чес-

толюбивые устремления в условиях того времени могли проявиться легче, чем за сто лет до этого. В классической Республике провинциалы были побежденными, эксплуатируемыми, они не пользовались уважением и не имели надежды когда-либо достичь в государстве нобилитета. При Империи положение изменилось, тем более что хотя ступени сенаторского *cursus honorum* сохранили прежние названия, прежние ярлыки, но императорская власть лишила их реального политического содержания: все серьезные решения исходили от государя. От выборов тоже осталось одно название: они проходили после назначения на должность сенатом. Тем не менее одни семьи получали консулат и наместничество в больших консульских провинциях, другие прозябали на низших должностях. Патрициат тоже сохранялся — император даже создавал новые патрицианские роды, — но имел лишь почетное и религиозное значение. Однако и принадлежность к патрициям весьма ценилась, потому что император был патрицием по рождению или становился им при восхождении на престол, его родичи также были или становились патрициями, а для них и карьера была ускоренной, и получение консулата облегченным, часто им отводилось место и в императорском совете. Зато они редко занимали высокие военные посты, все время оставаясь в Риме.

Что касается доступа во всадническое сословие, то постольку, поскольку оно поначалу играло весьма скромную политическую роль — даже при Империи, когда к нему принадлежали деятели, занимавшие высшие посты на государственной службе (в финансовом ведомстве, армии, «анноне» — службе продовольственного обеспечения столицы, охране императора и Рима, управлении Египтом), — получить «общественного коня», как это называлось официально, могли многие представители местной знати. Чаще всего, по крайней мере в первом поколении, им довольно было этого звания или судебных должностей в Риме. Впрочем, возведение во всадническое достоинство было связано с имущественным положением, причем, очевидно, в разных областях и городах условия были весьма различны.

В североиталийском городе Комо, получившем известность благодаря семье Плиниев, минимальным цензом для доступа в муниципальный совет (*ordo decurionum*) были 100 тысяч сестерциев, но во многих других случаях — гораздо меньше, так что понятие «богатства» осознавалось и измерялось только в зависимости от местных условий.

Роль брака и женщин

Таким образом, общество при Империи было достаточно мобильным; степень этой мобильности трудно выразить в цифрах, можно проследить, изучая появление в высших сословиях новых фамилий и тонкости брачных союзов. А ведь такой путь возвышения в обществе прямо связан с женщинами. Принадлежность к сенаторскому сословию («светлость») передавалась по наследству как сыновьям, так и дочерям⁵², но и жена, не имевшая его по наследству, также получала его: дочь всадника или (реже) провинциального должностного лица, выйдя замуж за сенатора, становилась «светлейшей», ибо почетный титул распространялся и на женщин — членов семьи⁵³. Так, дочь Тита Помпония Аттика — всадника, прославившегося перепиской с Цицероном — вышла замуж за славного, но неродовитого сенатора Випсания Агриппу; Юлия Процилла⁵⁴ — мать Агриколы, тестя Тацита, — была дочерью всадника и женой сенатора Юлия Грецина; Аттия Цервидия Вестина (FOS, 208), дочь префекта вигилий в 175 г. (а значит, всадника) Квинта Цервидия Сцеволы, вышла замуж за сенатора Луция Фульвия Гавия Нумизия Петрония Эмилиана⁵⁵. Но дочь сенатора, вышедшая замуж за всадника, титул светлости теряла. Между тем мы видим, что часто, наоборот, в высшее сословие переходили ее муж и дети. Возьмем хотя бы Нерацию Проциллу. Она была родом из знатной сенаторской фамилии из Сепина в самнитских Апеннинах, давшей государству нескольких консулов и знаменитого юриста времен Адриана Луция Нерация Приска. Нерация вышла замуж за Гая Бетиция Пиетата, всадника из Экланума на Аппиевой

дороге, скромного чиновника. Их дети стали Нерациями Бетициями (родовое имя матери заняло место менее славного отцовского), а внук попал в сенат как бывший претор и при Септимии Севере, несомненно, был консулом (FOS, 571). Ведия Федрина — дочь сенатора из Эфеса — была женой Тита Флавия Дамиана, знаменитого софиста времен Марка Аврелия и Коммода; все ее дети вступили в сенаторское сословие: сыновья — согласно постановлению сената, дочери — благодаря замужеству (FOS, 784).

Брачные связи играли свою роль и внутри сенаторского сословия вследствие особо почетного положения представителей мужской или женской линии. Знаменита в этом отношении одна из генеалогий, зафиксированных в надписи: род Помпеи Сосии Фалькониллы⁵⁶. Она называет себя дочерью Квинта Помпея Сосия Приска, внучкой Квинта Помпея Фалькона, правнучкой Квинта Сосия Сенециона (через бабушку Сосию Поллу), праправнучкой Секста Юлия Фронтинна (через прабабушку Юлию Фронтину). Переходя от ветви к ветви так, чтобы упомянуть ту из них, чьи представители занимали наиболее высокое положение, она возводит себя к Сенециону, великому полководцу времен Траяна, и Фронтину, знаменитому писателю, трижды бывшему консулом. Родство по женской линии позволяло также гордиться причастностью к знаменитой республиканской семье и вставлять древние имена в свое: во II в. н. э. Кальпурнии и Коссонии вставили в имена своих потомков прозвища рода Корнелиев «Сципион» и «Орфит» — в обоих случаях благодаря бракам с девицами из Корнелиев; точно так же благодаря удачной женитьбе Гавии стали Корнелиями Цетегами.

Принадлежность к сословию всадников носила персональный характер, но соответствующая социальная группа была по закону обременена определенными обязанностями и запретами, связанными с «достоинством»⁵⁷, и все эти условия распространялись на их сестер, дочерей и супруг, так что и те входили в состав сословия. Удачное замужество провинциальной аристократки делало ее «матроной всаднического рода»⁵⁸.

И эти удачные браки не воспрещались ничем: ни законом, ни обществом. Конечно, просопография показывает, что браки заключались в основном в рамках своей социальной среды, но далеко не всегда. Реальные запреты касались только сенаторов и их детей: невозможен брак с вольноотпущенниками и вольноотпущенницами, актерами и актрисами, проститутками обоего пола; кроме того, наместник не мог вступать во второй брак с уроженкой управляемой им провинции⁵⁹, но по окончании срока службы ничто не мешало ему обручиться и справить свадьбу. Всадник же мог жениться на вольноотпущеннице⁶⁰ — вот такая карьера открывалась бывшей рабыне, какой-нибудь Исии, Пинарии Доксе, Оллиии Нике! Но свидетельств таким фактам мало — может быть, потому, что они случались редко, может быть, потому, что мужья и их наследники не считали нужным указывать в эпитафиях низкое происхождение жены.

Рабство и отпуск на волю

Конец войн означал и конец притока рабов, и вся императорская политика, несмотря на разные и даже противоречивые нюансы, была направлена на укрепление института рабства, но также и на постепенное смягчение положения невольников. В два последних века Республики эксплуатация рабов ужесточилась до того, что стали вспыхивать рабские восстания, самое знаменитое из которых — восстание Спартака 73—71 гг. до н. э. — три года опустошало Италию. По некоторым признакам, на которые туманно намекают источники (например, Саллюстий⁶¹ и Плутарх⁶²), видно, что в войске беглецов были женщины, начиная с подруги самого Спартака. Даже после победы Красса и разгрома бунтовщиков страх не утих, и деятельность Августа можно рассматривать как стремление возратить контроль над рабами после многолетних тревог гражданской войны. Можно отметить несколько мероприятий. Сенатусконсулт Силаниана 10 г. н. э. обязывал рабов защищать своего господина, а если он становил-

ся жертвой убийства, все они подлежали пытке и даже казни, ибо не могли не знать и не укрывать убийцу. Эти суровые меры затем еще ужесточались, например, при Траяне, который распространил их на вольноотпущенников. Кроме того, Август ограничил отпуск рабов на волю и запретил переход вольноотпущенников в другое состояние. Одной из характерных черт рабства в Риме была возможность избавить раба от его положения, отпустив на волю. Но поскольку источники новых невольников, кроме рожденных в рабстве (*vernae*), истощились, надо было сделать так, чтобы рабы оставались в рабстве, а вольноотпущенники не становились слишком вольными. Интересно отметить, что тем самым существенно ущемлялись в правах и хозяева: например, отпуск на волю рабов моложе тридцати лет был затруднен тем, что отпущенник получал низкий социальный статус (латинское гражданство)⁶³, не говоря о том, что ограничивалось число рабов, получавших вольную по завещанию.

Кроме того, подтверждались и увеличивались обязательства вольноотпущенников перед бывшим хозяином, который становился их патроном, особенно по вопросам наследства. Одно из распоряжений касалось женщин: подлежал наказанию вольноотпущенник, женившийся на вдове или дочери своего патрона. Но важный момент в истории женского рабства связан с другим императором — Клавдием. В 52 г. н. э. сенатусконсулт Клавдия карал потерей свободы женщину, которая после трех предупреждений хозяина своему рабу продолжала находиться с этим рабом в любовной связи. В том же случае, если хозяин не возражал, она могла оставаться свободной, но дети, родившиеся от этой связи, становились рабами, а не свободными, вследствие принципа свободы по рождению (досл. «через чрево», *per ventrem*)⁶⁴, впоследствии вновь обретшего силу при Адриане. Непосредственной целью этого закона было, несомненно, провести более строгую черту между свободными и рабами, но не исключено, что его долгосрочным (невольным?) следствием стало появление нового источника рабов.

С другой стороны, Империя стала свидетельницей и некоторого улучшения положения рабов: в частности, был частично признан брак рабов⁶⁵, что проявилось в ряде мер, охранявших такие пары и их детей — в частности, в случае ареста имущества несостоятельного должника: так, например, принималось во внимание, что кровная связь может быть законной причиной отпуска на волю. Некоторые надписи как будто свидетельствуют, что дети, отпущенные другой фамилией, разлучались с родителями⁶⁶: так получила вольную маленькая Антестия Глицера, которая тут же умерла в возрасте трех лет, восьми месяцев и двадцати дней (CIL, VI, 11924). Но на деле связь с родителями не прерывалась: ведь памятники упоминают детей и родителей именно вместе. Мать Антестии к тому времени тоже была отпущена на волю, только другим патроном.

По императорскому указу вольноотпущенник мог даже получить *restitutio natalium* — аннулирование прав патрона на себя и положение, максимально близкое к тому, которым обладал свободнорожденный. Но его гражданские права резко ограничивались: он не мог быть избранным на какие-либо должности, для него лично всякое повышение общественного статуса являлось невозможным. Дети его могли возвыситься, но сам он при Империи так и не мог стать, к примеру, муниципальным магистратом. Это ясно ощущается в актах благотворительности богатых вольноотпущенников⁶⁷, занимавших самую высокую из доступных для них должностей — севира августалов⁶⁸. Иногда они даже получали почести, подобавшие декурионам⁶⁹, а дети наследовали от них страстное желание влиться в общество⁷⁰. Но для большинства обязанности перед патроном оставались нелегкими: они должны были оказывать ему почести (*obsequium*), как сыновья отцу, из чего вытекали важные юридические следствия, как, например, запрет подавать на патрона в суд; с другой стороны, отпущенники несли и материальные повинности (*operae*) — чаще всего некоторое количество дней работы на патрона или другие профессиональные услуги, специально оговоренные в соглашении, заключавшемся при отпуске.

Женщин в зависимости от жизненных обстоятельств отпускали на волю когда реже, а когда, наоборот, чаще, чем мужчин. Так, ситуацией, приводившей к многочисленным освобождениям, был, вероятно, брак: сожителство рабыни с хозяином, случавшееся очень часто, нередко завершалось заключением брака, ради законности которого (и потомства) патрон отпускал сожительницу на волю (*manumissio matrimonii causa*)⁷¹; законодатель оградил таких вольноотпущенниц от злоупотреблений патрона, за которого они не желали выходить замуж⁷², но и ограничил для них свободу развода и нового брака⁷³. При этом надо заметить, что обратная процедура оставалась невозможной: женщина не могла отпустить на волю раба, чтобы выйти за него замуж. Напротив того, возможность освобождения раба, стоявшего во главе хозяйства или исполнявшего важные хозяйственные поручения (в том числе тех, кто имел возможность набить мошну и купить себе вольную), касалась преимущественно мужчин, хотя должность «инститора» (управляющего, замещавшего хозяина или патрона и действовавшего от его имени) могли исполнять и женщины⁷⁴.

Иерархия и неравенство

Следует вернуться к понятию, о котором говорилось выше, — различию между сословиями и классами. Дело в том, что ни одна из описанных здесь социальных категорий, несмотря на их сильную иерархичность, не была «общественным классом» в современном смысле слова, то есть выделяемой де-факто в социологических терминах группой людей, играющих одинаковую роль в экономике и общественной жизни. Исключение, возможно, составляют сенаторы: о «сенаторском классе» можно говорить, не рискуя сильно ошибиться.

Не было класса всадников и даже класса рабов. Всадники могли быть землевладельцами, откупщиками, крупными предпринимателями, могли иметь самое разное имущественное положение. Между командиром вспомогательной алы на Рейне, едва про-

шедшим ценз благодаря небольшому состоянию, накопленному в провинции, и богатейшим испанским помещиком вроде Сенеки только и было общего, что всадническое достоинство, а уж никак не общественное положение. И даже среди рабов что общего между невольником с железных рудников на Балканах и императорским рабом, который управлял государством, пользуясь всей бюрократической властью? Несравним был и статус их подруг: нельзя сравнивать прислужницу во дворце и кочевую пастушку, о которой говорил Варрон и которая с приходом Империи по-прежнему пасла свое стадо.

Что касается провинциальной знати, мы уже говорили, насколько неодинаковым было богатство ее представителей: одним оно позволяло надеяться вступить во всадническое сословие, других же надолго замыкало в рамках элиты маленького городка.

Столь же в неравном положении находились и вольноотпущенники. Одних отпускал на волю хозяин суровый; им приходилось долго копить себе на выкуп, после чего они оказывались «свободными», но на улице без гроша; у других был более сговорчивый патрон, желавший поставить дарования клиента себе на службу, сделать его своим поверенным или управителем; не забудем об императорских отпущенниках — начальниках канцелярий на Палатине и в провинции. Перед нами целый многообразный мир, существовавший в социально-экономической действительности.

То же, разумеется, относится и к женщинам. Обращаясь к богатому собранию эпиграфических источников из Майнца — одному из многих, разбросанных по империи, — не будем забывать о различиях, неизбежно существовавших в жизни между теми рабынями, от которых до нас не дошло даже не приметного следа, и теми, чей облик или имя навеки запечатлены в камне благодаря великодушию их хозяина — скажем, Ликниды, «прислужницы» года и трех месяцев от рода (CIL, XIII, 7089). Вот еще две вешние розочки, увядшие на заре своих дней: Родина из Полленции в Италии (CIL, XIII, 11889) и пухлая новорожденная, дочь Телесфориды и ее неназванного «мужа». На этом очень красивом

памятнике выбита стихотворная надпись, предвосхищающая Ронсара:

Наша дочурка скончалась — теперь восплачем о милой.
Лучше б ты не родилась (так ты прекрасна была),
Если записано было с рожденья, что слишком ты скоро
Вновь возвратишься туда, к нам откуда пришла.
Жизни было ее сверх полугода неделя.
Розе подобно цвела, скоро ушла в мир иной⁷⁵.

Разделим и скорбь Генесии, подруги Гедиэпета, потерявшей своего маленького Гиппоника. Ее хозяйка Дигнилла — супруга не кого иного, как легата легиона, которая привезла Генесию из Италии в составе домашней «фамилии», — в конце 150-х годов воздвигла мальчику великолепный надгробный жертвенник (CIL, XIII, 6808). Отметим, между прочим, имена этих рабов: они греческие, как повелось со старых времен, когда большинство рабов поступало в Рим из Восточного Средиземноморья, со времен Александра ставшего грекоязычным.

В нескольких эпизодах «Метаморфоз» Апулея — писателя II в. н. э. родом из Африки — изображается жизнь «городской фамилии» (*familia urbana*) — многочисленной челяди, обеспечивающей роскошную жизнь господского дома; у этих рабов множество ремесел и навыков, разнообразие которых служит жилищу лишним украшением. Связь рабов с хозяевами в таком доме гораздо теснее, чем в деревне, и по ходу сюжета мы видим, как рабы делят хозяйское горе при похищении и радость при обретении; обстановка такова, что старый и новый смыслы слова «фамилия» сходятся. Но не будем обманываться. Как бы хозяева иногда ни ласкали рабов, к тому же небескорыстно, как бы подчас ни спокойна была их жизнь, раб всегда оставался рабом, то есть ни в малейшей мере не был хозяином своей судьбы, и участь его в любой день могла в корне перемениться по воле господина или госпожи.

Надо сделать еще одно общее замечание: в римском обществе было только два слоя, а именно высшее общество и бедняки — среднего класса не существовало. Те, кого экономически можно считать «средняками»,

не имели никакого доступа к власти, а значит, замыкались в группе, при Поздней Империи называвшейся «*tenuiores*» («тощие») или «*humiliores*» («подлые»). Те же, кто относился к высшим категориям (*honestiores* — «почтенные»), стояли много выше среднего класса. Ритор II в. н. э. Элий Аристид выражал это социальное расслоение через серию антитез: богатые — бедные, великие — малые, славные — безвестные, — не оставляя места для промежуточных групп. Либо человек принадлежал к какому-то сословию (сенаторов, всадников, декурионов) и пользовался богатством, славой, почетом — либо он был ничем. Даже самые богатые вольноотпущенники, нередко обладавшие огромной властью, например в администрации, были презираемы за свое подлое происхождение. Солдаты, несмотря на потенциальную политическую силу армии и на привилегии некоторых воинских частей, а именно расквартированных в Риме, не принадлежали к высшему обществу — разве что ветераны могли попасть в муниципальный совет. Но этот случай сводится к указанным выше.

Клиентские отношения

Римское общество было основано на глубоком неравенстве. Основные линии водораздела: между богатым и бедным, между свободным и несвободным, между гражданином и peregrinum, между мужчиной и женщиной — дополнялись оттенками внутри этих групп: неравенством между рабами частными и государственными, высокородными сенаторами и новыми людьми. Но все это не мешало ни тонким социальным связям, ни существованию взаимных обязанностей. Несомненно, именно эти два обстоятельства делали общественный строй сносным для большинства. Кроме того, надо иметь в виду одну черту римского общества, отнюдь не специфически женскую, на которой держалось такое количество отношений в обществе, что ее следует считать основополагающей — клиентелу. И действительно, система сложных, взаимодопол-

няющих связей между патроном и клиентом, иерархически пронизывала все общество в целом: каждый на свой манер и на своем уровне был чьим-нибудь патроном и чьим-нибудь клиентом.

Отношения между патроном и вольноотпущенником описывались в строгих терминах, а права и обязанности были кодифицированы законом; связи и терминология неравной дружбы между свободнорожденными менее определены, но в обоих случаях это были отношения обмена между покровителем и покровительствуемым — мужчиной, женщиной, а то и целым коллективом, стоявшим в обществе хотя бы немного ниже. Это могло быть покровительство в суде, политическая и предвыборная поддержка, связь между военачальником и его воинами, защита у магистратов, а позднее у императора, налоговое покровительство городу, льготы профессиональной коллегии, торговые льготы, помощь в получении гражданства, в замужестве дочери или женитьбе сына, в повышении на воинской службе, основание колонии, отношения крупного землевладельца с его крестьянами; повсюду требовалась так или иначе оформленная рекомендация (*commendatio*) — ясные следы этого требования сохранили для нас письма Плиния, а еще раньше — Цицерона.

Каковы были формулировки, какие использовались аргументы? Заглянем в того же Плиния: вот как он просит о повышении для некоего молодого всадника у наместника провинции Помпея Фалькона: «Ты меньше удивишься тому, что я так настойчиво просил тебя предоставить трибунат (военный. — *Авт.*) моему другу, когда узнаешь, кто и каков он. Я могу уже, получив твое обещание, назвать и его имя и описать его самого. Это Корнелий Минициан, украшение моей области и в смысле достоинств, и в смысле нравов, человек блестящего (*splendide*) происхождения, с огромными средствами, который любит науки так, как любят их обычно бедняки. Он справедливейший судья, очень смелый защитник, самый верный друг» (Письма, VII, 22, 1—2). О том, что он прекрасный воин, ничего не сказано.

Надписи в честь «превосходного друга» (*amicus optimus*), статуи в знак признательности благотворителям,

посвящения и дары в храмах, театрах и термах, приношения в дом по утрам и на дни рождения — вот многочисленные свидетельства клиентства и кичливого покровительства, которое оказывал низшим более богатый или сильный человек, каждый на своем уровне, в Риме, в Италии, в провинции. Клиенты были за это обязаны их приветствовать, почитать, агитировать и голосовать за них на выборах, поддерживать в случае судебного процесса, помогать собрать приданое, оказывать профессиональные услуги или платить денежный оброк — и наоборот, что поддерживало стабильность в общине. Как мы увидим, в этой системе находилось место и женщинам.

Дамы из высшего общества

В общем, картина жизни женщин в Древнем Риме прежде всего отражает жизнь женщин из высшего общества — из сенаторского, всаднического сословия и провинциальной знати, — поскольку о них мы больше знаем. Хотя они составляли весьма незначительную часть населения империи, на них сосредоточивался интерес писателей и юристов, они имели средства заказывать надписи и ставить памятники. Немногие рабыни и вольноотпущенницы с другого полюса общества потому и вышли из тени, что были связаны с богатыми, сохранившими их следы. Но особенно недостает сведений о большей части бедноты, неграмотной, не имевшей ни случая, ни возможности записать свое имя на памятнике или храмовом посвящении, никого не интересовавшей. Для нас утрачены сведения о тех, кто составлял основную массу населения, — это касается и мужчин, но женщин все же несколько больше, потому что купцы и воины умели писать и не были бедны. Папирусы позволяют хотя бы немного познакомиться с этим социальным слоем, сохранив мелкие контракты, налоговые квитанции, коротенькие записки бытового содержания, но только в Египте, а эпиграфика носит по преимуществу монументальный характер. За исключением немногих граффити, подобных

помпейским, нескольких табличек, вроде найденных в Виноланде, и простых ремесленных и владельческих клейм, любая, даже самая непритязательная частная надпись требовала далеко не всем доступных расходов и хлопот, чтобы обеспечить известность человеку или его семье. Не следует забывать о таком положении дел: это основная методологическая проблема изучения древней истории.

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ

Неспособность к определенным видам деятельности, присущая женской природе, влекла за собой недееспособность женщин. «По общему правилу нашего законодательства положение женщин хуже, нежели мужчин», — писал юрист Папиниан около 200 г. н. э.⁷⁶ К этой фразе можно свести всю следующую главу.

Вечно подвластные

Существовало три основных ограничения дееспособности женщин: *отеческая власть* (*patria potestas*) отца семейства (*pater familias*), *опека* (*tutela*), заменявшая отеческую власть для несовершеннолетних и женщин после смерти отца, и *манус* (буквально «рука» — традиционно употребляемое латинское обозначение этого рода супружеской власти) супруга в рамках традиционного брака.

Под отеческой властью

Pater familias — хозяин дома, то есть всех свободных и несвободных существ и всех вещей, составлявших «фамилию». Чтобы стать полностью недееспособным (*sui*

ius — «в своем праве») было достаточно не иметь прямых предков по мужской линии. Отсюда сразу возникает установление, на котором основано приниженное по сравнению с мужчиной положение женщины в римском обществе: полностью дееспособным может стать только мужчина в качестве отца семейства, облеченного властью над собственными законными детьми и их потомством по прямой мужской линии. Женщина, даже будучи в своем праве, не могла получить такого статуса: она никогда не имела над своими детьми «отеческой власти», и аналога этого термина в женском роде не существовало.

Впрочем, отец семейства мог освободить зависевшее от него лицо от своей власти — это называлось эмансипацией. Такое освобождение автоматически, то есть без специального юридического акта, происходило, если девушка избиралась весталкой⁷⁷. Скажем еще об одном важном понятии римского права, прямо связанном с отеческой властью и происходящем от нее: «агнации» (agnatio) — чисто юридическом родстве по мужской линии всех, подчиняющихся власти одного отца семейства⁷⁸, от которого зависят права наследства, опеки и брака.

Под опекой

Опекун — лицо, замещающее покойного отца семейства для тех, кто признается неправоеспособным либо по возрасту (несовершеннолетние воспитанники), либо по слабости пола (propter sexus infirmitatem)⁷⁹, то есть для женщин любого возраста. Таким образом, женщины оставались вечно подвластными. Но с течением веков ряд законодательных мер облегчил бремя тяготевшей над ними опеки. Так, отец семейства, от которого зависела женщина, имел право назначить опекуна своим завещанием, и можно было выбрать не слишком строгого. Кроме того, женщина различными способами могла избавиться от слишком стеснявшего ее опекуна и заменить его другим, более приемлемым; наконец, если опекун упрямылся, женщина могла при-

звать его к претору (должностное лицо, занимавшееся судебными делами) и принудить дать разрешение на действие, которое было для нее необходимо, но невозможно без такого восполнения опекунской власти (*auctoritas tutoris*). Такими действиями могли быть: возбуждение судебного дела, составление завещания, приобретение имущества (при определенных обстоятельствах), уступка долга, заключение договора в качестве дебитора, разрешение на брак своего вольноотпущенника с рабыней другого хозяина⁸⁰. За исключением этих строго определенных случаев римская женщина *sui iuris* сама блюла собственные интересы и сама выступала стороной в юридических актах, касавшихся управления ее состоянием⁸¹.

При всем том, если отец не выбирал опекуна завещанием, опека оставалась в семействе и переходила от отца к его брату и от дяди к племянникам по мужской линии. Эта так называемая агнатская опека часто бывала более тягостной и реальной, связана с общим имуществом и фамильными интересами, а не личными пожеланиями. Однако император Клавдий упразднил ее⁸². Кроме того, один из законов Августа выводил из-под опеки свободнорожденных женщин, имевших троих детей, и вольноотпущенниц, имевших четырех детей (*ius liberorum*). Вскоре из этого права получилась привилегия, которую император даровал и женщинам, не выполнившим условия закона⁸³. Поэтому в классическую эпоху роль опекуна, если он вообще требовался, была весьма ограничена, а в имперскую эпоху опека, которую уже юрист II в. н. э. Гай считал неоправданной, а то и устаревшей, окончательно отмерла. Если так, то понятно, почему богатые женщины могли от своего имени вести крупные торговые дела и заниматься благотворительностью. Впрочем, комментарий Гая стоит привести полностью, ибо в общем контексте латинской словесности он удивителен: «Если совершеннолетняя женщина остается под опекой, то для этого, кажется, нет достаточной причины. Ибо обычный довод, что женщин легко обмануть из-за их легкомыслия и, следовательно, справедливо держать под властью опекунов, скорее натянута, чем обоснована»⁸⁴.

Брак в Риме был частным актом, требующим определенного церемониала и как минимум личного присутствия новобрачной⁸⁵, но заключался без присутствия должностного лица и не записывался в какой-либо регистр. Одним из доказательств его заключения служило приданое, описанное в составлявшемся контракте. Впрочем, законность брака зависела не от этого договора и не от реального проживания в браке: брак состоял не в финансовом соглашении и даже не в физическом сожительстве, но в обоюдной воле супругов⁸⁶. Впрочем, это согласие, начиная с предварительного соглашения — обручения (*sponsalia*), которое не требовало ни свидетелей, ни письменного оформления, ни даже личного присутствия нареченных⁸⁷, — должно было сопровождаться одобрением тех, под чьей властью находились будущие супруги. Но затем по закону, по крайней мере начиная с Антонина Пия, брак мог быть расторгнут только волей супругов, а не отца или патрона⁸⁸. Должно было быть исполнено важное условие: минимальный возраст супругов, особенно для невесты (полных двенадцать лет)⁸⁹, называвшийся возрастом законной зрелости. Но случалось, что замуж выдавали и незрелую девицу: тогда закон предусматривал, что «женщина, взятая в замужество до наступления двенадцати лет, становится законной женой, если она достигла двенадцатилетнего возраста, проживая вместе с мужем»⁹⁰. Здесь мы будем рассматривать только «правильное бракосочетание» (*matrimonium iustum*) — законный брак, обеспечивавший законность детей и составлявший одно из гражданских прав римского гражданина (*ius conubii*). Но в то же время были очень широко распространены и разные формы незаконного сожительства: между рабами, между свободными и рабами, между вольноотпущенниками, между гражданами и перегринами, не имевшими права сочетаться браком. Кроме некоторых особых случаев, относившихся к рабам, незаконные дети приобретали права гражданства, если гражданкой была только их мать⁹¹, мужчина же мог передать права своего гражданства

только через законный брак и законную супругу. Это очень любопытное неравенство, которое никак нельзя не отметить особо.

Существовали наряду друг с другом два типа брака, весьма различных по юридическим последствиям, в частности, для жизни супруги: *cum manu* и *sine manu*. «Рука» (*manus*) была властью особого типа: муж получал ее над женой в силу «соглашения о вручении» (*conventio in manum*), прямо не связанного с браком и заключавшегося особо. Такое соглашение могло быть заключено тремя способами⁹². Возможен был брак в результате срока давности (*usu*), то есть после совместного проживания в течение года. Если супруга не желала такого соглашения, она до наступления срока должна была на три дня и три ночи вернуться к отцу. Второй способ — с помощью дележа супругами полбяного пирога (*farre*)⁹³. Такой ритуал («конфарреация»), очень важный в религиозном плане, был принят в знатных патрицианских семьях и давал доступ к некоторым жреческим должностям, в том числе фламينا Юпитера. Наконец, можно было получить руку путем покупки (*coemptio*), когда жена сама себя продавала мужу посредством торжественно обставленной сделки по очень сложной форме в присутствии шести свидетелей.

Соглашение о «вручении» безусловно освобождало супругу от отеческой власти и передавало эту власть мужу или свекру, если тот был еще жив. Вследствие этого оно разрывало отношения агнации жены с ее фамилией и устанавливало с фамилией мужа. Это означало, что юридически жена становилась «дочери вместо» (*filiae loco*) своему мужу и, соответственно, как бы сестрой его детям: вследствие этой юридической фикции дети могли наследовать матери не потому, что она была их матерью (это не давало законных прав на наследство), а потому, что они были ее агнатами. По той же причине брак с «вручением» лишал супругу права наследовать без завещания своему отцу, но давал право наследовать мужу.

Иначе говоря, «врученная» супруга, входя в фамилию своего мужа, в принципе не могла вернуться назад,

а в браке без «вручения» жена жила вместе с мужем, но под отеческой властью своего отца или деда по отцу, который всегда мог ее защитить или принять к себе; она сохраняла прежние отношения агнации и наследственные права. С нашей же точки зрения, одно из основных различий между двумя типами брака состояло в возможности развода: брак с «вручением» его исключал (можно было только прогнать жену), а при браке без «вручения» допускался по инициативе любого из супругов — иногда с одобрения отца семейства. Здесь свобода стала полной: инициатива развода не могла исходить от отца (по крайней мере со времен Антонина Пия), и нельзя было заключить соглашение, запрещающее или наказывавшее развод⁹⁴. Это означало, что «неврученная» супруга пользовалась или хотя бы могла пользоваться большей независимостью, особенно если ее отца не было в живых. Но зато такой тип брака был весьма непрочен, ибо держался только на постоянно подлежавшей подтверждению воле супругов жить вместе, «супружескому чувству» (*affectio maritalis*)⁹⁵. Можно спорить, не вследствие ли этого увеличилось количество разводов и случилось то, что — вне всякого сомнения, слишком упрощенно — называют упадком нравов при Империи. Так или иначе, уже с республиканской эпохи тип брака «без вручения» постепенно стал вытеснять разные формы брака под мужней властью, хотя благодаря известному уважению к традиции и религиозным требованиям обряд конфареации еще справлялся. Но, по-видимому, уже в начале Империи власть, вытекавшая из этой формы брака, ослабела и распространялась лишь на некоторые виды религиозной деятельности⁹⁶.

Распространение более гибкого (без «вручения») типа брака в интересующую нас эпоху влекло за собой определенную женскую «эмансипацию». Но вслед за ним явился и ряд мер, теоретически направленных на «покровительство» женщинам, однако главным следствием имевших ограничение дееспособности тех, кому якобы помогали: чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть комментарий юриста Ульпиана (начало III в. н. э.) к одному из определений сената: «Вознесем по-

хвалой дальновидность сего высокопочтенного собрания, ибо оно пришло на помощь женщинам, которые по слабости своего пола (*imbecillitas sexus*) часто попадают в такое положение»⁹⁷. Поводом к этому женоненавистническому причитанию было одобрение сенатус-консульта Веллея (очевидно, во второй половине I в. н. э.), развившего одно из распоряжений Августа: запрещение женщинам ручаться за долги своего мужа было распространено на обязательства платить чьи бы то ни было чужие долги в случае отсутствия должника. Были также, как мы увидим, приняты меры, охранявшие приданое. И мы, хотя и выходим при этом за хронологические рамки книги, не можем не упомянуть Юстиниана, который в VI в. в полном соответствии с классической юридической традицией распространил эти меры еще шире, «чтобы легкомыслие женского пола (*sexus mulieribus fragilitas*) не приводило женщин к разорению»⁹⁸.

Приданое

Приданое прямо связано с женской половиной супружеской четы. Это приношение мужу от жены или от ее имени — учреждение, имевшее юридическую, экономическую и социальную сторону; в Риме родители использовали его, чтобы передать своим дочерям состояние и общественное положение. Хотя брак не требовал приданого как условия своей законности, собрать его было родительским долгом, исполнение которого ожидалось обществом — и, само собой, среди представителей обеспеченных классов, и более бедных слоев населения: египетские источники нередко свидетельствуют об очень скромном приданом. Целью приданого было помочь мужу содержать хозяйство и обеспечить женщине, покидавшей свою фамилию, часть семейного достояния, которое она не могла получить по наследству (при «врученном» браке) или не дожидаясь получения наследства (при «неврученном» браке).

В зависимости от того, предполагал ли брак полную супружескую власть (*manus*), муж либо явно становил-

ся полным собственником приданого, либо, видимо, получал права распоряжения им и доходы с него, но заимообразно. Так, например, в запутанном деле Лицинии, жены Гая Гракха, приданое которой пропало во время смуты, стоившей жизни ее супругу, юрисконсульт Муций Сцевола рассудил, что семейство мужа должно возместить Лицинии ущерб, «поскольку смута возникла по вине Гракха»⁹⁹.

Со времени Августа мужу было запрещено присваивать себе расположенную в Италии недвижимость, полученную в приданое, без согласия жены. Напомним, что дарственные супругов друг другу были запрещены, а при браке без «вручения» имущество мужа и жены никоим образом не смешивалось: если жена была «в своем праве», то оставалась собственницей своего достоинства. Разительный пример — Аврелия Орестилла, богатая жена неоплатного должника Катилины¹⁰⁰. Что происходило в таком браке в случае развода или смерти жены? Надо иметь в виду, что существовало два вида приданого: «отцовское» (*dos profecticia*), собранное отцом или дедом жены, и «привнесенное» (*dos adventicia*), собранное другим лицом — самой женщиной или друзьями семейства. Собравший такое приданое называл себя «вторым отцом» (*pater alter*), как Плиний Младший, хлопотавший о дочери некоего Квинтилиана (несомненно, не того, который был великим оратором). Он писал ему, предлагая свою щедрость: «Она выходит замуж за человека прекраснейшего, Нония Целера, на которого гражданские обязанности накладывают необходимость жить с некоторой роскошью. Поэтому дочери твоей, в соответствии с положением ее мужа, прибавь и одежды, и прислуги. Достоинства это не прибавляет, но служит к нему как бы добавкой и украшением. Я знаю, что ты богато наделен душевными качествами и маловато материальными. Я притязаю на часть твоего бремени и как второй отец вношу для нашей девочки пятьдесят тысяч <сестерциев>»¹⁰¹.

Обычно между семействами заключались договоры о приданом (*Pacta dotalia*), позволявшие определить различные случаи регулирования вопросов о приданом согласно общественному и финансовому положе-

нию договаривающихся. При отсутствии такого соглашения правила, кажется, были таковы. Если брак прекращался вследствие смерти супруги, привходящее приданое оставалось в собственности мужа, становясь его доходом, а отцовское приданое возвращалось отцу, причем в случае необходимости вдовец мог удержать от него пятую часть в пользу ребенка, родившегося от брака. Если брак прекращался вследствие развода или смерти мужа, приданое, как правило, возвращалось, за исключением шестой части на ребенка (но не более трех)¹⁰², если развод случался по причине прелюбодеяния жены. Возвраты приданого порождали множество юридических и практических проблем, о которых Цицерон неоднократно сообщал своим корреспондентам по случаю развода его дочери Туллии; споры с Теренцией по поводу собственности, полученной Цицероном в приданое, и интересов их сына Марка также занимают заметное место в его переписке¹⁰³.

Впрочем — немаловажное обстоятельство! — если женщина становилась вдовой, оставив за собой приданое, она сохраняла шансы заключить новый брак¹⁰⁴.

Но по желанию супруги могли владеть имуществом не как приданым, а как общим (*societas*¹⁰⁵) — либо и личным, и будущим, либо только совместно нажитым. Это было знаком самой высокой супружеской любви, которую воспевают поэт Марциал¹⁰⁶:

Счастлива ты и душой, Нигрина, и счастлива мужем,
И среди Лация жен первое имя — твое.
С радостью ты отдала родовые богатства супругу,
Чтобы в сообществе с ним ими совместно владеть.
Пусть в погребальном костре Капанея сгорает Эвадна,
Слава не меньшая пусть возносит Алкесту до звезд.
Ты совершенней: живя, ты верность свою доказала,
И не пришлось тебе смерть делать залогом любви.

Права женщин в делах наследства

Другая сторона жизни женщины перед законом, также прямо связанная с типом заключенного ею брака, — право передачи наследства. Ведь хотя она была недееспособной или, по крайней мере, зависимой, но

имела право составлять завещания и дарственные. Если женщина находилась под властью (*in potestate*) своего отца, мужа или, иногда, свекра, все, что она получала, пополняло состояние отца семейства, от которого она зависела. Но он мог выделить часть средств (*peculium*) и доверить ее управлению женщины. Женщине «в своем праве» (например, вдове) под номинальной властью опекуна плоды этих щедрот принадлежали реально.

Римское право устанавливало необычайное равенство между наследниками при отсутствии завещания (*intestat*), ибо не знало ни права первородства, ни мужских привилегий¹⁰⁷, но лишь различие степеней родства, дающих право на наследство. Но так или иначе в таком случае наследство переходило «по подвластности» (*in potestate*) и по агнатическому родству. В силу того что женщина никогда ни над кем не имела власти (*potestas*), даже по кончине отца семейства (в отличие от мужчин), у нее не было и «родни», к которой с момента ее смерти эта власть переходила и которая по смерти должна была ее продлить и утвердить. В отличие от отца семейства, женщина могла передать свое имущество лишь по завещанию; в этом случае ее родные дети рассматривались как «внешние», если угодно, посторонние наследники¹⁰⁸: она была «началом и концом своей фамилии»¹⁰⁹.

Во всяком случае, римляне, по крайней мере из состоятельных слоев общества, привыкли писать завещание. Между тем в республиканскую эпоху закон Вокония 169 г. до н. э. сильно ограничивал для богатых женщин право наследования, поскольку запрещал членам фамилий первого цензового класса включать их в завещание как наследниц. Этот закон, другие статьи которого направлены на ограничение размеров наследства вообще, представляет огромные трудности для истолкования и породил множество разногласий среди историков. Не совсем ясны его мотивы. Был ли закон специально направлен против женщин (тем более что его поддержал Катон), чтобы не дать им распоряжаться собственным имуществом? Или он продолжал борьбу с расточительством, начатую законом Оппия, и ограничивал расходы, считавшиеся чрезмерными? Может быть, и то и другое?

Было это целью закона или нет, но в результате состояние женщин было ограничено долей наследства, на которое они имели право без завещания, и благоприветствовал мужчинам, о чем прямо писал даже Цицерон¹¹⁰. Если у отца была единственная дочь, положение становилось парадоксальным: отец мог умереть без завещания и таким образом оставить дочери большое состояние. Некоторые признаки позволяют думать, что номинально закон Вокония оставался в силе и при Империи, но применялись различные способы обойти запрет, например фидеикомиссы¹¹¹ и дарственные, вследствие чего закон вышел из употребления, вероятно, уже в эпоху Августа. Август в связи со своей политикой увеличения рождаемости также издавал законы в этой области. Существенные ограничения в правах наследования касались холостых и незамужних (включая вдов и разведенных), а также бездетных; были вынесены особые распоряжения, регламентировавшие права супругов завещать друг другу, но специально положения женщин они не коснулись. Во всяком случае, допускались многочисленные исключения, хотя бы дарованием «права трех детей» (*ius trium liberorum*) тем, у кого их было меньше трех или вовсе не было.

Кроме того, понемногу стало ясно, что надо как-то исправлять положение, при котором супруга, состоявшая в браке без «вручения», а значит, без агнатического родства с мужем и детьми (ближайшими ее родственниками считались братья и сестры), не могла им наследовать. Так, во II в. два сенатусконсульты изменили права наследования между матерью и детьми, в результате которых отцовские и материнские права сблизились, если братья в общем, опуская разные юридические подробности, в которые мы здесь входить не будем.

Ограничения дееспособности женщин в политике и судопроизводстве

Подчиненное положение женщины в римском праве выступает и еще во многих аспектах, обычно существенным образом ограничивавших ее свободу дейст-

вий. Первое из этих ограничений — отсутствие политических прав. Ведь женщина, даже считаясь *civis Romana*¹¹², не пользовалась ни одним из основных прав римского гражданина: не могла служить в армии, голосовать в собраниях, избираться на государственные должности. Ниже мы вернемся к тому, какую роль в политике и общественной жизни могли, несмотря ни на что, играть женщины, но даже в самом кратком обзоре различных сторон юридического статуса женщин важно с самого начала подчеркнуть эту фундаментальную дискриминацию.

И юридически эти ограничения выражались в той же логике. Ульпиан прямо говорит: «Женщины отстранены от всех гражданских и общественных должностей»¹¹³. Точно так же, как не может женщина занимать выборный пост (*gerere magistratum*), так не может она возбуждать (*postulare*) и вести процесс третьего лица в качестве поверенного (*procurator*), потому что каким бы то ни было образом заниматься интересами другого — это уже «должность» — публичная, гражданская, мужская; отступление от этого правила — те случаи, когда женщине позволено возбуждать дела, преследуя собственный интерес и выгоду. Не может она быть и судьей¹¹⁴, если только речь идет не о функции простого третейского судьи, исполняемой частным лицом, избранным сторонами и утвержденным претором: такое исключение возможно и для женщин, и для рабов. Не может женщина выступать и обвинителем¹¹⁵, кроме как требуя возмездия за ближайших родственников.

Но знаменитое дело Семпронии — сестры Гракхов, жены Сципиона Эмилиана — показывает, что народный трибун мог призвать женщину как свидетеля, и она была способна при всем форуме, невзирая на обвинения и угрозы, выстоять и не дрогнуть: Семпрония отказалась признать Эквита, который выдавал себя за ее племянника. Стоит привести рассказ Валерия Максима об этом случае:

«Тебе пришлось встать на место, на котором лучшие из наших сограждан обычно чувствовали, как их охватывает смущение. На тебя, с гневом во взорах и угрозами на устах, оказывал давление тот, кто воплощает со-

бой высшую власть. Крики толпы, которая не могла ничего понять, раздавались по всему форуму, и все с живейшей страстью желали добиться от тебя, чтобы в Эквитии, для которого незаконно домогались права принадлежать к семейству Семпрониев, ты признала сына твоего брата Тиберия и обняла его, как родного. Ты же, стоя перед этим чудовищем, извлеченным из неведомых глубин, гнусная дерзость которого домогалась чужого ему родства, смогла оттолкнуть его» (Валерий Максим, III, 8, 6).

Вот прекрасный пример судебной практики, политического значения женщины и чувства фамильного достоинства! Но у других женщин не оказалось столько смелости и присутствия духа. Поэт Клуторий Приск, всадник, имел глупость прочесть при Вителлии (теще Публия Петрония) и ее подругах стихотворение против Друза. «Когда разнеслась весть об этом доносе, остальные со страху подтвердили его; лишь Вителлия решительно заявляла, что ничего не слышала»¹¹⁶.

Итак, женщина могла быть в суде свидетелем, поскольку ее словам давалось не меньше веры, чем словам мужчины. Зато она не могла быть свидетелем завещания, потому что тогда ей дозволялось бы то, что делало ее публичной фигурой, то есть, как и действия, указанные выше, противоречащие женской природе и женскому стыду, — отправление мужской «должности».

Тем не менее были «женщины, которых естественное состояние и скромность, происходящая от их положения, не могли принудить к молчанию на форуме и в судах»¹¹⁷. Так случилось с Афранией (или Кафранией — имя читается неясно), которая (если только верить мужчинам, рассказавшим эту историю) в I в. до н. э. проявила такую немыслимую склонность судиться, что стала причиной названного выше запрета возбуждать процесс в пользу третьего лица. «Будучи женой сенатора Лициния Буккона, она имела страсть к сутяжничеству и всегда сама защищала свое дело перед претором — не потому, что не было адвокатов, а потому, что было слишком много наглости. Так, беспрестанно смущая судебные залы криками, к чему в судах не привыкли, она стала знаменитейшим примером женского кляуз-

ничества <...>. Она умерла в консульство Цезаря (второе) и Публия Сервилия. В таком невероятном случае историку надлежит упомянуть год ее кончины, а не появления на свет»¹¹⁸.

Весь этот набор ограничений не мешал женщинам интересоваться своими делами в судах и канцеляриях. Они действовали или нелегально (*clam*), как в 56 г. до н. э. Клодия (возможно, Лесбия Катутла)¹¹⁹, или открыто, как Мезия, защищавшая сама себя перед претором и пункт за пунктом опровергшая все обвинения. В своей речи «она усердно и весьма убедительно применяла все средства и приемы, <какие используются> при защите, на первом же заседании была оправдана почти единогласно»¹²⁰.

При Империи Сервилия и Фанния сами себя защищали в сенате, но были осуждены. Сколько бы ни писал Плутарх, ссылаясь на Нуму¹²¹, что наилучшая жена не открывает рта и ничего не говорит в отсутствие мужа, что несчастье для нее — говорить на форуме, это утверждение явно имело не юридические, а только социологические следствия.

Другое проявление индивидуальной деятельности женщин — весьма значительное число их посланий к императорам. Императоры отвечали им на самые разные вопросы, начиная от личного статуса и почетных именованй для женщин¹²² и кончая проблемами наследства, собственности, уголовного и жреческого права.

Некоторые частные случаи недееспособности женщин

Запрет на усыновление

Поскольку у женщин не было прав «отеческой власти» даже над собственными детьми, она, не имея мужа, не могла никого усыновлять и осуществлять опеку; последнее правило касается даже отношений патронессы к ее вольноотпущенникам¹²³. Только специальное императорское дозволение, подтвержденное рескрип-

том, позволяло женщине в некоторых случаях (например, по отношению к собственным детям) избегать этих строгих запретов. Кроме того, поскольку усыновление практиковалось главным образом чтобы не пресекся род и не прекратился фамильный культ предков, усыновлялись обычно мужчины. Женщины никого не усыновляли и редко удочерялись.

Тяжкие последствия прелюбодеяния

Обязанность соблюдать супружескую верность в Риме существовала лишь для женщин. Первоначально наказание прелюбодеяния оставлялось на усмотрение ее отца или мужа. Катон писал даже так: «Если застигнешь свою жену во время прелюбодеяния, можешь убить ее без суда, не понеся за это наказания. Она же, если ты ее вовлечешь в разврат или обманешь, не посмеет пальцем тебя тронуть и не имеет на это права»¹²⁴. Однако закон Августа, предназначенный препятствовать адюльтерам (*lex Iulia de adulteriis coercendis* от 18 или 17 г. до н.э.) и подтвержденный затем Домицианом, предписывает мужу развестись с женой и возбудить против нее судебное преследование; если он прощал ее, то сам преследовался как прелюбодей, подлежал изгнанию и конфискации имущества. Женщина наказывалась ссылкой на острова (что подтверждается наказанием двух Юлий, дочери и внучки Августа), а также тяжелыми пенями при получении наследства.

Проблема второго брака

Прекращение брака вследствие развода или смерти супруга могло породить проблемы, связанные с детьми, появившимися на свет после этого. Женщине ставились четкие условия, чтобы избежать оспаривания отцовства. Так, например, если разведенная в течение месяца не заявляла о своей беременности, ее муж не мог признать ребенка; при вдовстве устанавливался

срок, ранее которого нельзя было вступить в новый брак — десять месяцев; при разводе также, но он был короче. Но с другой стороны, законы Августа предписывали вдовам выходить замуж через два, а разведенным — через полтора года; в противном случае они не могли получить наследство¹²⁵.

Ограничения на профессии и на составление завещания

Кроме того, женщинам были запрещены некоторые виды деятельности — например, банковская¹²⁶. Для них были установлены ограничения при составлении завещания и отпуске рабов на волю: так, женщина не могла отпустить на волю раба, чтобы выйти за него замуж, а мужчина мог таким образом жениться на рабыне.

Особенности положения вольноотпущенниц

Некоторые законы особо ущемляли права вольноотпущенниц. Так, например, если вольноотпущенница выходила замуж, патрон утрачивал законные права на натуральные повинности (*onerae*), которыми она была ему обязана, а также возможность контроля над ее завещанием. Поэтому, хотя вольноотпущенницы пользовались «конубием» (правом заключить законный брачный контракт), иные патроны, чтобы ничего не потерять в своих правах, в акт отпуски на волю (*manumissio*) вписывали пункт, запрещавший после освобождения выходить замуж. Ясно, что отсюда происходило значительное число незаконных сожительства и конкубинатов (*contubernia*). Кроме того, муж вольноотпущенницы не имел возможности при жизни своим завещанием назначить ей опекуна на случай, если она останется вдовой: опека переходила к патрону или его сыновьям. Но, оставшись без опекуна, вольноотпущенница должна была истребовать нового, а иначе не могла заключить законный второй брак.

Вольноотпущенница, вышедшая замуж за бывшего хозяина, а впоследствии патрона (что, судя по надписям, случалось часто), по-прежнему была обязана оказывать ему почтение (*obsequium*), а значит, не могла просить развода, поскольку в таком случае нарушала бы свои обязанности. Если же развод случался по инициативе супруга, она не могла вновь выйти замуж без его позволения.

Сомнительные привилегии слабых

Но не только ограничением дееспособности характеризовалось положение женщин. Недоверие к женской слабости порождало и покровительственное отношение, а отсюда подчас проистекали привилегии, правда, очень ограниченные и связанные с табу. Так, никто не мог поднять руку на матрону — даже должностное лицо при исполнении служебных обязанностей: она не подлежала телесному принуждению, а силой заставить ее сойти с колесницы было святотатством. Прикосновением мужской руки пятналось *rudicitia* (целомудрие) матроны. В принципе на женщину не распространялось «право жизни и смерти» (*vitae necisque potestas*), составлявшее часть отеческой власти. Впрочем, некоторые особые обстоятельства могли оправдать подобное наказание супруги или дочери: ситуация, когда ее застигли во время прелюбодеяния, употребление вина, поручение городской власти. Действительно, случалось, что женщина по суду выдавалась не государственным инстанциям, а семейству (отцу и близким родственникам), но наказание от этого легче не становилось: в 154 г. до н. э. Публиция и Летиция, виновные в отравлении своих мужей, были казнены по приговору родителей¹²⁷; в 17 г. н. э. Тиберий провел в сенате постановление, вследствие которого Апулею Вариллу за прелюбодеяние судили и осудили родственники¹²⁸. Таким образом, когда речь идет о женщинах, власть семьи и государства оказывается взаимодополняющей: одно не исключает другое.

Подруги легионеров

Поначалу легионеры были полноправными римскими гражданами, но затем их права уменьшились, что отразилось и на женщинах. Легионер в республиканскую эпоху — это гражданин, несущий обязательную воинскую повинность при условии, что как минимум владеет требуемым состоянием. Он призывался на службу, если того требовала военная необходимость, а его жена оставалась дома для воспитания детей. Знаменит пример Спурия Лигустина из Крустуминской трибы; для Тита Ливия он был идеальным. «Я, квириды, <...> родом сабинянин, — говорит у него этот воин. — Отец оставил мне югер земли и маленькую хижину, где я родился, вырос и живу донныне. Едва я вошел в года, отец женил меня на дочери своего брата, которая не принесла с собой никакого приданого, кроме прямоты, целомудрия и плодовитости, вполне достаточной даже для богатого дома. У нас шесть сыновей и две дочери, обе уже замужние. Четыре сына носят тоги взрослых, двое еще ходят в претекстах»¹²⁹.

Начиная с Мария и затем в I в. до н. э. в армию стали вступать пролетарии, не имевшие за душой ничего, кроме потомства, и воинское ремесло профессионализировалось. Были установлены новые правила, в том числе запрет солдатам жениться¹³⁰. (Кем и когда? Трудно установить точно. Очевидно, Августом.) С этой поры и, вероятно, вплоть до эпохи Северов включительно¹³¹ солдаты до отставки решали проблему брачного союза с помощью конкубината, открыто терпевшегося воинским начальством, со всеми вытекающими отсюда последствиями для прочности таких союзов и законности родившихся детей. Как показывают археологические источники, женщины жили во временных или постоянных, смотря по тому, надолго ли останавливалось войско, жилищах, построенных в своеобразной гражданской агломерации вокруг лагеря или казарм, называвшейся «канаба». Присутствие женщин в войсках даже в мирное время было воспрещено¹³². Их следы обнаруживаются в эпиграфике: например, они ставили памятники усопшим сожителям, иногда называя себя ихог, что может намекать на

законный брак. Но юридические документы и папирусы говорят, что ничего подобного не бывало: так, если женатый человек поступал в армию, его брак приостанавливался до конца службы¹³³, а дети, родившиеся от такого союза, до этого срока считались незаконнорожденными. Чтобы отрегулировать права таких детей, вопросы приданого (поскольку и при незаконном браке выплачивалось приданое де-факто) и т. п., пришлось принимать изошренные правила. Если сама супруга была римской гражданкой, она передавала свое гражданство детям, которые в таком случае записывались в Поллийскую трибу (а не в трибу своего отца), а место их рождения писалось: «рожден в лагерях» (*castris*). На деле это был важный источник пополнения войска. Ветеранам регламентированность их положения позволяла легче влиться в гражданскую жизнь, и то, что они вопреки укоренившейся легенде редко возвращались в родные места, зачастую объяснялось тем, что легионеры находили жен там, где стоял легион, а не привозили подруг из родных мест.

В очень похожем положении находились и солдаты — неграждане, служившие во вспомогательных войсках. По окончании службы император одновременно даровал им римское гражданство и «право законного брака (*conubium*) с супругой, которую они имели на момент дарования гражданства или, если не были женаты, с той, которую возьмут впоследствии, но каждому только с одной» (СIL, XVI, 36). Это гражданство переходило и к узаконенным таким образом детям, но для каждого солдата лишь один брак признавался официально. Так, например, в воинском дипломе — документе, подтверждавшем, что Адриан в 123 г. даровал гражданство солдатам-паломникам из бретонской алы, расквартированной в Нижней Паннонии, — Иубена, дочь Беллагента из народа эрависков названа женой Глава, сына Навата из Сирмия; и солдат, и его жена происходили из той же провинции.

СЕМЕЙСТВО

Словам «семья» или «семейство» соответствуют два римских термина: gens и familia. Gens — род или большая семья — объединял всех, носивших одно родовое имя (nomen), обозначавшее происхождение от одного мифического предка, даже если между его членами уже не было кровного родства, лишь бы цепь поколений граждан не прерывалась: Ацилии, Эмилии, Клавдии, Корнелии и т. д. Роды делились на ветви, объединявшиеся прозвищами (cognomen), отнюдь не личными, а передававшимися по наследству, например в роде Корнелиев — Сципионы и Лентулы, в роде Клавдиев — Друзы и Пульхры. «Фамилия» (семейство) представляла собой и более широкую, и более узкую единицу, чем род. Она в принципе или на деле находилась под властью «отца семейства» (pater familias) и включала рабов. Внутри нее могла выделяться собственно семья — супружеская чета с детьми и рабами.

Социология брака

Без брака нет семьи. Рассказав о юридических формах брачного союза, рассмотрим теперь его в социологическом аспекте. Римский брак был союзом се-

мейств и в этом смысле политическим делом. Союз заключали не отдельные лица, а именно семейства со своим достоянием (или долгами), связями и детьми, которые, как предполагалось, в будущем заключат между собой браки. Поэтому же такой брак можно было расторгнуть, если этого требовала большая или малая политика.

Собственно, зачем в Риме женились? Само слово *matrimonium* (брак) включает в себя слово «мать» (*mater*), и официальный ответ на наш вопрос недвусмысленно гласит: «*liberorum creandorum causa*» — «чтобы производить на свет детей». Уже в 131 г. до н. э. цензор Квинт Цецилий Метелл Македонский в знаменитой речи, сохранившейся у Авла Геллия¹³⁴, высказался о необходимости женитьбы со всем возможным презрением к женщине: «Если бы мы могли жить без жен, то с радостью обошлись бы без этой тяготы (*ea molestia*), но поскольку природа захотела, чтобы мы ни с ними спокойно, ни без них вовсе жить не могли, следует нам более заботиться о продолжении рода, нежели о недолгих радостях». Более того, когда император Август внес на голосование свои законы об увеличении деторождения, он для их обоснования прочел в сенате именно эту речь¹³⁵. Юристы же прямо писали¹³⁶, что важнейшая обязанность (*munus* — термин, применявшийся также для государственных должностей) женщины — принимать семя и оберегать плод зачатия. Такова же история развода Спурия Рути в III в. до н. э. по причине бесплодия жены: он «сильно любил жену, которую отослал, и <...> она была ему очень дорога своим нравом, но <...> выше своей привязанности и любви он поставил то, в чем был обязан клясться цензорам — взять жену, чтобы иметь детей»¹³⁷. Впрочем, Валерий Максим утверждает¹³⁸, что он не избежал порицания, «ибо думали, что даже желание иметь детей не должно было стать выше супружеских обетов». В эпоху гражданских войн произошло нечто подобное: когда знакомая нам безымянная матрона¹³⁹ предложила супругу развестись, потому что у них не было потомства, он отказал ей: «Сомневаясь в своей плодовитости и огорчаясь, что у меня может не быть детей, чтобы я не потерял

на это надежду, оставив тебя моей женой, и чтобы самой не быть из-за этого несчастной, ты пожелала оставить мой дом, чтобы поручить его плодovitости другой женщины. <...> Должен признаться, что я возмутился чуть не до потери рассудка: в такой ужас меня привел твой поступок, что я едва пришел в себя. <...> Мог ли я иметь такое желание или потребность завести детей, чтобы отказаться от супружеских обетов!»

Оценить плодovitость римских женщин и в особенности жен высокопоставленных лиц трудно. Уже Цицерон¹⁴⁰ хвалил Цезаря за то, что он принял меры, поощряющие рост населения (*propaganda suboles*) после гражданской войны; законы Августа — о браках в разных сословиях 18 г. до н. э. (*lex Iulia de ordinibus maritandis*) и особенно закон Папия — Пуппея 9 г. н. э. — старались подталкивать к многодетным бракам. Знаменитое «детское право» (*ius liberorum*) было немаловажной льготой, а целибат и вдовство облагались большими пенями, особенно для богатых. Август установил для льготы норму (три ребенка), которая отнюдь не давала преимуществ действительно многодетным семьям, — это, без сомнения, доказывает, что у высокородных римлянок детей обычно было или, по крайней мере, выживало меньше, а это не позволяло фамилиям не пресекаться. Вот одно из объяснений стремительного обновления римского сената. В некоторых источниках говорится об упорном нежелании иметь детей, для чего прибегали к абортam¹⁴¹; несомненно, здесь отразились вполне реальные проблемы. Но нельзя забывать и об очень высокой детской смертности (CIL, XIII, 2073): ведь известно, что у Фронтонa (учителя Марка Аврелия) из пяти дочерей, рожденных Кратией, выжила только одна¹⁴², а Коммод единственный из всех сыновей пережил своего отца, хотя у Фаустины было ни много ни мало двенадцать детей¹⁴³. Так или иначе, действительно многочисленные семьи были приметны. В двенадцатое консульство Августа на Капитолий поднялся необычный кортеж: Гай Криспиний Гилар с семью детьми (из них две дочери), двадцатью семью внуками, восемнадцатью правнуками и восемью правнучками¹⁴⁴.

Выбор супруга

До обручения нужно было выбрать будущего супруга с «достойным положением» (*digna conditio*). Применялись критерии разного рода: моральные, социальные, политические, стратегические, экономические. Не надо думать, будто все это имело значение только для высших слоев общества: купец или крестьянин тоже может строить планы приобретения имущества или расширения дела, богатый отпущенник мог подумывать о политической карьере для своих детей, всадник мечтал породниться с сенатором, а разорившийся сенатор — поправить свои дела. Таким образом, все перечисленные критерии могли сочетаться, пересекаться, а то и взаимоуничтожаться, причем мы совсем нечасто можем разглядеть, как это происходило. В мужчине, чтобы считать его идеальным мужем, обычно ценились следующие качества: хороший род, богатство, высокая нравственность, плодовитость: именно так Плиний Младший в знаменитом письме описывает жениха, которого он прочит Юнии, племяннице своего друга:

«Долго пришлось бы искать такого, если бы не было человека, словно предназначенного для этого жребия, а именно Миниция Ацилиана <...>. Родина его Бриксия, родина в той нашей Италии, которая до сих пор удерживает и сохраняет многое от порядочности (*verecundia*) и простоты деревенского старого уклада жизни. Отец его, Минуций Макрин, человек среди сословия всадников видный; подняться выше он не захотел <...>. Серрана Прокула из Патавия, его бабушка с материнской стороны <...>, образец строгой нравственности. Публий Ацилий доводится ему дядей по матери. Это человек почти единственный по своей основательности, благоразумию, честности. Коротко говоря, во всей семье не найдется ничего, что не пришлось бы тебе по душе в своей собственной. Сам Ацилиан очень энергичен и деятелен и в то же время чрезвычайно скромнен (*verecundiam habet*). Он с честью прошел квестуру, трибунат и претуру; ты избавлен от необходимости хлопотать за него. У него благородное румяное лицо, и он ча-

сто краснеет; врожденная красота во всей фигуре и осанка сенатора (*senatorius decor*). По-моему, никак не следует считать это мелочью; это как бы награда девушкам за их целомудрие (*castitas*). Не знаю, добавлять ли, что отец его очень состоятельный. Когда я представляю семью, в которую собираюсь ввести зятя, то думаю, что о его средствах говорить не стоит; когда думаю о наших нравах и законах, считающих, что прежде всего надо учитывать состояние, то представляется мне, не следует обойти и этот пункт, тем более, что, думая о потомстве, и потомстве многочисленном, следует при выборе партии принимать и это в расчет»¹⁴⁵.

Рассмотрим изложенные резоны. Прежде всего, Миниций Ацилиан — италиец, что для италиейцев хороший знак, особенно с точки зрения строгости нравов. Чувствуется затаенное предубеждение против провинциалов. Далее, отец молодого человека — один из виднейших в сословии всадников: отказавшись по моральным причинам принять сенаторский ранг, предоставленный ему Веспасианом, он если не юридически, то социально преодолел границу между всадническим сословием и сенаторским классом, и сын его был принят в сенат, поскольку уже прошел несколько ступеней *cursus honorum*. В самом деле, Миниций Ацилиан уже достиг преторского ранга, что избавляет Юния Маврика от обязанности хлопотать за него при поступлении на низшие должности.

Здесь время вспомнить, о чем, по словам Тацита, думал его тесть Агрикола, когда решил жениться на Домиции Децидиане¹⁴⁶, говорит Тацит. Сын нового человека (*homo novus*), Агрикола приехал в Рим, желая начать сенаторскую карьеру, и взял жену из знатной семьи, чтобы — как прямо говорит нам Тацит, — этот брак принес ему «как почет, так и поддержку влиятельных лиц»¹⁴⁷. Миниций Ацилиан — тоже *homo novus*: отец-всадник был не в состоянии помочь сыну сделать сенаторскую карьеру. Поэтому кандидатуру молодого человека должен был продвигать отец невесты — вернее, в данном случае дядя, поскольку ее отца казнил по политическим причинам Домициан. О возрасте Миниция ничего не сказано, но он был явно гораздо

старше предполагаемой невесты: преторами становились в возрасте не менее двадцати девяти лет. Наконец, жених достаточно состоятелен. Ювенал тоже особо указывал, что женихи обычно имели (и должны были иметь, чтобы не допускать мезальянса) состояние, сравнимое с невестами: «Разве здесь нравится зять, если он победнее невесты, с меньшим приданым?»¹⁴⁸ Большое же богатство может быть лишним козырем: Цезарь был помолвлен с Коссуцией — девицей «из всаднического, но очень богатого семейства»¹⁴⁹. Многие неравные в сословном отношении браки, несомненно, объясняются таким же образом, но источники редко говорят нам об этом.

Итак, все сходилось: Миниций Ацилиан был блестящей партией¹⁵⁰. Конечно, здесь перед нами сенаторская, особенно эндогамная среда. *Mutatis mutandis*, и в других социальных слоях, очевидно, применялись критерии того же типа, но не столь строгие. Вспомним, что закон никогда не запрещал браков между свободными людьми: только сенаторскому сословию возбранялись союзы с вольноотпущенниками, актерами и проститутками. Этот запрет соблюдался, что можно вывести из просопографических исследований, на основании эпиграфических данных, позволяющих реконструировать послужные списки или жизнь представителей тех или иных семейств. Оно и неудивительно: женятся только на тех, с кем встречаются, а сановный человек в частной жизни не встречал вольноотпущенников¹⁵¹. Что касается «стратегических» фамильных союзов, мы говорили о них в связи с социальной мобильностью.

Идеальная невеста и образцовая супруга

Что же ценилось в невесте? В письме Плиния она видна лишь в отраженном свете: у нее те же достоинства — высокое положение и богатство; разумеется, не идет речь о карьере и должности, зато говорится о *castitas* (целомудрие, скромность) и *pudicitia* (стыдливость) — достоинствах идеальной римской матроны в

литературе и эпиграфике, в том числе и публичной¹⁵². Эти термины означают далеко не только сдержанность и достоинство: они служат определением женщины, сохранившей физическую чистоту, девичью скромность и супружескую верность.

Что касается более приятных качеств, обратимся к поэту Стацию¹⁵³:

Дам супругу ученую (docta) в свете факелов брачных,
Нравом тебе под стать (тебе бы послали такую
Сами Юнона с любезной Венерой), под стать и красою,
И богатством, и вежеством, и обаяньем, и родом.

Это не конкретный случай, а идеальный образец, но в нем с ценными практическими и политическими качествами сведены воедино и абстрактные. Отметим первое из перечисленных, ибо оно весьма любопытно: docta. Оно упоминается не часто, но здесь перед нами мир литераторов: ведь Стаций обращается к Лукану.

Может быть, лучше всего об идеале невесты нам расскажет описание образцовой супруги? Вспомним еще раз надгробную похвалу той неизвестной матроне, которая спасла своего мужа¹⁵⁴: «Твои достоинства хозяйки, твоя целомудренная добродетель (pudicitia), твоя покладистость, твоя любезность, твой добрый нрав, твое усердие в пряденье и ткачестве (lanificium)¹⁵⁵, твое лишенное суеверия благочестие, скромность твоего убора, простота твоих платьев — к чему о них напоминать? К чему говорить о твоей ласке к домашним, о твоей привязанности к семейству <...>, когда на деле ты имела и все прочие неисчислимы добродетели, которые есть у всякой матроны, пекущейся о доброй славе?» В Майнце воин Квиеций Секунд на памятнике в честь своей супруги Секундинии Паулы¹⁵⁶ называет ее несравненной и весьма благочестивой супругой; она, говорится далее, была во всем послушной мужу (marito obsequentissima).

Еще один вопрос, которого мы уже касались в связи с юридической стороной дела, — вопрос о возрасте, особенно девицы. В низших слоях общества, случилось, выдавали замуж и неполодозрелых девочек, но, как показывают новейшие исследования, средний воз-

раст приходился на отрезок от тринадцати до шестнадцати лет, а иногда в девичестве доживали до двадцати. Среди аристократов чаще всего соблюдался порог двенадцати лет. Юлия, дочь Агриколы, вышла замуж за Тацита вскоре после двенадцатилетия, как видно из хронологии, реконструируемой по биографии ее отца. Октавия, дочь императора Клавдия, родилась, вероятно, в 39 г., и в 53-м, когда она вышла за Нерона, ей было двенадцать¹⁵⁷, а не десять лет, как неправильно утверждает тот же Тацит¹⁵⁸. Наконец, маленькая Луция Педуция Юлиана умерла тринадцати лет через пять месяцев после замужества¹⁵⁹. Мы знаем и о Миниции Марцелле, которая скончалась невестой за несколько дней до свадьбы: ей было как раз двенадцать лет, одиннадцать месяцев и семь дней¹⁶⁰. Плиний Младший — мы часто его вспоминаем, потому что это один из немногих источников, хоть что-то говорящих нам о частной жизни, — описывает нам ее и скорбь ее отца Миниция Фундана, впоследствии консула 107 г. н. э.: «Ей не исполнилось еще и 14 лет¹⁶¹, но в ней были благоразумие старухи, серьезность матроны и в то же время прелесть девочки вместе с девической скромностью (*verecundia*) <...>. Как она любила своих нянек, педагогов, учителей — каждого за ее службу ей! Как усердно занималась чтением, как понимала прочитанное! Как скромно и осмотрительно шутила! Как спокойно, терпеливо, даже стойко переносила она последнюю болезнь! <...> Она уже была просватана за редкого юношу, уже был назначен день свадьбы, мы были приглашены <...>. Не могу выразить словами, какую рану нанесло душе моей известие, что сам Фундан распорядился истратить на ладан, мази и благовония все деньги, которые назначил выдать на одежды, жемчуга и драгоценности <...>. Он потерял дочь, которая походила на него и нравом, и лицом, и выражением, была прямо его копией»¹⁶². Созданный мужчинами образец идеальной женщины выведен и в других местах, в связи с другими лицами, например, Агриппиной Старшей, Марцией, Мезией¹⁶³, но здесь еще подчеркнут интерес к учению. Просвещенная женщина (*matrona docta*) была идеалом не только в поэтическом кругу: о ней свидетельствует одна над-

пись из Пюи¹⁶⁴, где восхваляется некая «мудрейшая женщина», *femina sapientissima*.

Когда становилось ясно, между кем именно будет заключен брак, справлялась помолвка (*sponsalia*)¹⁶⁵, становившаяся действительной только по согласию сторон (и, в случае необходимости, отца семейства). Это событие отмечалось пиром, который обычно устраивал отец невесты¹⁶⁶, и вручением железного¹⁶⁷ или золотого¹⁶⁸ кольца — *anulus pronubus* — в обещание верности, скреплявшегося поцелуем. Невеста носила это кольцо на безымянном пальце левой руки по мнимонаучной причине: «Только из этого пальца исходит очень тонкий нерв, идущий к сердцу»¹⁶⁹. Перед помолвкой или сразу после нее обсуждались и заключались соглашения между семействами о приданом и виде заключаемого брака.

Приготовление к брачной церемонии

Свадьбу надо назначить на подходящий день. Запрещены или нежелательны, конечно, так называемые «освященные» дни, то есть праздники, в которые ничего нельзя делать¹⁷⁰; дни «торжественные» — великие праздники, своего рода собственность богов на земле (по крайней мере для первого брака)¹⁷¹, — и особые дни месяца (календы, ноны, иды и следующие за ними): для женщин они отмечались религиозными запретами, как, например, день салиев 1 марта. Овидий писал:

Девушка, свадьбу отсрочь, хоть вы и торопитесь оба:

В малой отсрочке теперь радость большую найдешь.

К битвам оружие ведет, а битвы противны супругам:

Спрячут оружие — для вас будет примета к добру¹⁷².

Далее, это дни, посвященные покойным родителям (*dies parentales*) в феврале; дни, когда открыта преисподняя (*mundus patet*) — 25 августа, 5 октября, 8 ноября. Некоторые периоды в году считаются неблагоприятными: месяц май (с праздником смерти — Лемуриями) и первая половина июня, когда открыт храм Весты¹⁷³; конечно, не случайно именно в это вре-

мя жрицам (весталкам и фламиникам) требуется исполнять особые обязанности или особым образом себя вести. Вторые две недели июня, напротив, благоприятны (*utili*) для свершения брака

Как для невест молодых, так и для их женихов¹⁷⁴.

В городе запреты были вызваны религиозными причинами, в деревне же это время напряженных сельскохозяйственных работ, так что свадьбы, видимо, предпочитали справлять зимой.

Накануне свадьбы¹⁷⁵ девушка приносит свое платье в жертву Фортуне Девичьей, а дома — свои игрушки семейным богам. В тот же день женщины, живущие в доме, готовят ее к церемонии. Волосы причесывают особым образом на манер весталок: делят на шесть прядей загнутым наконечником копья, а затем собирают на макушке в виде конуса, перевязанного шерстяной лентой. Голова покрыта фатой цвета пламени (*flammeum*), не закрывающей лица, и увенчана цветами¹⁷⁶. Невеста надевает *tunica recta* — платье, сотканное по древнему способу, подпоясанное шерстяным поясом со сложным узлом — так называемым узлом Геркулеса, который муж должен развязать, своеобразным магическим оберегом. На ногах у нее туфли шафранового цвета (*lutei socci*). Часто подготовка к свадьбе была моментом нежного расставания невесты с женщинами своей фамилии: тут и советы, и ласки, и добрые пожелания.

Свадьба

Свадебная церемония начиналась в доме невесты¹⁷⁷, где собирались гости. Друзья и клиенты от приглашения отказаться не могли, оно налагало на них обязательство (*officium*). На рассвете приступали к гаданиям, чтобы увериться в одобрении богов. Возможно, новобрачные обменивались какими-то символическими словами. Затем «пронуба» — подружка невесты,

женщина, бывшая замужем лишь один раз и не вдовая, — соединяла руки (*dextrarum iunctio*) в знак обоюдного доверия. После этого супруги приносили брачную жертву. Каких именно богов ублажали, точно неизвестно — скорее всего, Юнону, Теллура и Цереру. Далее следовало подписание договоров о приданом, которые свидетели заверяли своими печатями. Наступал момент поздравлений и подарков от семейства, друзей и рабов; первая часть праздника завершалась большим пиром.

Вечером новобрачную отводили в дом к супругу (женитьба так и называлась: «привести жену» — *ducere uxorem*). Именно это шествие — *deductio in domo mariti* — при свете факелов, пении озорных песенок и довольно загадочных заклинаний «*Hymen Hymenae*» и «*Talasio*», под градом бросаемых орехов и составляло важнейшую часть бракосочетания¹⁷⁸, ибо гласно свидетельствовало о начале совместной жизни. Новобрачная шла в сопровождении нескольких человек, в том числе трех детей, оба родителя которых были живы. Один из них нес зажженный факел из особой породы дерева — белого терновника (*spina alba*), двое других держали невесту за руки. Сама невеста или домашний эконо́м несли прялку и веретено — символы идеальных, почти священных домашних обязанностей, которые супруга будет выполнять или которыми будет руководить в новом доме¹⁷⁹.

Когда новобрачная подходила к дому супруга, она по обряду поливала дверные косяки и украшала их шерстью. Затем, если брак совершался «через покупку» (*coemptio*), она произносила ритуальную формулу: «*Ubi tu Gaius, ego Gaia*» — «Где ты, Гай, там и я, Гайя» (женская форма от Гай)¹⁸⁰. В тот же самый момент, перед входом в дом, новобрачная давала три асса: один мужу, другой клали на очаг дома, испрашивая милость живших там «домашних Лар», третий кидали на алтарь ближайшего перекрестка¹⁸¹. Это был знак вхождения в чету, в дом и в соседство.

Затем невесту переносили через порог и там, *in limine* («в ограде») — очевидно, в атрии — супруг принимал супругу, передавая ей огонь и воду¹⁸². Этот важней-

ший ритуал делал невесту супругой — *his nova fit coniunx*, по выражению Овидия¹⁸³, который указывает, что огонь и вода — «причина жизни» (*vitae causa*), а их утрата — характерная черта изгнания. И действительно, в античности огонь и вода необходимы для жизни не только в бытовом плане (само собой!), но и в культовом, поскольку на их разделе основан общий домашний культ: Пенатов, домашних Лар и Гения¹⁸⁴. После этого, как считается, новобрачная может узнать слова, которым учатся в браке (*nupta verba*) — названия мужского (*mentula*) и женского (*cunnius*) членов. Пора нам прочесть стихи Катутла:

Ручку тонкую девушки
Бросьте, мальчики-спутники!
К ложу мужнину пусть идет!
Вы же, добрые женщины,
Старикам своим верные,
Уложите вы девушку!
Время! Можешь идти, супруг!
В спальню мужа вошла жена!

.....

...Но уходит день..
Так не медли же боле!

.....

Дверь закройте, о девушки!
Будет праздновать. Добрая,
Ты счастливой живи, чета,
Приноси постоянные
Жертвы юности бодрой!

Будьте счастливы — юную силу
Занимайте даром, многим данным¹⁸⁵.

На другой день супруга приносит первые жертвы богам своего нового дома, а вечером происходит *herotio* — ужин и пирушка в доме новобрачных, где опять пьют за их здоровье, причем жена должна выйти уже в одежде матроны¹⁸⁶.

Эта церемония касается только законного брака, то есть брака между свободными, обладающими *ius conubii*. Значительная же часть брачных союзов — между рабами, многие браки вольноотпущенников, сожителство солдат — были конкубинатом (*contubernium*).

Выйдя замуж, девушка с ранних лет уходила из родительского дома и жила с мужем, но с некоторых пор молодожены почти никогда не жили и в доме отца мужа. В знатных семьях семейная жизнь часто бывала крайне запутанной: если вдова, имеющая детей, не желала оставаться женой одного мужа (univira, что было традицией и в некотором роде идеалом), ее детям грозили неприятности — не столько психологические, сколько связанные с наследством. Но если мать поселялась у молодоженов, то есть у сына, который, как сирота своего отца, был главой семейства и «в своем праве», или даже не жила, но часто гостила у него, для супруги присутствие свекрови часто бывало тяжело. Кроме того, поскольку мужчины женились по нескольку раз, после них часто оставались молодые вдовы, что приводило к соперничеству; часто между супругами была большая разница в возрасте; наконец, дети от разных браков иногда воспитывались вместе под надзором одной женщины, так что получались сложнейшие семейные переплетения.

Материнская опека над малышами была чисто теоретической; неизвестно даже, какую роль играла мать в отказе от нежеланных детей. Если же ребенка оставляли, над маленьким римлянином надзирали самые разные женщины, исполнявшие разные обязанности, так что отношения с родителями для него были лишь одними из многих. На нижней ступеньке социальной лестницы мать-рабыня была полностью лишена права голоса: папирус 3784 из Оксиринха (III в. н. э.) уведомляет, что Аврелия Сеносирида желает продать Исидору, Лампротиху тож, которой в указанном году исполнилось двенадцать лет, светлокожую, с длинными прямыми волосами, дочь Александры — рабыни той же хозяйки. Эта девица продавалась впервые; покупатель нашелся, и она была разлучена с матерью.

Нравственное влияние и наставничество матери из хорошего общества приобретало ключевую роль в связи с образованием и воспитанием детей. Она была символом традиционных ценностей и имела над деть-

ми полную власть. Если для нас материнский долг заключается прежде всего в заботе и ласке, то для римской матери это *disciplina* и *severitas* (наставление и строгость). Вспомним, что во время извержения Везувия 79 г. н. э. Плинию Младшему было семнадцать лет и жил он у дяди, Плиния Старшего, но под ферулой матери, Плинии Секунды, которой беспрекословно повиновался. В зрелые годы Плиний оставался верен тем же принципам, судя по его письму к Кореллии Гиспулле, которой он помогал искать хорошего учителя для детей¹⁸⁷. Еще выше в обществе стояла Агриппина Младшая, мать Нерона, подбиравшая подростку учителей, в том числе Сенеку — что из этого вышло, известно. Позже Марк Аврелий хвалил свою мать за благочестие, душевную чистоту, щедрость и умеренность. Мать-римлянка строго руководила сыном, но официально не могла вмешиваться в его ораторскую, юридическую, военную и политическую деятельность. Тем не менее так часто бывало и могло приводить к очень серьезным конфликтам, как случилось с Октавианом или Нероном, а Тиберий хотя и советовался с матерью, но не желал, чтобы об этом знали¹⁸⁸.

У Цицерона в одном из писем к Аттику о молодом Квинте есть фраза, особенно ярко показывающая это чувство любви-долга, любви-учитivosti: «Мне кажется, что он очень любит мать, как и подобает»¹⁸⁹. Эти слова дают понятие, какая пропасть отделяет наше представление о сыновней любви от римского. Отношения матери с дочерьми были, конечно, более непринужденными и близкими: она готовила их к замужеству. Тем не менее дочь тоже была обязана ей не столько нежными чувствами, сколько почтением и послушанием, долгом и преданностью (*pietas*).

Иные отцы, например Фронтон и Цицерон, любили детей даже горячее. В разгар бурных политических событий Цицерон наслаждался часами отдыха, которые, бывало, проводили «милая малышка и сладкий, как мед, Цицерон»¹⁹⁰. Он с большим интересом спрашивает про «Аттикулу» — дочку Аттика, а в семи письмах, написанных с марта по август 45 г. до н. э., интересуется ее здоровьем. Отцовская любовь могла сохраниться и когда

дети становились взрослыми. Когда дочь самого Цицерона, Туллия, умерла от родов, его письма полны душевнораздирающей скорби; он даже собирался посвятить ей храм (*fanum*)¹⁹¹.

Так или иначе, одной из основных материнских задач было найти супругов для детей, и первый брак кого-то из них был ее торжеством: ведь брак в этом случае был делом не обоих родителей, а именно матери, особенно если ее фамилия была высокопоставленной. Цицерон сообщает, что некий Тальна сватался к его дочери, но получил отказ, потому что его не одобрили женщины семейства¹⁹². Кроме того, в эпоху Империи у матерей становилось все больше финансовых возможностей или, если угодно, убедительных аргументов. Молодая матрона, сама став матерью семейства, больше общалась со своей матерью, чем с другими молодыми женщинами, поскольку идентифицировала себя с ней. Их сближали общие интересы; мать по-прежнему поддерживала и наставляла дочь в ее новых обязанностях, а дочь была готова прийти на помощь матери в беде. Такое взаимное участие требовало и терпения в тяжелых ситуациях: когда Эбуция по завещанию обделила одну из дочерей в пользу другой, обиженная не возмутилась, хотя Валерий Максим (VII, 8, 2) и негодует по этому поводу.

В союзе и в любви, в радости и в горе

В принципе брак не имел никакого отношения к любви, сексуальная жизнь мужа проходила на стороне, но супружество могло сопровождаться дружбой и согласием. В идеале супружеская чета должна была жить в ладу, хотя, как мы видели, супруги редко избирались по любви; о такой согласии (*concordia*) говорится в литературе и в надписях — это не значит, что он действительно встречался очень часто, но значит, что не был исключительным явлением. Античный поэт хвалил Ливию за то, что она посвятила великолепный храм богине Конкордии и тем почтила своего супруга¹⁹³. В надгробных надписях читаем, что такие-то и такие-то су-

пруги прожили жизнь без ссор и скандалов¹⁹⁴. Многие жены называются не только «нежнейшими» (*dulcissima*) или «дражайшими» (*carissima*), но и «безмерно любящими» (*amantissima*). Один супруг умиленно вспоминает, что супругу прожил с ним пятнадцать лет душа в душу¹⁹⁵. Другой, радостно сообщает его вдова, огорчил жену только в день смерти¹⁹⁶. Литература говорит нам об Агриколе и Домиции Децидиане, которые «жили в поразительном единодушии и взаимной любви, соревнуясь в старании угодить друг другу»¹⁹⁷, о счастливых браках поэта Стация с Клавдией¹⁹⁸, а также Виолентиллы с Аррунцем Стеллой¹⁹⁹. Как мы увидим, были жены-героини, шедшие с мужьями на смерть или в изгнание.

Вспомним поразительный пример Випсании Агриппины — дочери Марка Випсания Агриппы и богатой, владевшей греческим Аттики — единственной дочери Аттика, дружившего с Цицероном. Она была выдана замуж за Тиберия и нравилась ему²⁰⁰, но, как сообщает Светоний, «хотя они жили в согласии, хотя она уже родила ему сына Друза и была беременна во второй раз, ему было велено дать ей развод и немедленно вступить в брак с Юлией, дочерью Августа. Для него это было безмерной душевной мукой <...>. Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом, долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза»²⁰¹.

Об Антонии, жене Друза, говорится²⁰²: «Что же я скажу о тебе, достойная супруга Друза? <...> Прекрасная получилась пара: он — доблестнейший из молодых людей, она — соединенная взаимной любовью со столь доблестным супругом <...>. Ты, бывшая ему законной, единственной и последней возлюбленной, ты была сладчайшим покоем мужу, изнуренному трудами. Умирая, в последний миг он горевал, что нет с ним тебя, и коснеющим языком произносил твое имя».

Эпиграфика приводит немало плачей вдов и вдовцов. Отацилия Нарциса горюет о молодом, двадцативосьмилетнем муже Юлии Тимотее, убитом разбойни-

ками под самым Римом, в начале *via Portuensis*²⁰³. Марк Октавий Примигений, по ремеслу что-то вроде косметолога, избавлявший клиентов от излишней растительности (*alipilus*), оплакивал жену, «огорчившую его лишь тем, что умерла»²⁰⁴. Еще один вдовец проливал слезы (*in lacrimis*) после своей нежнейшей, праведнейшей, несравненной Талассии, с которой прожил в супружестве сорок лет. «Без тебя, — пишет он, — живу убогою жизнью»²⁰⁵. Она была воспитательницей (*educatrix*) кого-то из сенаторов.

Попилий Фортунат из Лиона называет исключительными узы любви (*individuo amore iunctus*), связывавшие его с женой Примитивией Августинией, скончавшейся сорока пяти лет от роду²⁰⁶. Гай Мений Цимбр после восемнадцати лет брака в совершенном согласии и без причин для раздоров (*sine querela*) желает умереть и просит покойную супругу умолить манов, чтобы ему не пришлось «долее терпеть столь ужасную разлуку»²⁰⁷. Бывало, что мужа поражало некое совпадение: жена его скончалась в третий день до февральских календ — тот самый день, в который некогда у них была свадьба²⁰⁸.

В надписи из окрестностей Остии (конец II — начало III в. н. э.) оплакивается целомудренная женщина, вышедшая замуж четырнадцати лет, никогда не ходившая одна в баню, скончавшаяся в возрасте двадцати одного года, двух месяцев и двадцати одного дня и оставившая мужу дочь. Она сделала его счастливым (*felicem*); с ней он пережил лучшие минуты своей жизни²⁰⁹.

Марциал, воспевший любовь Нигрины, через несколько лет вместе с ней оплакал смерть ее мужа на побережье далекой Каппадокии, где он был наместником:

Кости с собой увезла дорогого супруга Нигрина
И горевала, что путь не был длиннее домой.
А зарывая в холме ненавистном священную урну,
Будто вторично она горестной стала вдовой.

Плиний не проявлял особых эмоций по поводу выкидыша у жены, но написал ей письмо, в котором представлен весь расхожий любовный лексикон. Формально там есть все: страсть к далекой возлюбленной,

страдание от разлуки, бессонница — знак любви, любовь — причина болезни, душевные терзания, нежные утешения²¹⁰. Истинная любовь или стилистическое упражнение?

В общем, как и в любом обществе, во все времена трудно узнать, что было на самом деле. Литературные и эпиграфические источники, возможно, дают прочесть то, что хотят сказать, — то, что считается правильным в обществе. Юристы же говорят нам о тяжбах и разводах, о возвратах приданого: они имеют дело именно с такими делами. Косвенные указания, пожалуй, можно получить относительно жизни высших кругов общества: в эпоху Империи жены с детьми и «фамилиями» рабов сопровождали мужей в провинции, где те служили чиновниками, военачальниками, наместниками, администраторами, а также в районы боевых действий, в негосприимные и опасные места, невзирая на риск для новорожденных и будущих детей. Известно, что Домиция Децидиана в Британии родила сына, но мальчик умер. Флавия Сабина отправилась с Луцием Юнием Цезеннием Петом в Каппадокию; муж отрядил часть войск, чтобы охранять ее с маленьким сыном — поэтому за поражение, которое он потерпел в Армении, его осудили особенно строго²¹¹. Зачем же так осложнять жизнь, когда известно, что наместник, в зависимости от места назначения, оставался там от года до трех, что после этого ему нужно было пересечь весь известный тогда мир в обратном направлении и вернуться в Италию или в свои поместья, а еще вернее — отправиться в новый гарнизон или столицу новой провинции? Не для того ли, в самом деле, чтобы показать, как супруги привязаны друг к другу? Такие случаи были часты среди сенаторов (вспомним Дигниллу, рабов которой мы встречали в Майнце) и всадников²¹², что позволяет предполагать искренность чувств, о которых говорил и Валерий Мессалин на сенатских дебатах 21 г. н. э., защищая присутствие женщин в войсках, которое намеревались запретить. «На войну, — сказал он, — разумеется, нужно идти только тем, кто способен носить оружие; но есть ли для возвращающихся после бранных трудов более чистое и добродетельное отдохнове-

ние, чем даруемое супругой?» Друз прибавил, что «он выезжал в Иллирию и, если понадобится, отправится и к другим народам, но не всегда хранил бы спокойствие духа, если бы отрывался от своей дорогой супруги и матери стольких его детей»²¹³.

Впрочем, супружеские ссоры, должно быть, случались тоже нередко, поскольку существовало особое божество, Вириплака, с храмом на Палатине, которое должно было улаживать их и примирять супругов. Один череп поздней римской эпохи из Брекмиллса в Нортгемптоншире со страшно перекошенным лицом приняли за женщину с признаками избиения: ее будто бы ударили так сильно, что она потеряла почти все зубы с левой стороны²¹⁴. На деле это мужчина с увеличенным правым челюстным мышцелком, что вызвано, вероятно, остеохондромой этого мышцелка. Так что, пока не получено новых сведений, упомянутый синдром в римском мире не зафиксирован.

Но любовь — дело серьезное: она приводила к потрясениям, и в римских семьях ее боялись. Из юридических текстов, из литературы и эпиграфики известно много любовных драм и даже убийств из-за любви. Так, археологи нашли много колдовских заклинаний на табличках из свинца (проклятого металла), часто захороненных в гробницах: такие таблички (*defixiones*) должны были родить ненависть в законной или незаконной чете по желанию мужа или любовника, лишить потенции неверного друга, накликают болезнь на соперницу, чтобы она перестала быть опасной²¹⁵.

Хуже того: Адриан приговорил к изгнанию отца, убившего своего сына, который совершил прелюбодеяние с женой отца, своей мачехой, а Дигесты предусматривают случай, когда ночью в супружеской спальне муж убивает спящую с ним жену, или наоборот²¹⁶. Что случилось в Риме при Тиберии у претора Плавтия Сильвана с его женой? По рассказу Тацита²¹⁷, он «по невыясненным причинам выбросил из окна жену Апронию и, доставленный тестем Луцием Апронием к Цезарю, принялся сбивчиво объяснять, что он крепко спал и ничего не видел и что его жена умертвила себя по своей воле. Тиберий немедленно направился к нему в

дом и осмотрел спальню, в которой сохранялись следы борьбы, показывавшие, что Апрония была сброшена вниз насильственно. Обо всем этом принцепс докладывает сенату, и по назначении судей бабка Сильвана Ургулания послала ему кинжал <...>. После неудачной попытки заколоться подсудимый велел вскрыть себе вены. Привлеченная вскоре к суду его первая жена Нумантина, обвинявшаяся в том, что посредством заклинаний и приворотного зелья наслала безумие на своего бывшего мужа, была признана невиновной».

В Остии родители оплакивают шестнадцатилетнюю дочь, которую ее муж Орфей бросил в Тибр, но и там обстоятельства дела неясны²¹⁸. А вот случай, пожалуй, еще более страшный: женщина из Лиона Юлия Майяна была убита мужем после двадцати восьми лет брака, оставив девятнадцатилетнего сына и восемнадцатилетнюю дочь²¹⁹. Некую девочку, оставленную без присмотра, сначала, видимо, изнасиловали, а потом убили «украшений ее ради»: об этом горюют Юлий Рестут и Стация Пудентилла в Салоне²²⁰.

Тацит²²¹ рассказывает и историю убийства из-за любви без брака: народный трибун Октавий Сагитта, обезумев от любви (*amore vaecors*) к замужней женщине Понтии, без особого труда добился ее развода. Избавившись от мужа, она находила всяческие предлоги, чтобы не связывать себя новыми узами. Октавий, стесная и угрожая ей, говорил, «что из-за нее потерял доброе имя и остался без средств, он отдавал в ее распоряжение <...> жизнь. Но так как она и на это отвечала пренебрежением, он принимается умолять ее подарить ему в утешение одну ночь, после чего, утолив желание, он прекратит свои домогательства. Такая ночь назначается, и Понтия велит посвященной в эту тайну рабыне оставаться на страже у дверей ее спальни. Явившийся со своим вольноотпущенником Октавий приносит спрятанный под одеждой меч. В дальнейшем, как всегда, когда любовь сплетается с ненавистью, последовали бурные ссоры, мольбы, упреки, наконец примирение, и часть ночи была отдана страсти. И вот Октавий, как бы все еще в любовном чаду, пронзает забывшую о своих опасениях Понтию; от бросившейся

к нему рабыни он избавляется, нанеся ей рану, и беспрепятственно выбегает из спальни. На следующий день обнаруживают убитую; кто повинен в убийстве, ни в ком не вызывало сомнений, ибо Октавий был изобличен в том, что провел ночь у Понтии». Поскольку в Риме любовная связь никак не могла завязаться без пособничества слуг, задача судей осложнилась. «Вольноотпущенник берет преступление на себя и заявляет, что он отмстил за нанесенную его патрону обиду; и многих убедило величие его самоотверженности; однако очнувшись от беспамьятства раненая рабыня открыла истину. По истечении срока своего трибуната Сагитта по требованию отца убитой предстал перед консулами и приговором сенаторов был осужден по закону об убийцах (*de sicariis*)».

Фрески, мозаики, светильники, серебряные сосуды также свидетельствуют, что супружеские измены проходили на людях: на них видны рабы, которые приносят разные предметы или просто глядят на любовников — ведь они не ведут себя как «порядочные люди», при свете светильника совершенно обнажены и позволяют себе *mille figuras*. А как понимать возмущенную фразу, брошенную Апулеем сыну своей жены от первого брака: «А ты хочешь знать, что она делает в своей спальне»²²²? Подглядывал ли сын за матерью сам или посылал шпионить кого-то из бесстыдных рабов?

Обязанность верности в браке существовала только для женщин; законы Империи, изданные при Августе, а затем при Флавиях, предписывали наказание за прелюбодеяние. Правду ли, в таком случае, говорил Ювенал²²³, что женщины поэтому охотно «меняют семью, затоптав <супружеское> покрывало»? Или Марциал²²⁴, писавший, что новые браки служат лишь для прикрытия адюльтера:

С той поры, как закон возродился Юлиев снова²²⁵

И водворилась, Фавстин, в семьях стыдливость опять,

И тридцати-то еще не минуло полностью суток,

А Телесина пошла замуж в десятый уж раз.

Замуж идти столько раз не брак, а блуд по закону.

Меньше б я был оскорблен, будь она шлюхой вполне.

После брака: развод и вдовство

Какие существовали причины для развода по инициативе мужа? Прелюбодеяние, как мы уже видели (в этом случае развод был обязателен); бесплодие (об этом мы тоже говорили), поскольку в брак вступали, чтобы иметь детей; были и менее веские причины, например, употребление вина или посещение игр без предупреждения²²⁶. Причины, выдвигавшиеся женщинами, известны хуже; впрочем, памятно дело Прокулеи, которая, если верить Марциалу²²⁷, оставила мужа, чтобы не делить с ним расходы, связанные с должностью претора. Среди же серьезных причин, начиная уже с республиканской эпохи, нельзя забывать политические. Разве не из честолюбия или не по расчету Цецилия Метелла, жена диктатора Суллы, развела Помпея с Антистией, а свою дочь Эмилию (от первого брака с Эмилием Скавром), невзирая на беременность, разлучила с Ацилием Глабрионом и выдала за Помпея?

В правовом отношении развод был легок при самом распространенном типе брака — без «вручения». Как для союза было достаточно обоюдной воли, так и теперь воля, но уже только одного человека, была достаточной, чтобы расстаться (впрочем, всегда мог возникнуть вопрос о власти отца семейства). В императорскую эпоху, вероятно, существовали формы, которые следовало соблюдать²²⁸, желательны были свидетели²²⁹, но и без того произнесение простой формулы: *tuas res tibi habeto* («забирай свои вещи с собой») означало расторжение брака. Приводило ли это к великому множеству разводов, как часто утверждали римские авторы, а вслед за ними многие современные историки с задней мыслью, что развод подразумевает женскую распущенность? Сенека, по-видимому, так и думал: «Они уходят, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись»²³⁰. С ним заодно Ювенал:

Так возрастает число, и в пять лишь осенних сезонов
Восемь будет мужей — достойный надгробия подвиг!²⁴¹

Даже надгробная речь известной нам матроне²³² вторит той же песне: «Редки столь долгие браки, которые завершаются смертью и не прерываются прежде разводом».

Обращение к источникам показывает, что счастливых браков было много, а большинство разводов встречается в императорских фамилиях, часто по политическим причинам. К тем же семьям притягивались и скандалы вроде изгнания двух Юлий по законам о прелюбодеянии. Действительно ли это самый репрезентативный слой общества? Можно повторить здесь методологические замечания, сделанные нами чуть выше по поводу супружеской любви. Разводы не одобрялись: в 19 г. н. э. при выборе весталок кандидатура одной из девочек была отклонена, ибо «Агриппа (ее отец. — *Авт.*) расторжением первого брака нанес урон доброй славе своей семье»²³³. Значит, была причина не злоупотреблять ими. Источники, которыми мы располагаем, не документальные (у нас, к примеру, нет ни архивов гражданского состояния, ни нотариальных документов), поэтому нам известны лишь крупницы действительности: те, что сохранили, с одной стороны, литераторы, с другой — эпитафические памятники. Итак, не стоит рисовать в черных красках картину римских нравов, ибо у тех, кто так делал, есть очевидный умысел: опорочив очень слабую «женскую эмансипацию» в Риме, они получали оружие против разводов, аборт, предоставления женщинам права голосования и всякого стремления последних к свободе и самостоятельности. Отричем античность, которую столь часто берут за образец, лишь бы не потакать требованиям вчерашнего и сегодняшнего дня! Ныне, конечно, это кажется уже давно устаревшим. Определенные стереотипы, повторяемые и поныне, восходят к концу XIX и первой половине XX в., причем имеют совершенно определенный оттенок: «Как далеки мы от поучительного примера, который давала нам римская семья времен Республики! Этот монолит дал трещины со всех сторон. Прежде женщина была строго подчинена власти своего господина и хозяина, теперь она ему равна, а то и подчинила его

<...>. Она была верной — стала легкомысленной и развратной»²³⁴.

Брак не обязательно заканчивался разводом. Часто жены, выходявшие очень молодыми за людей гораздо старше себя, оставались вдовами. Так, Юний Авит, хотя и сам молодой человек, «оставил осиротелую мать, овдовевшую жену и крохотную дочь, не знающую отца»²³⁵. Причиной смерти могла быть и политика: отец Агриколы Луций Юлий Грецин, павший жертвой Калигулы, оставил молодую вдову Юлию Проциллу беременной или только что разрешившейся от бремени²³⁶. Литература донесла до нас черты некоторых из этих женщин. Они были «в своем праве» со смерти отца, имели опекунов с почти номинальной властью и, если муж оставлял им приличную долю состояния, пользовались немалой свободой²³⁷. Даже если отец больше заботился о своих детях, он обычно не забывал обеспечить вдову по крайней мере узурфруктом своего состояния, пока она не выйдет вновь замуж. Ведь после того как проходил срок траура и вдовства, назначавшийся во избежание сомнений в отцовстве, вставал вопрос о новом замужестве. Законы Августа поощряли повторные браки, поскольку холостые и незамужние ограничивались в правах получать подарки и наследовать. Правда, женщины могли освобождаться от этих ограничений по возрасту (пятьдесят лет) или благодаря наличию детей (трое детей фактически или по *ius trium liberorum*); к тому же древняя, глубоко укоренившаяся традиция «единобрачия» (*univira*) давала некоторые религиозные прерогативы. Антонии, вдове Друза, было всего двадцать семь лет, и она не пожелала вновь выйти замуж, но у нее были дети. Агриппина Старшая не могла себе позволить второй брак, чтобы не давать соперников будущему императору. Женщины, уже имевшие детей, опасались проблем, связанных с новым отцом и новыми детьми. Богатая вдова из провинции Африка Эмилия Пудентилла ждала четырнадцать лет, пока ее дети подрастут, и только тогда вышла замуж (за Апулея)²³⁸.

Напротив того, женившийся новым браком вдовец давал своим детям ту, о ком принято писать с ужасом:

страшную мачеху (noverca), которая умело пользовалась дряхлостью влюбленного старца²³⁹. Рассмотрим дело Аттии Вириолы, в защиту которой выступал Плиний Младший. Примечательно было «и высокое положение истицы, и редкостный случай, могущий быть примером, и важность вопроса. Знатная женщина, жена претория, лишена наследства восьмидесятилетним отцом через одиннадцать дней после того, как, обезумев от любви, он ввел к себе в дом мачеху. Аттия требовала отцовское имущество в заседании четырех комиссий»²⁴⁰. Зрелище было внушительное: «Заседало сто восемьдесят судей <...>. С обеих сторон много адвокатов», множество зрителей обоего пола. К удивлению Плиния, «в двух комиссиях мы выиграли, в двух проиграли»²⁴¹.

Возможность нового брака зависела от возраста детей: если они уже получили образование, вдовец мог предпочесть конкубинат (например, Веспасиан с Ценидой — вольноотпущенницей Антонии, матери Клавдия²⁴²) — иногда, как Марк Аврелий, именно для того, «чтобы не давать мачехи столь многочисленному потомству»²⁴³. Такое решение помогало также избегать проблем с наследством. Но вообще изучение известных нам семейств, особенно сенаторских, показывает, что практика новых браков после вдовства или развода была весьма распространена. Не говоря о пяти (политических) браках Помпея или шести замужествах Вистилии²⁴⁴, не удостоивая вниманием многочисленные женитьбы Клавдия и Нерона, отметим, что тот самый Плиний Младший, которого мы только что упоминали как адвоката, сам женился дважды, а то и трижды, что тетка Нерона Домиция Лепида, поразительно богатая, была три раза замужем, что примеры достоверных или предположительных вторых браков можно еще умножить.

ТЕЛО И ЗДОРОВЬЕ

Рождение девочки

Новорожденного принимала повитуха, определяла его пол и смотрела, стоит ли его вскармливать: в срок ли он рожден, может ли он с помощью Ватикана (бога-покровителя первого крика младенца, которого римляне справедливо или нет связывали с именованием прорицателя — *vates*) кричать и шевелиться. Она тщательно осматривала малыша, проверяя, в частности, все ли отверстия тела открыты, но практически в столь нежном возрасте можно заметить только серьезную аномалию, если таковая имела место. Затем отец, в знак того что принимает малыша, подымал его, призывая богиню Левану.

Рядом с роженицей могла находиться ее мать. Иногда, по юридическим соображениям, собиралось даже много присутствующих, особенно если супруги были в ссоре или развелись во время беременности: тогда надо было удостовериться, что ребенок действительно родился и не был подменен²⁴⁵. Гости приходили также на церемонию очищения (*dies lustricus*) и выбора имени на восьмой (для мальчиков на девятый) день после рождения. У свободных римлян-мужчин было три имени: личное (*praenomen*), родовое или фамильное (*nomen*) и прозвище (*cognomen*). Как звали женщин? В разные времена по-разному. Пока они были затворе-

ны в своем семействе, для внешнего мира им было достаточно одного родового имени, но внутри рода или семьи удобно было их как-то различать по личным именам. Эпиграфика позволяет установить, что в древнейшие времена личное имя часто давалось по порядку рождения (Секунда, Терция), причем не совсем понятно, был ли это счет только девочек или всех сестер и братьев. Кроме того, в некоторых областях Италии имя девочки могло обозначать что-то хорошее: Юста (справедливая), Вера (правдивая), Приска (приблизительно «верная старине»). Всего в республиканскую эпоху засвидетельствовано около пятидесяти женских личных имен, но их становится заметно меньше к концу Республики и при Империи, когда женщинам стали давать также «когномен». В III в. н. э. выходят из обихода личные имена у мужчин, но вновь возникает мода давать их девочкам. На деле они были не нужны; их выбор становится социокультурной характеристикой: знатные семьи предпочитали имена Гайя, Гнея, Луция, Марция, Публия, Квинта, Тиберия (они, как и соответствующие мужские, могли писаться сокращенно), а более скромные — Авла, Октава, Децима, Сервия, Секста, Спурия.

В течение тридцати дней со дня рождения девочки — законнорожденной римской гражданки (*civis Romana*) — отец, мать, дед или любой другой в их отсутствие делают о ней, как и о мальчике, официальное объявление (*professio*) перед властями — в Риме в Сатурновой казне. Так, диптих из Каира 148 г. н. э.²⁴⁶ является выпиской из регистра под названием «Календарий» о заявлении Тиберия Юлия Диоскорида о том, что в 13-й день до только что прошедших сентябрьских календ Юлия Аммонария родила ему дочь Юлию Аммону, римскую гражданку.

О незаконных детях было достаточно приватного объявления при свидетелях (*testatio*): так, в Александрии опекун (*tutor mulieris*) Семпронии Гемеллы, римской гражданки, проживавшей в Каранисе из округа Хора, по ее просьбе объявил о рождении сыновей — римских граждан (они носят тройные имена), но незаконных (*spurii*), от неизвестного отца (*incerto patre*).

В этом диптихе 145 г. н. э. специально оговорено, что такой аттестат выписан, «поскольку законы Элия — Сентия и Папия — Поппея запрещают заносить в официальные списки (*album*) незаконных детей как мужского, так и женского пола»²⁴⁷.

Такие заявления в суде не принимались как законное доказательство (*citra cognitionem causae*), но могли учитываться судьями в случае тяжбы. Свод постановлений римского права, именуемый «Дигестами»²⁴⁸, упоминает о деле одной женщины, которую муж прогнал во время беременности, вследствие чего она объявила о рождении незаконного сына, а затем умерла без завещания. Это означало, что ребенок наследует ей. Муж, чтобы вернуть утраченное, пытался признать ребенка и взять его под свою отцовскую власть (*potestas patris*). Хотя эти объявления имели весьма ограниченную силу, Марку Аврелию было угодно сделать их обязательными для римских граждан.

Вероятно, на отказ от девочек по тем или иным причинам смотрели проще. Под 1 г. до н. э. в одном александрийском папирусе говорится об отказе от будущего ребенка, если родится девочка²⁴⁹. Тем не менее таких отказов не должно было быть много больше, чем отказов от мальчиков, поскольку это повлекло бы демографические последствия, которые никак не остались бы незамеченными для нас. Мы не имеем никакого представления о цифрах: ни о количестве самих отказов, ни о смертности непризнанных детей. Ведь их могли принять другие, а судьба их могла быть самой различной: от рабства до принятия в семью людьми, привязанными к ним, дававшими им содержание и образование (такие в источниках упоминаются под названием *alumni*). Почти ничего не известно и о собственно детоубийстве. Недавние палеопатологические открытия доказывают, что оно практиковалось в некоторых областях Империи — например, в Палестине, где в сточных канавах Аскалона сохранилось около сотни младенческих скелетов.

И здесь императорская фамилия играла страшную символическую роль: император Август решил отказаться от ребенка своей внучки Юлии²⁵⁰, который, оче-

видно, был плодом прелюбодеяния (с Децимом Юнием Силаном), поскольку родился в 8 г, а муж Юлии Луций Эмилий Павел уже в 6 г. был сослан (по крайней мере такая хронология возможна). Мы плохо знаем, как отреагировало общественное мнение на эту щекотливую ситуацию, но Тацит строго судит императора, который, «присвоив этому столь обычному между мужчинами и женщинами проступку грозные наименования святотатства и оскорбления величия, отступал от снисходительности предков и своих собственных законов»²⁵¹. Так же сурово осудили и Клавдия за то, что он, разведясь с Плавтией Ургуланиллой за прелюбодеяние, отверг ее дочь от одного вольноотпущенника уже несколько месяцев спустя после рождения, то есть уже в какой-то степени признанную семьей²⁵². Кроме того, он велел положить девочку голой на улице, увеличивая смертельную опасность: нежному тельцу грозили не только бродячие собаки, но даже змеи и дикие звери, подчас заходившие в те края.

Уход за младенцем, формирование тела

Обрезав пуповину, повитуха сразу же проводила первую гигиеническую процедуру — начищала новорожденного солью. Затем кормилица раз в день или два купала вскормленника в ванночке, следя, чтобы вода была приятной для него температуры. После купания его тесно пеленали в прочные, легкие и чистые пеленки; у пеленания мальчиков и девочек были и общие черты, и особенности. Тельце надо было сформировать²⁵³; девочке талию делали тонкой, а бедра широкими, чтобы, войдя в возраст, ей легче было носить своего ребенка. Иногда кормилицы хватали через край: чтобы сделать утробу как можно больше, они совершенно раздавливали много раз туго обмотанную грудную клетку. Впрочем, и это со временем становилось источником наслаждения: элегические поэты любили воспевать маленькую грудь, помещающуюся в руке у любовника.

Пеленки и колыбель были заботой кормилицы²⁵⁴. Гален²⁵⁵ со злорадством описывает случай серьезной

профессиональной ошибки, давший повод блеснуть ему самому: «Ребенок весь день плакал и капризничал, вертелся так и сяк; кормилица не знала, что делать. Я понял, что его беспокоит». Он никак не успокаивался, лежа на груди, когда кормилица смотрела, не хочет ли он пописать или покакать, не затихал и когда она склонялась над ним, уложив в колыбель. Но я заметил, что рубашечка у ребенка очень грязная и самого его не купали. Я велел, чтобы его помыли и вытерли, переменили постель и самого переодели в чистое. Тогда он перестал биться и тотчас заснул спокойным долгим сном».

Держа младенца на руках или сидя у колыбели, кормилица его ласкала, приговаривала, припевала — таким образом, дитя начинало учиться языку. Отсюда споры, кого лучше брать: гречанку, чтобы ребенок сразу учился двум языкам, римлянку, с которой он начнет говорить по-латыни, или чужестранку, которая ничему его не научит? Кроме того, кормилица смотрела за малышом: опасались неосторожности маленьких детей, которые могут себе что-нибудь поранить (например, глаз), сломать ручку или ножку — поэтому не рекомендовалось раньше времени позволять им играть или ходить. Какое-то время детей катали в прогулочных колясках.

Кормление ребенка

Но главной задачей кормилицы (*nutrix, nutricula*)²⁵⁶, как показывает само название, было кормление ребенка. Были, конечно, и матери, предпочитавшие кормить детей своим молоком; мы знаем об одной женщине из Египта, которая решила поступить именно так, но семейство заставило ее взять малышу кормилицу²⁵⁷. С другой стороны, вспомним неучтивость философа Фаворина из Арля, который советовал бабке новорожденного уговорить свою дочь кормить самой²⁵⁸. В общем, так или иначе, кормление перестало считаться долгом матроны — обычно под предлогом заботы о ее здоровье. В таких случаях надо было бороться с избытком молока и маститом; чаще всего к груди что-нибудь

прикладывали (листья клещевины, вываренную руту и др.). В обществе, где существовало рабство, искусственное вскармливание из соски было редчайшим явлением; в таких случаях применяли молоко животных: козье, верблюжье, ослиное, коровье, овечье; все эти виды молока применялись также в фармакопее.

Кормилицу с молоком (*nutrix lactaria*), а иногда, для большей гарантии и при наличии средств, двух, подыскивали по возможности до рождения ребенка. Создается впечатление, что подчас родители из высших слоев общества были не слишком разборчивы при выборе таких женщин, в принципе же требовалось соблюдать чрезвычайную осмотрительность, осведомиться о прошлом кормилицы, ее здоровье, особенно груди, качестве молока, а также о характере; она должна была соблюдать драконовский образ жизни: не пить вина, есть пищу, как считалось, способствующую лактации, например, укроп, и поныне имеющий репутацию лактогена, не иметь половых связей, постоянно находиться под наблюдением и проч.

Разлучение кормилицы с родными детьми, видимо, соблюдалось не столь строго, как говорят медицинские тексты: в эпиграфике встречаются термины *conlacteneus*, *conlacteus* (молочный брат), *conlactea*, *conlactia* (молочная сестра), а иногда дается даже понять, что кормилицы продолжали половую жизнь. Так было с Разинией Пиетас, похороненной в колонии Минтурны, которой ее патрон Луций Бурбулей Опат Лигаринан доверил двух своих дочерей подряд²⁵⁹.

Хоровод вокруг ребенка

Иные философы, как Фаворин Арльский, вопияли о нравственной катастрофе, но напрасно: сперва к кормилицам обращались только богатые семьи, постепенно этот обычай распространился на менее зажиточных. К тому же часто хозяйский ребенок по тем или иным причинам оказывался вне семьи. Гай Квинтий Эвфем потерял четырнадцатилетнюю жену Элию Тихениду, которая оставила ему мальчика Гая Квинтия

Гермия. Его доверили супружеской чете — кормилице Квинтии Партенопее и «дядьке» (tata) Публию Фарсулею Исидору. Тем не менее мальчик умер четырех лет, четырех месяцев и восьми дней от роду²⁶⁰.

Было распространено также воспитание рабских детей, родившихся в доме, на продажу; в Италии таких детей (vernae), рожденных от служанок (ancilla urbana), видимо, посылали в деревню — на хозяйскую виллу — с тем, чтобы в определенном возрасте они вернулись в город²⁶¹. Наконец, если не везде, то в некоторых провинциях, например в Египте, были кормилицы, которые вскармливали детей для продажи на собственный счет или на счет третьих лиц.

Требования эфесского врача Сорана, жившего в Риме, видимо, соответствуют тому, что происходило именно там. Обнаружено несколько контрактов, дающих нам понятие о вознаграждении (по-латыни nutritia), получаемом независимыми кормилицами. Если с ней не сходились в цене, вмешивался претор (в провинции наместник), особенно когда дело шло о кормлении в собственном смысле слова²⁶².

После отнятия от груди, происходившего постепенно по мере роста зубов — во всяком случае, после того, как дитя начинало кусать грудь, — «молочную кормилицу» сменяла «сухая» (assa nutritrix). Тогда вокруг богатого ребенка собирался целый женский хород, что отнюдь не означало, что к нему безразличны родители. Иногда у малыша бывала и «мамушка» (mamma и уменьшительное mammula) — это ласковое слово трудно поддается истолкованию. Оно могло применяться к родной матери, но чаще означало, по-видимому, своего рода приемную мать, которой поручалось воспитывать ребенка, не жившего с родителями. Одна из них, например, жалуется: «Сальвидиена Гилара, вольноотпущенница Квинта, Сальвидиене Фаустилле, очаровательной, сведущей во всех искусствах: ты оставила свою мамушку в горе, скорби и слезах. Жития ее было пятнадцать лет, три месяца, одиннадцать дней и семь часов. Злая судьба унесла юную деву. Жизнь моя, оставила ты свою мамушку в печали».

У такой наемной матери мог быть и муж, так что круг заботящихся о ребенке становился еще шире. Известны и супруги «молочных кормилиц»²⁶³: Олимп и Реститута были «кормильцами» маленькой Актении, скончавшейся шести месяцев и десяти дней²⁶⁴; памятник Сильвии, прожившей три года, два месяца и девять дней, поставили ее родители Клавдий Протомах и Клавдия Дамалия, а также «дядька» Салоний Эпиктет и «мамушка» Афродисия²⁶⁵.

Возникшие таким образом связи могли надолго сохраняться и по миновании подопечным детского возраста. Иногда признательный вскормленник дарил кормилице подарки или заботился об ее могиле. Плиний Младший своей кормилице подарил ферму, стоимость которой точно указал ко всеобщему сведению²⁶⁶; Гонорат поставил памятник своей кормилице Клавдии Фреквенте, скончавшейся шестидесяти лет; Сервий Корнелий Долабелла Метилиан, консул 113 г. н. э., — Корнелии Сабине, вольноотпущеннице, кормилице и мамушке²⁶⁷. Хотя это ремесло, если заниматься им честно, было очень изнурительным, известна старая кормилица, не покоровшаяся времени: Волумния Динамида, дожившая до ста пяти лет; Волумния Прокла, дочь Гая, отпустившего Динамиду на волю, воздвигла ей стелу²⁶⁸.

Хотя привязанность к кормилице бывала сильна, юный аристократ, когда вырастал, вероятно, скоро понимал, какая пропасть отделяет его от этой женщины. Если же вскармливалась девочка, кормилица часто оставалась при ней как служанка родителей или под именем «воспитательницы» (*educatrix*): она наблюдала за ее бытом, потом провожала в дом к супругу, вместе с ней выходила в город и, поговаривали, даже помогала в тайных амурных делах.

Детские болезни

Нет никаких оснований думать, будто все это скопление родственников и других людей вокруг ребенка имело катастрофические последствия для его психи-

ки, как непременно предположил бы современный психолог. Но вернемся к его физическому здоровью. Приносились жертвы богине сосцов Румии или Румине, чтобы младенец хорошо брал грудь, а потом Эдуле, чтобы он хорошо ел, и Потине, чтобы хорошо пил. Тем не менее с великим удивлением констатируешь, что сами врачи считали болезни первого года жизни в каком-то смысле нормальными, свойственными возрасту и неизбежными, поскольку дитя полностью зависит от здоровья кормилицы. Врач Соран описывает их в части своего трактата «О женских болезнях», посвященной физиологии. Появление зубов — тяжелое время, которое следует пережить; далее могут случаться воспаления миндалин, ящур, разные высыпания и зуд, затрудненное дыхание, кашель, понос, а главное — опаснейшая лихорадка, вызванная жарой, приводящая к сильному обезвоживанию и вздутию родничка: В одних случаях терапевтическое лечение применялось в отношении самого ребенка, в других лекарства прописывали кормилице, если молоко ее, переродившись, становилось вредным. Помимо медицинской помощи полезным считалось в любом случае не забывать о богине Оссипаго, чтобы лучше росли кости, а также о Карне, оберегавшей мышцы и внутренности.

Тем не менее детская смертность была велика, причем ее по многим причинам особенно трудно оценить количественно. Дети, вообще говоря, расставались с жизнью, еще не войдя по-настоящему в общество, и их не всегда оплакивали. Конечно, есть трогательные исключения. В Риме умерла некая Спудэ, «бедный мизинчик» (*pusinna miserrima*²⁶⁹). Другие родители убиты горем (*infelicissimi*), потеряв маленькую Гатерию Супербу, которой был год, шесть месяцев и двадцать пять дней; в руках у нее сохранились для вечности плод и голубка²⁷⁰. Второе имя Антеиды Хризостомы, умершей трех лет от роду, означает «Златоустая» — возможно, так прозвали маленькую болтушку (*garulla*) за ее лепет²⁷¹. Еще одна мать оплакивает двенадцатилетнюю дочь, жестокой смерти (*misera mors*) которой давно ожидала²⁷².

Половое созревание. Первые регулы

Половое созревание, о начале которого свидетельствуют формирование груди, рост волос под мышками и на лобке, наступает в разное время, смотря по условиям жизни и питания; в римскую эпоху это бывало обычно в двенадцать — четырнадцать лет. Тогда же случались и первые регулы²⁷³. Этому перевороту в организме помогали щадящей гимнастикой, а при каждом кровотечении девушке полагалось лежать. Между тем ничего не говорится о средствах соблюдения чистоты и защиты от инфекции. Обращались к Мене — божеству менструаций; ее имя происходит от слова «месяц», поскольку опыт учил, что регулы бывают приблизительно раз в месяц. Но вопрос, связан ли лунный цикл с менструацией, оставался открытым. Менструальная кровь привлекала и отталкивала, а потому была желанным предметом всяких магических ритуалов. Между прочим, лекарствами в семье занимались женщины, и многие рецепты приписывались знаменитым женщинам, а другие, как считалось, испробовались ими: Марцелл Бурдигальский²⁷⁴ упоминает о мази, которой часто пользовалась Августа Ливия — жена Августа.

Не считались в добром здравии (*sana*) те, у кого регулы случались дважды в месяц, а также те, с кем вовсе не случалось месячных очищений, если, уточняют Дигесты, это происходит не из-за возраста (*per aetatem*)²⁷⁵. Соран добавляет сюда женщин, занимающихся определенным ремеслом в театре или в палестре.

Предбрачное освидетельствование, брак и дефлорация

Здравый смысл велел выждать некоторое время после полового созревания девушки, чтобы выдать ее замуж или по крайней мере чтобы ее брак стал действительным. Но в некоторых семьях, где было слишком много детей или хотели получше пристроить дочерей, выдавали и незрелых девочек, на что жалуется Соран. Недостаточно, пишет он, достичь законного двенадца-

тилетнего возраста — надо убедиться, что созревание завершилось, и даже несколько задержать девушку в отроческом состоянии, морально и физически готовя ее к браку: от этого дети станут только лучше. Среди тех, кто очень рано вышел замуж, назовем дочь Агриколы, ставшую женой Тацита; Юлию — одиннадцатилетнюю девственницу, вольноотпущенницу Гая, женившегося на ней²⁷⁶; Элию Кресцентину, жившую в девстве до двенадцати лет, а затем вышедшую замуж²⁷⁷; Квинту Рагнию Цириацетиду, вышедшую замуж в возрасте двенадцати лет, одиннадцати месяцев и четырнадцати дней²⁷⁸. Эти разительные примеры, очевидно, указывают не средний возраст; подобные случаи шокируют нас, но мы не должны судить их, полагаясь на свои чувства. В целом на практике следовали закону, но иные, чтобы не попасть под августовы законы, пускались на хитрость: обручались с такими малолетними невестами, что не могло быть и речи о фактическом совершении брака. Август был вне себя²⁷⁹.

Предбрачное освидетельствование, кажется, не было общераспространенной практикой, но Соран²⁸⁰ горячо рекомендует его: раз интересуются приданным невесты, разумно также поинтересоваться, сможет ли она в течение примерно четверти века, пока будет длиться ее половая жизнь, иметь детей. Поэтому следует осведомиться о ее характере (не впадает ли в беспричинную тоску), телосложении (чтоб не была слишком тощей или слишком толстой), о здоровье вообще, а в особенности о пищеварении, регулярности менструаций, состоянии детородных органов. «Вообще следует избирать таких, у которых все тело сообразно природе, а матка притом в особенности». О дефлорации в текстах, которыми мы располагаем упоминается лишь походя, но первая брачная ночь находится под особым покровительством малых божеств: Субиг отдает женщину мужу, Югатин печется об их половой жизни (*iugum*).

Как ни забавно, столь сведущий врач, как Соран, не верит в существование девственной плевы — несомненно, потому, что никогда ее не видел. Заметим, что гинекологические осмотры осуществлялись при помо-

щи вагинального зеркала — известно несколько их экземпляров, в том числе в Неаполитанском музее. По тем или иным причинам жених мог предпочесть девственницу: например, Клавдия Эрина сообщает, что прожила с мужем, хлебопекком Марком Юнием Пудентом, тридцать пять лет после утраты детства, а *virginitate*)²⁸¹. Но бывало, что брали жену, уже беременную от другого, тем самым будучи уверены в появлении наследника. Известна история с Катонем Утическим, который отказал своему другу, оратору Гортензию, в руке дочери Порции, бывшей замужем за Бибулом (консулом 59 г. до н. э.), но уступил свою жену Марцию, плодовитостью которой тот пленился, а после его смерти взял ее обратно исполнившей долг богатой вдовой.

Отдал пенатам другим Катон ее плодовитость,
Чтобы два дома она материнскую кровью связала, —

пишет Лукан²⁸². Сенека, впрочем, полагает, что это уж чересчур²⁸³, но если сдача утробы внаем (*locatio ventris*) и не была правилом, как можно понять из Плутарха²⁸⁴, то не была и исключением; в императорских фамилиях было несколько подобных примеров.

Иное дело рабыня: тут проблема только в ее стоимости, так что требовалось уточнить, куплена ли она девственной (*virgo*) или уже женщиной (*iam mulier*)²⁸⁵. Но обман в делах такого рода считался как бы правомочным и не влек за собой расторжения сделки. Указывалось также, не беременна ли продаваемая — это считалось признаком доброго здоровья.

Что касается сексуального удовлетворения женщин, о нем говорилось прежде всего в связи с мифом о Тиресии. По версии Овидия²⁸⁶, Юпитер однажды сказал Юноне: «Ваш пол гораздо сильнее мужского ощущает удовольствие». Богиня не соглашалась. Они обратились к Тиресию, побывавшему и мужчиной, и женщиной, и тот подтвердил мнение Юпитера к великому негодованию Юноны, ослепившей прорицателя. Овидий выводит из этого, что в гетеросексуальном акте наслаждение делится лучше, чем в гомосексуальном, а потому любить лучше девушек, чем мальчиков. Так или

иначе, врачи полагали, что какое-то минимальное удовольствие необходимо женщине для зачатия. Но на деле ничего не было известно о том, какое влечение или отвращение может существовать между конкретными супругами, и, можно сказать, не было ни одного эротического совета, адресованного порядочным супругам. Руф говорит буквально, что «некоторые мужчины перед соитием протирают себе бельем место помазания, чтобы оно было совершенно чистым»²⁸⁷, а Орибаз, рассуждая, можно ли женщине отказываться от исполнения супружеского долга, выражает пожелание, чтобы ей в любом случае давали передышку между двумя беременностями, иначе она и себе испортит фигуру, и детей родит по своему подобию²⁸⁸.

Беременность

Обычно считалось, что строгое половое воздержание вредно для общего здоровья женщины; именно этим Апулей²⁸⁹ оправдывает свой брак с почтенной и целомудренной вдовой, которая не могла больше держаться. Но беременность, которая, с точки зрения медиков гиппократовой школы, была, так сказать, нормальным состоянием, в римскую эпоху в конце концов стала рассматриваться как своего рода продолжительная болезнь — необходимая, но неприятная, на всем своем протяжении связанная с разнообразными расстройствами, особенно пищеварительными: рвотой, отвращением к пище или «желанием есть пищу неподобающую: землю, уголь, виноградные усы, зеленые и кислые фрукты»²⁹⁰. Поэтому беременную женщину надо убедить следовать определенному режиму питания, употреблять мази, массаж — впрочем, врач может позволить применять и амулеты против выкидышей, если они сами по себе безопасны. Женщина должна поддерживать живот повязкой и, не оставаясь праздной, избегать всякой тяжелой работы; она может отказывать мужу, говоря, что половая связь опасно сотрясает плод. Но слишком щадить себя не следует: «Пусть хозяйки смотрят на служанок и женщины, ве-

душие праздную жизнь, на тех, что сами зарабатывают хлеб свой»²⁹¹.

Некая женщина из Геркуланума лет примерно двадцати пяти умерла незадолго до родов, хотя беременность переносила прекрасно. Она была совершенно здорова, ее скелет не сохранил никаких следов изнурительной работы, ждала она первого ребенка. Ее накрыла лава. В ржавчине (от булавки?) сохранилось несколько волос этой женщины, а в них неожиданно обнаружили гниду. Тогда скелет рассмотрели внимательнее и увидели на черепе маленькую впадинку — быть может, след расчесывания.

Многие считали беременность «непристойным бременем» (*indescens opus*) и думали, что она временно, а то и навсегда уничтожает красоту, изнуряет женское тело, портит цвет лица (если плод — девочка), оставляет морщины на лице и на животе. Овидию нравится гладкий живот, а той, у кого «легли на живот морщины Луцины», он советует «биться, как парфский стрелок, вспять обращая коня»²⁹². Впрочем, фантазии в таких делах позволялись только проституткам, что видно, например, на росписях недавно раскопанных пригородных терм в Помпеях.

Самопроизвольный выкидыш, в теоретическом плане прекрасно описанный в медицинской литературе, интересовал и юристов, ставивших вопрос, не является ли недееспособной по здоровью (*morbosa*) женщина, постоянно рожаящая мертвых детей²⁹³. Кальпурния, жена Плиния, будучи совсем юной (*puellariter*), не знала о своей беременности. «Эту ошибку искупила она тяжким уроком: она стояла на пороге смерти»²⁹⁴. Это произошло не по ее вине «а до некоторой степени по вине возраста»²⁹⁵. Словом, она поправилась, но больше беременна уже не была. Достоинно удивления, что супруг радовался меньше, чем можно было бы ожидать, хотя он в общем-то ни в чем не виноват.

Интересный случай технически верно описан Галеном (текст сохранился только в арабском переводе Унена)²⁹⁶: «У одной женщины на четвертом месяце беременности случилось кровотечение, потом потек густой зловонный гной, наконец, она выкинула. Каждый

день из нее выходило немного плаценты, потому что плацента внутри загнивала. Когда выход плаценты закончился, повитухи и все врачи, занимавшиеся этим случаем, кроме меня, решили, что очищение завершилось. Но я, пощупав пульс женщины, по его биению понял, что внутри нее осталось нечто, что должно быть выброшено. Я объяснил это самой женщине, ее мужу и всем, кто ею занимался, и настоял, чтобы ей помогли извергнуть оставшееся внутри. Через шестнадцать дней после первого выкидыша она выкинула еще один плод».

Но обычно другие женщины приписывали выкидыш (нередко кончавшийся смертельным исходом) разным несчастным случаям и чаще всего — жестокости мужа. Римские историки рассказывают²⁹⁷, что Помпея погибла вместе с нерожденным младенцем, потому что рассердила мужа — императора, который избил ее ногами. Тацит говорит об этом с большим сомнением²⁹⁸, и действительно, это ходячий сюжет, которому придавали чрезмерную важность, штамп, отражавший не столько реальность, сколько страхи, известные уже древнейшим восточным кодексам. Причиной беды считали и сильные переживания, как в случае с Юлией — дочерью Цезаря: будучи женой Помпея, она увидела мужа в окровавленных одеждах, испугалась, что случилось худшее, «и упала без чувств. Она была беременна, и из-за этого внезапного обморока, а также сильного горя выкинула»²⁹⁹. Невеликое дело, но велики были следствия: союз между Цезарем и Помпеем потерял реальную основу, и мир стал невозможен.

Разумеется, в интересном положении большое значение придавали и суевериям. Прежде всего пытались определить пол будущего ребенка. Если женщина сразу после предположительно плодотворного соития ела петушиные яички или жареную телятину с кирказоном, то родится мальчик. Затем хотелось узнать, что с тобой происходит на самом деле: например, Юлия, беременная от Тиберия, желала мальчика и проверяла, хорошо ли она его носит, наблюдая за куриным яйцом, которое всегда лежало на груди у нее самой или у ее кормилицы³⁰⁰. Многие женщины, страдая все больше

по мере приближения родов, для их облегчения носили амулеты — как правило, растения («вонючее дерево», дикий огурец, полынь, василек и др.) — прямо на теле или в ладанках, прикрепленных к поясу или к ноге. Врачи не возражали, но замечали, что будущая мать непременно должна себя хорошо чувствовать и по возможности ей не надо прекословить.

Беременная молилась Эгерии (вследствие плохого каламбура, который связывал это имя с глаголом *egerere* — вытаскивать), а чтобы плод не вышел ногами вперед — Постверте. Более же всего она молилась Юноне Луцине — дающей свет. Как сказал Овидий³⁰¹:

Так говорите: «Ты нам, Луцина, свет жизни открыла»,
Так умоляйте: «Ты нам муки родов облегчи».
А коль беременна ты, умоляй, волоса распутивши:
«Дай мне без боли родить плод мой, что я понесла».

Роды

Роды проходили в доме, в самой удаленной части, предназначенной для частной жизни семьи — в комнате, а точнее на постели, родимом ложе (*domus, cubiculum, lectus genialis*). Избранная комната могла быть той же самой, в которой обычно спала женщина, но с измененной обстановкой, или другой, специально приспособленной для этой цели. Если предполагалось, что роды не представят никаких особых проблем, принимать их поручали повивальной бабке. Она приходила в дом с помощницами, инструментами, подсобной мебелью — знаменитым акушерским креслом, на которое, подняв с постели, сажали роженицу. У такого кресла была высокая прямая спинка, подлокотники с ручками, чтобы женщина могла за них держаться и сиденье с отверстием, через которое акушерка могла достать рукой гениталии и принять младенца. Сама она, чисто вымытая, в большом фартуке, сидела на низком стульчике, чтобы не смущать пациентку своим взглядом; повитуха успокаивала ее разговорами, а помощницы (*ministrae*) поддерживали, чтобы та не сползла. Только из-за крайнего утомления

позволялось уложить родильницу для извлечения плода на ложе, но тогда для отдыха после родов полагалось приготовить другую постель. Разные травы давали в виде отваров, примочек, припарок или обкуривали ими комнату: одни помогали при родах нормального ребенка, другие при извлечении мертворожденного или отходе последа. Впрочем, некоторые средства рекомендовались только в народной медицине: ели волчатину, пили свиное молоко, жгли ослиное копыто или бычий навоз — это лишь часть рецептов, которые перечисляет Плиний Старший в XXVIII книге «Естественной истории»³⁰².

Если предполагалось, что родятся близнецы или случатся иные осложнения, вместо повитухи или вместе с ней приходил врач. Соран умел делать две особо сложные операции: извлечение плода за ножки и эмбриотомию — причем без анестезии. При первой операции, чтобы извлечь плод, его переворачивали в утробе. Вторая хирургическая операция заключалась в том, что, спасая жизнь матери, плод, который по тем или иным причинам не мог выйти на свет, *in utero* разрезали с помощью краниокласта (инструмента, дробившего череп) и эмбриотома (разрезавшего эмбрион), а затем щипцами вытаскивали по кускам. Эта техника была, по-видимому, хорошо известна, потому что скелет нерожденного младенца, извлеченный таким образом, был обнаружен в гробнице IV в. н. э. в далекой Англии. Заметим, что, вопреки тому, что обычно пишут в общих руководствах по акушерству, в античности не знали акушерских щипцов, а кесарево сечение применялось лишь после смерти матери, если вообще применялось.

Поэтому нас несколько не удивит, что роды считались опасным делом. Муж одной простой женщины из Салоны (Хорватия) по имени Кандида, бывший раб, как и она, поставил ей прекрасный памятник. Чтобы родить на свет дитя, она четыре дня переносила тяжчайшие муки, но ребенок не родился, а мать умерла³⁰³. Эти страхи жили даже на самой вершине социальной лестницы, где медицинское обслуживание женщин в принципе было лучше: жена Калигулы Юния Клавдил-

ла скончалась от родов³⁰⁴. Правда, в высших сферах жены путешествовали вместе с мужьями, причем далеко — не только в ближние провинции и на приятные курорты, а это теоретически увеличивало риск, хотя многие переносили такие дальние поездки очень хорошо³⁰⁵. В дальних землях, в сложных условиях у них рождались дети, но многие и умирали: Домиция Децидиана потеряла двух сыновей, один из которых родился и умер через несколько месяцев после того, как ее муж Агрикола стал наместником Британии.

Впрочем, нет правил без исключений: дети Агриппины и Германика — всего, кажется, девять — рождались, когда их матери было от семнадцати до тридцати лет в разных местах, по которым странствовал их отец. При них, конечно, были кормилицы (известна, например, Юлия Юкунда, вскормившая Друза и Друзиллу)³⁰⁶, а из-за этого к матери слишком скоро возвращалась способность к деторождению. Видимо, Агриппина переносила все это неплохо.

Рождение близнецов (кроме двойни, появление которой биологически оправдывали убеждением — впрочем, ошибочным, — будто матка двурога) считалось чудовищным³⁰⁷ и внушало страх. Обратимся к Артемидору: «Одной женщине приснилось, будто она видит на луне свое тройное отражение. Эта женщина родила трех девочек-близнецов. В тот же месяц они скончались. Отражения, таким образом, означали детей, а то, что они были заключены в один крут, означало, что дети содержались в одной зародышевой оболочке, как утверждают врачи. Прожили они только месяц, потому что и луна живет столько же³⁰⁸. Тот же автор сообщает³⁰⁹ об одной женщине, желавшей иметь детей. «Одной женщине, очень хотевшей иметь детей, приснилось, будто на поверхности моря плавают семь коек для рожениц. Эта женщина забеременела, но матерью так и не стала: семеро детей, которых она родила, скончались раньше, чем вышли из пеленок».

Если все кончалось благополучно, следовало возблагодарить Юнону или Диану. Диане из Неми приносили множество благодарственных табличек. В то же

время многие справляли и старые обряды, оберегавшие родильницу от недоброжелательности Сильвана, уже почти не понимая их смысла.

Аборт и контрацепция

Овидиева Коринна рисковала жизнью, когда делала аборт³¹⁰, а если верить Ювеналу (хотя сатирическим поэтам особенно верить не следует), в его время аборт был бичом общества. Бедным еще приходится мириться с рождением детей, но «на позолоченном ложе едва ль ты найдешь роженицу»: для женщин этих кругов

Слишком лекарства сильны и слишком высоко искусство
Той, что бесплодые дает и приводит к убийству во чреве
Женщин¹¹¹.

И это еще к лучшему:

Если бы вдруг захотела жена растянуть себе брюхо,

Мучась толчками младенца¹¹², —

Он вполне может оказаться эфиопом...

Римлянки, конечно, не знали известной врачам разницы между абортом и контрацепцией: контрацепция с помощью механических или лекарственных средств препятствует зачатию или прерывает беременность в первые же минуты; аборт удаляет уже зачатый зародыш. Избегать беременности с помощью счета дней было еще ненадежнее, чем сейчас, поскольку был неизвестен период цикла, благоприятный для зачатия. Тогда особенно удачными для оплодотворяющего соития считались дни, когда менструальное кровотечение стабилизируется или идет на убыль³¹³; мы же теперь знаем, что в принципе и статистически зачатие случается лишь в том случае, если половой акт имел место в течение шести дней перед овуляцией (древние же понятия не имели, что такое овуляция). Не знаем мы и того, кому из супругов принадлежала инициатива принимать меры против зачатия: можно лишь предполагать, что женщине, поскольку прерванное сношение, можно сказать, не засвидетельствовано; разве что, пожалуй, врач Руф Эфесский пишет о том, что «удержание семени в про-

должение самого акта очень вредно для почек и мочевого пузыря»³¹⁴.

Аборт до некоторой степени признавался общественной моралью: так, Плиний, ссылаясь на необходимость помочь людям, позволяет себе рассказать о магических свойствах фаланги — паука с двумя червячками внутри, «который женщины завертывают в кусок оленьей шкуры и до восхода солнца прикрепляют к волосам». Об этом надо рассказать, «потому что излишняя плодовитость некоторых женщин нуждается в таком снисхождении»³¹⁵. Врачи, осознавая опасность, старались ее избежать и прибегали к изгнанию плода, только если беременность угрожала жизни матери. Но бывали толки об абортах и в отсутствие доказательств. Юлия, дочь Тита, стала предметом роковой страсти ее дяди Домициана и забеременела от него. Он якобы велел ей избавиться от плода и свел ее в могилу в возрасте около двадцати пяти лет³¹⁶. Вольной или невольной была эта жертва преступной любви?

Решившись на такое дело, женщины применяли различные медикаменты, «женские травы» (траву Артемиды, девичью траву, траву для рожениц и др.) или же механические и хирургические средства, подчас крайне опасные. В Тонграх (Бельгия) обнаружили скелет беременной женщины, умершей в результате попытки избавиться от плода: сохранилась костяная иголка, которой прокалывали плодный пузырь. Известен и случай одной жительницы Британии (близ Норфолка), также хотевшей избавиться от ребенка: в ее скелете обнаружен маточный зонд, который мог служить и медицинским целям, но более вероятно, что и он использовался для умерщвления зародыша в утробе. Подсчитать число подобных случаев совершенно невозможно. Кончилось тем, что их запретили законом: Септимий Север и Каракалла постановили наказывать женщину, сделавшую аборт, изгнанием на определенный срок (принимая во внимание, что тем самым она лишила своего мужа ребенка)³¹⁷, а торговец, продавший снадобье для аборта, убившее женщину, карался смертью³¹⁸.

Менопауза

С менопаузой жизнь женщины в некотором роде кончалась: потеряв способность рожать детей, она больше не интересовала ни мужа, ни врача. Люди понимали, как им казалось, только одно: женское тело со временем высыхает и больше не нуждается в очищении от жидкостей — менструациях. К этому состоянию женщина клонится от сорока до пятидесяти, иногда несколько позже. Заботливый врач вроде Сорана старался при этом облегчить жизнь своей пациентки некоторыми гигиеническими мерами и упражнениями.

Часто к этому возрасту женщина давно уже теряла красоту, а если она, исполняя свой долг, регулярно рожала, этот неприятный процесс протекал еще скорее.

Волосы, поседев, уже не чаруют.

Ах, как легко, как легко морщины ложатся на кожу!¹¹⁹

Как выцветает у нас нежный румянец лица, —

и поэт, желая женщинам добра, дает им и вправду, быть может, добрый совет:

...Нам облегчения нет в непрерывных утратах

Рвите же розы, пока в прах не опали они!¹²⁰

Так или иначе все, вместе с Катуллом, говорили, что для истинной красоты недостаточно физического совершенства: нужно очарование, обворожительность, нечто, что поэт называет «крупинкой соли» (*mica salis*)³²¹.

Физическая активность и здоровье

Были профессиональные спортсменки, на которых, впрочем, смотрели косо; медики знали, что у них часто не бывает регул. Но в целом римские женщины классической эпохи почти не занимались спортом. Они, конечно, ходили в термы помыться и поплавать — либо в особо отведенные часы, либо в специальные женские заведения. Гимнастика рекомендовалась им не для за-

бавы, а для здоровья (особенно в ключевые моменты их детородной жизни) и была в основном пассивной: девушек и молодых женщин шевелили, но сами они не двигались. Их возили в повозках по дорогам и в лодках по воде, причем они так или иначе подвергались тряске. Более подвижные женщины гуляли пешком, осторожно играли в мяч и более азартно — в чехарду. В случайных прерываниях беременности очень часто винили резкие движения и падения. Редчайшими исключениями были Милония Цезония, любившая верховую езду и с удовольствием совершавшая прогулки с любовником-императором верхом на лошади³²², Агриппина, которая спаслась вплавь, когда сын в первый раз устроил на нее покушение, и Цинция, которой нравилось плавать в открытой воде. Долгое время считалось, что мозаики (поздние) из Пьяцца Армерина в Сицилии изображают девушек, занимающихся разными видами спорта в специальных костюмах, но скорее всего это танцовщицы, исполняющие спектакль в некоем мюзик-холле того времени.

Типичные женские болезни

Среди болезней существовали типично женские, которых особенно боялись не столько из-за их опасности, сколько из-за общественной репутации. Прежде всего это была постыдная, парадоксальная болезнь — женский сатириазис, крайнее напряжение гениталий, доходившее даже до своеобразной эрекции. Таким образом, женщина заболела мужской болезнью, напоминая сатира в состоянии сексуального возбуждения.

Бесплодие (часто сопровождавшееся истерией) — худшее, что может случиться с женщиной. Юристы, как мы видели, особо рассматривали случаи постоянных выкидышей. Они различали женское бесплодие от природы (*sterilis natura*) и бесплодие приобретенное, возникшее вследствие болезней детородных органов (*vitium vulvae* — смысл слова *vulva* здесь шире, чем просто влагалище)³²³. Если кто покупал бесплодную рабыню, зная о ее бесплодии, продавец не отвечал — она

считалась здоровой. Но если болезнь обнаруживалась позднее, рабыня здоровой не считалась и сделка могла быть расторгнута. Обсуждался также случай, когда девица оказывалась arta («тесной») — из-за узости влагляща не могла стать женщиной.

Что касается законного супружества, то, хотя было известно, что жена не всегда виновата в бездетности, что супруги, не имеющие детей друг от друга, могли иметь их, вступив в другие союзы, женщина всегда arigi признавалась виновной и, следовательно, могла быть разведена. Часто встречающиеся в храмах Италии и римской Галлии молитвы на каменных и терракотовых табличках свидетельствуют о желании иметь детей и о благодарности родителей, чьи мольбы исполнились. Врачи также старались общим и местным лечением исцелить бесплодие, вызвать менструации, если те случались нерегулярно, расслабить или выпрямить устье матки. Многие продолжали использовать гинекологическое окуривание: в матку вдувались ароматические пары или курения (кирказон, подорожник и т.п.), что помогало и от истерических рыданий.

Представление о самой истерии было основано на старой гиппократовой идее о блуждающей матке: она будто бы меняла положение внутри тела, привлекаясь благовонием и отталкиваясь зловонием, а также в зависимости от собственной сухости или увлажненности; останавливаясь в неподобающем месте, она вызывает истерику. Отказавшись от такой этиологии болезни, врачи не изменили методы лечения, так что наступила полная неразбериха.

Что касается женских «флюксий» — вагинальных или маточных истечений жидкости, — они часто не поддавались лечению. Вот почему Гален стяжал особую славу, добившись исцеления жены Боэта, когда все его коллеги зашли в тупик. «Она страдала так называемыми женскими истечениями. Сперва она, стыдясь обратиться к известным врачам, в число которых, как всем уже было ясно, входил и я, доверила себя своим обычным повитухам — лучшим в городе.

Поскольку все оставалось по-прежнему, Боэт собрал всех нас и стал советоваться, как поступить. Когда мы

согласились делать все по способу, предложенному Гиппократом и лучшими из его наследников, Боэт пожелал, чтобы я почаще встречался с женщинами, имевшими попечение о его супруге, изучил состав снадобий, предназначенных для различных частей тела, имея в виду общий план — высушить не только маточную область, но и все ее тело. А именно, между прочим, женские части следовало мазать вяжущими мазями, что я и сделал.

Но поскольку под действием этого лечения ее здоровье явно ухудшалось, мы, что вполне естественно, пришли в сильное замешательство; и хотя мы искали, к какому другому способу лечения перейти, никто и по размышлении не отыскал его, и опыт не подсказал никакого способа, более действенного, нежели тот, с которым согласились наилучшие медики.

Сверх того, на животе у больной явилось вздутие, точно такое, какое бывает у беременных. Некоторые из женщин, имевших о ней попечение, решили, что это и впрямь случилось благодаря беременности. Но из врачей, также наблюдавших за больной, никто не думал так. Ведь следы женских истечений, появлявшиеся каждый день, свидетельствовали против подобного вывода.

Служанка, отвечавшая за госпожу, весьма, как мы знали, толковая, делала ей все, что делают беременным, в том числе ежедневно мыла в бане. И вот однажды, когда больная была в первом банном помещении, ее схватила сильнейшая боль, какая обыкновенно бывает у рожениц, и излилась жидкость водянистого вида в таком количестве, что она, выбежав в предбанник, потеряла сознание.

Женщины сбежались с громкими воплями, но ни одна из них не стала ей растирать ни ноги, ни руки, ни подвздошье или, как иногда говорят, желудок. Случайно я как раз проходил мимо дверей бани, услышал крики и поспешил внутрь. Увидев, что больная в обмороке, я схватил мазь, сделанную из копытня, и натер ей желудок, а женщинам велел не стоять и не реветь попусту, а одним согреть ей руки, другим ноги, третьим давать ей нюхать сильно пахнущие вещества. Так мы вскоре привели ее в чувство.

Статуя Эвмахин
из Помпей.
Неаполь.

Спес с корзиной шерсти: надгробный рельеф. Анкона, Музей Марке.

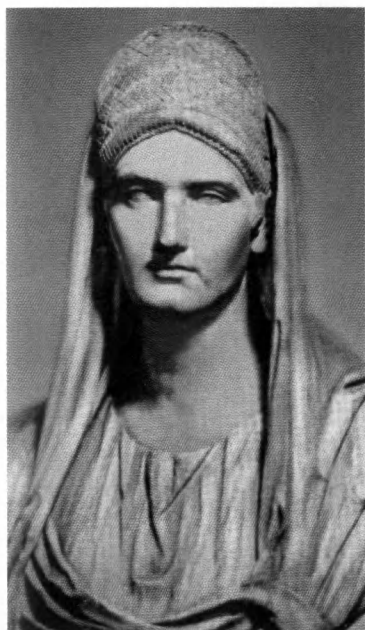
Женщина с кольцом: стела. Арлон, Люксембургский музей.

Признание ребенка: саркофаг из Рима. Париж, Лувр.

Магидия Старшая. 110-е гг. н. э.
Неаполь, Национальный музей.

Ливия в образе Цереры.
Рим, Капитолийские музеи.

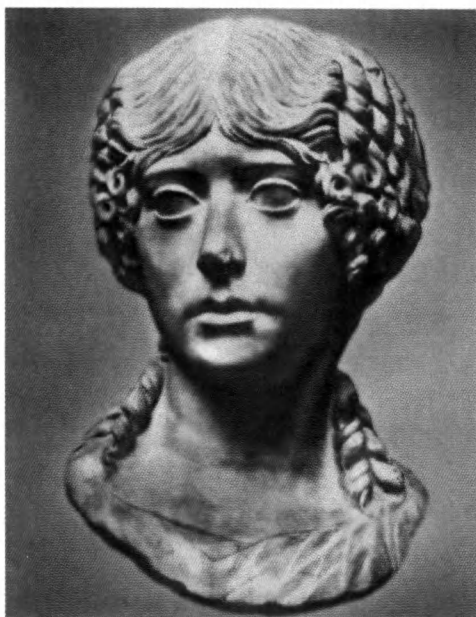

Надгробный
памятник кормилицы
Севериной.
Кёльн.

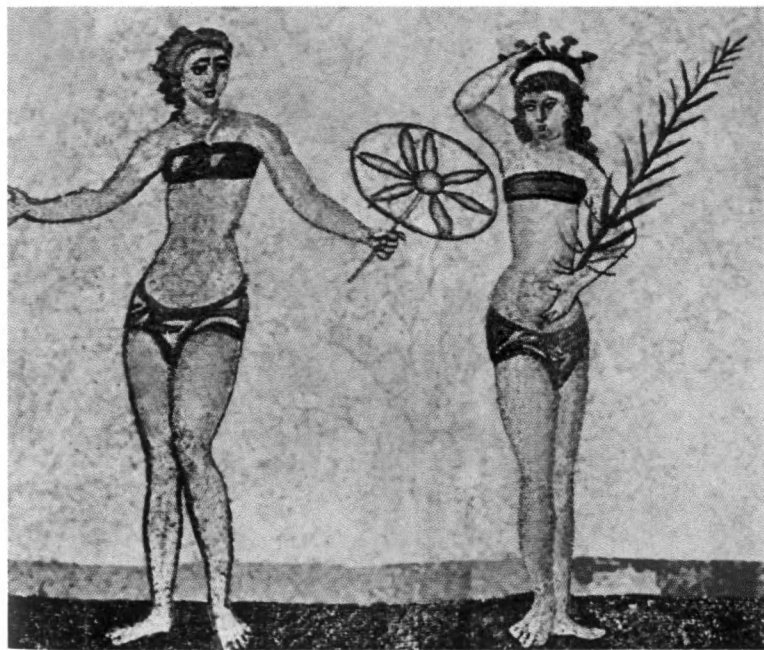
Керамическая
надгробная плита
Скрибонии Аттики.
Остия.

Портрет молодой женщины.
Сер. I в. н. э. Рим,
Национальный музей.

Гимнастки. Деталь мозаики пола виллы близ Пьяцца Америна, Сицилия. Ок. 350 г.

Женщина
за туалетом.
Надгробный рельеф
из Неймегена.
Трир, Рейнский
музей.

Девушка,
наливающая
благговония.
Роспись из дома
близ виллы
Фарнезина в Риме.
30—15 гг. до н. э.
Рим, Национальный
музей.

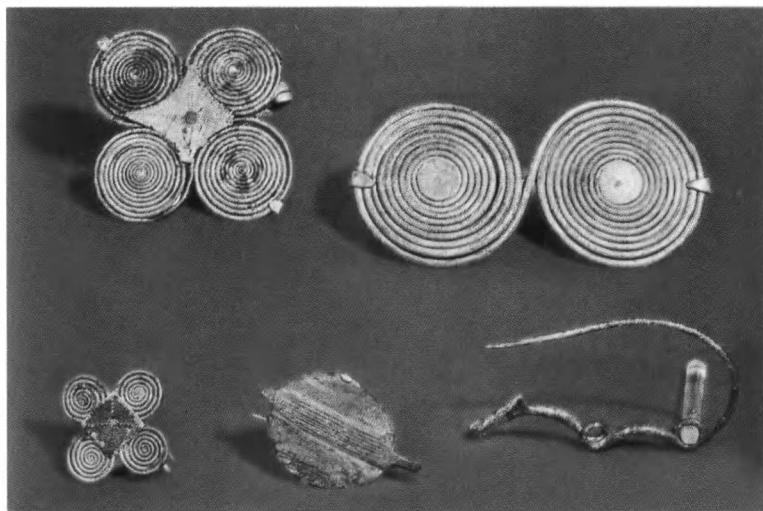

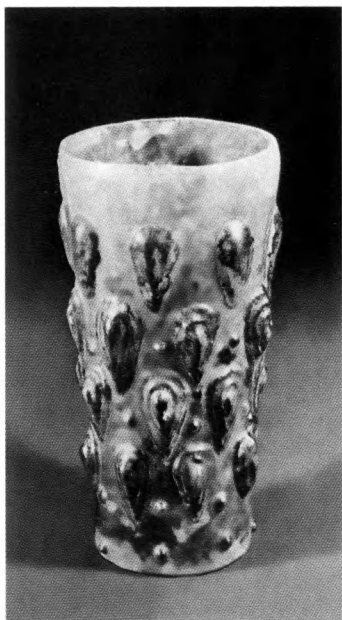
Флакон. 1-я пол. II в. н. э. Кёльн,
Римско-германский музей.

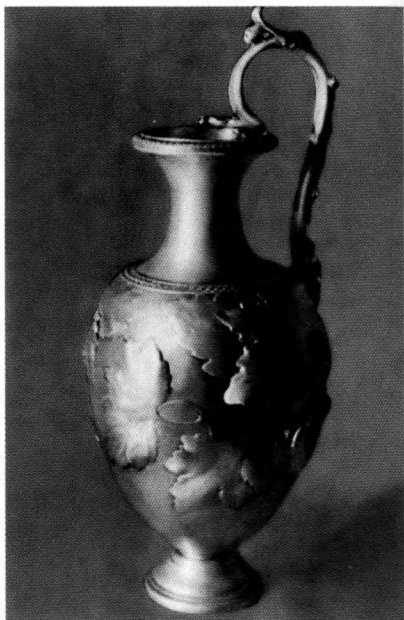
Зеркало из Десборо.
I в. н. э. Лондон, Британский музей.

Металлические пряжки и застежки для одежды. Помпеи.

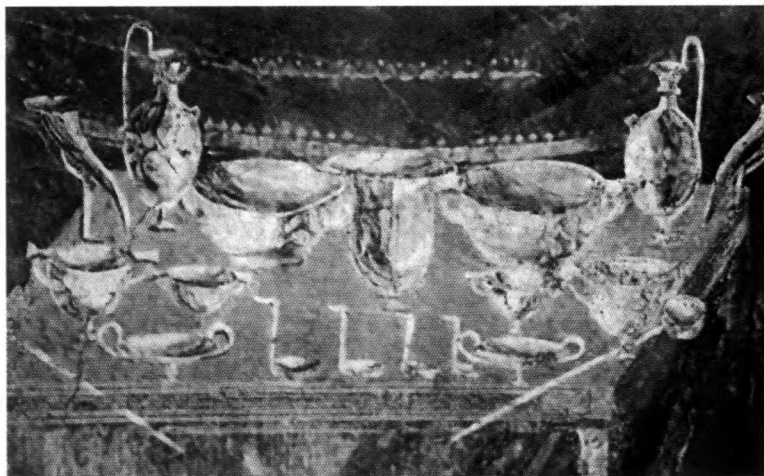

Стеклянный бокал.
Конец I в. н. э. Мурано,
Музей стекла.

Серебряный кувшин из Хильдесхаймского
клада. Конец I в. до н. э. Хильдесхайм,
Пелициус-музеум.

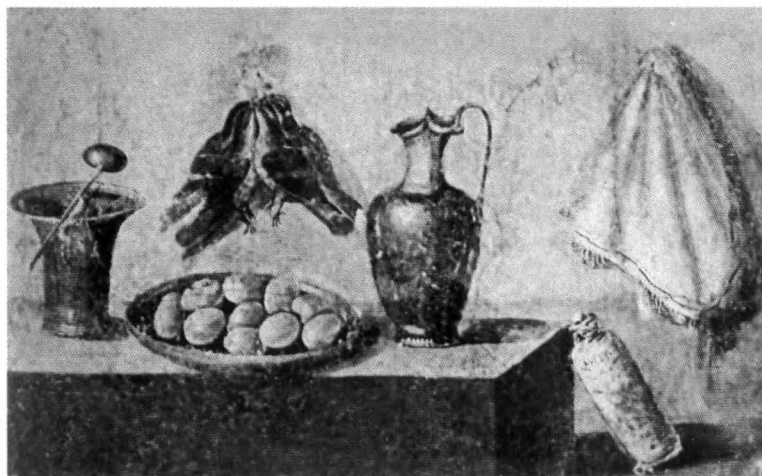
Натюрморт с серебряной посудой. Деталь росписи гробницы
Вестория Приска в Помпеях. 1-я пол. I в. н. э.

Семейный ужин Гая Юлия Матерна и Марии Марцеллины. Кёльн.

Натюрморт. Роспись из дома Юлии Феликс в Помпеях.
Сер. I в. н. э. Неаполь, Национальный музей.

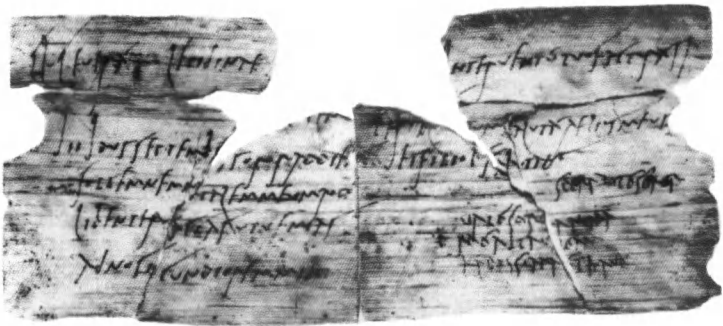
Семейная поездка: рельеф саркофага.
Рим, Национальный этнографический музей Пигорини.

Кукла Креперии Трифены.
Рим, Национальный музей.

Играющие дети: саркофаг из Италии.
Париж, Лувр.

Пригласительное письмо Клавдии Северы к Сульпиции Лепидине.
Честерхольм, Музей Виндоланды.

Школьница и учитель: рельеф. *Комо.*

Женщина, ведущая записи в мясной лавке: надгробный рельеф из Рима.
Рим, Музей римской цивилизации.

Торговка овощами: надгробный рельеф. *Остия.*

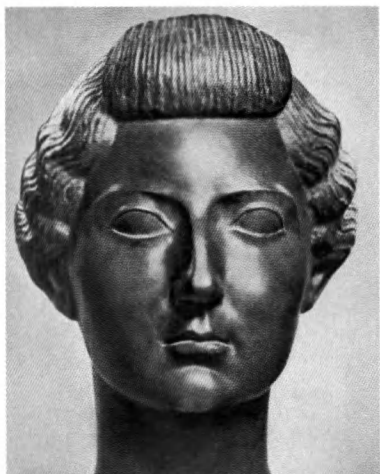

Портрет девушки.
Роспись дома
Либания в Помпеях.
1-я пол. 1 в. н. э. Неаполь,
Национальный музей.

Дом трагического поэта.
Помпеи. Реконструкция.

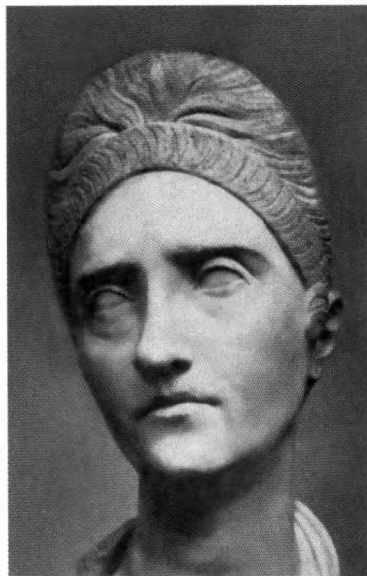
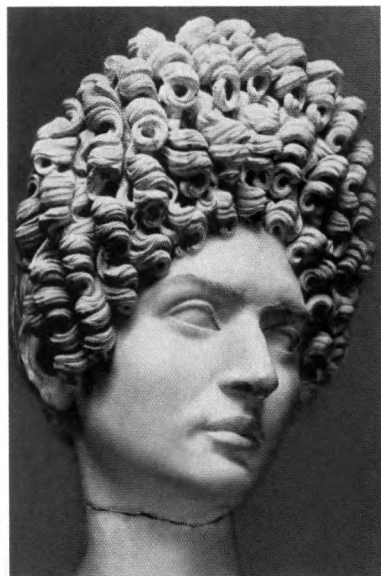

Октавия (или Ливия).
2-я пол. I в. до н. э. Париж, Лувр.

Портрет римлянки
(так называемая Сириянка).
160—170-е гг. н. э.
Санкт-Петербург, Эрмитаж.

Портрет римлянки из семьи
Флавиев. 80—90-е гг. н. э.
Рим, Капитолийский музей.

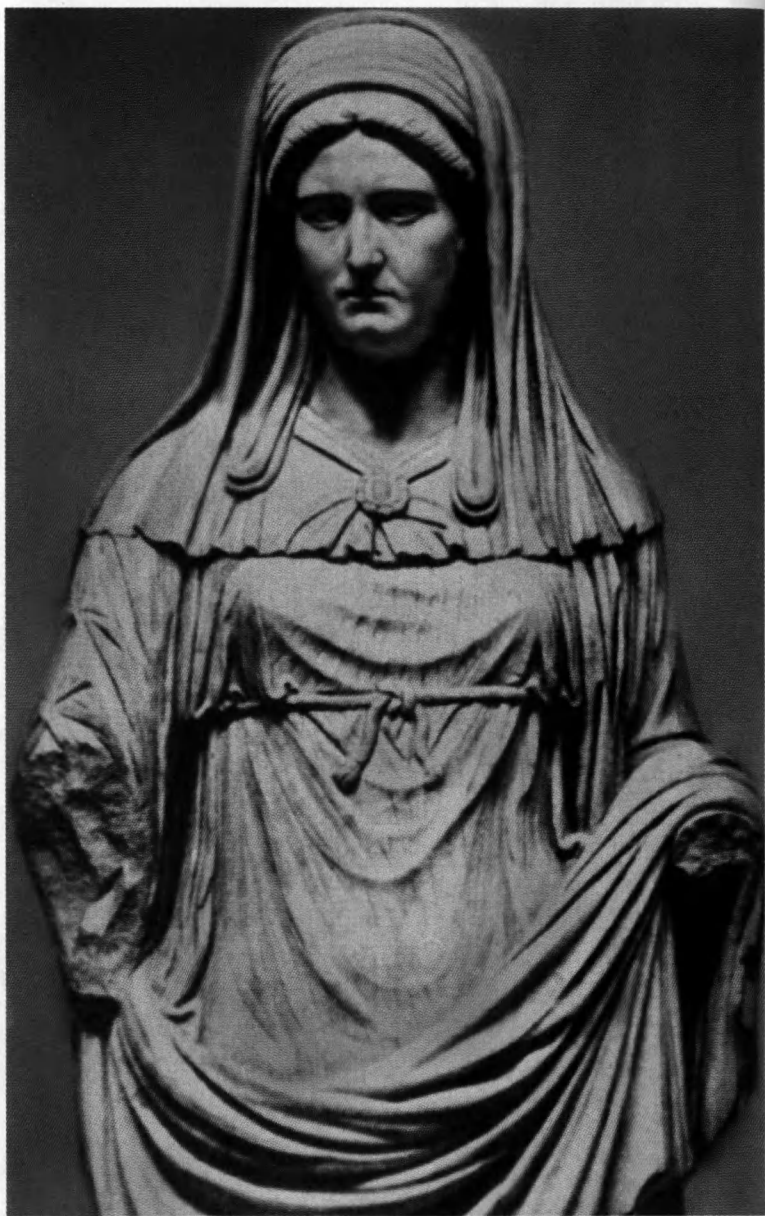
Плотина. 110-е гг. н. э.
Рим, Капитолийский музей.

Алтарь Меркурия со сценой жертвоприношения. *Кёльн.*

Пир весталок.
Фрагмент барельефа.
Рим, Новый музей.

Весталка. Статуя из дома на римском форуме.
II в. н. э. Рим, Национальный музей.

Повитуха очень обрадовалась, что по истечении жидкости живот опал — не потому, что ошиблась, думая, что больная должна вскоре родить, а потому, что, хорошо зная свое дело, могла упрекать нас, не доверявших нами же назначенному лечению.

Все мы думали, что делать, и никто не решался ни продолжать лечение больной прежним способом, ни избрать другой. Но однажды ночью, когда я размышлял об этом случае, мне пришла в голову такая мысль. В тот день, когда она, как я уже говорил, упала в обморок и я сказал столпившимся вокруг нее с воплями женщинам, что от них нет никакого толка, я, взяв мазь из копытня, растирал ей подвздошье и подреберье. И вот я вспомнил, что почувствовал в этой области такую дряблость подвздошных мышц, что, хотя сначала собирался делать довольно жесткий массаж, потом отказался от этого, чтобы у нее на теле от растирания не осталось кровоподтеков.

Приведу совершенно подходящее сравнение: вся область подреберья у нее напомнила мне молоко, сжимающее и превращающееся в творог, но еще не совершенно створожившееся.

Все мы решили воздействовать на излишек влаги, от которого она страдала, также влажными средствами, и искали метод лечения, который ее не только высушивал, но и согревал, чтобы не истощить ее тело, имевшее чересчур влажный темперамент. В частности, летом мы пытались достичь действия, противного ее природе, укладывая на горячий морской песок.

И, поразмыслив, что общая ошибка всех врачей, допускаемая для большей части болезней, в том, что они стараются вывести излишнюю влагу, но не заботятся о том, чтобы очищенный таким образом больной вновь не попал в прежнее положение, я решил, что общий принцип лечения должен быть таков: как можно меньше пить, растирать все тело и натираться мазями, составленными таким образом: не на смоле и камеди, но на меду и только на меду, который вначале долго варят, а потом остужают примерно до температуры родниковой воды летом.

Но еще лучше было, как я знал, выводить лишнюю жидкость через кожу и, кроме того, проводить ее через мочевой пузырь мочегонными средствами, а также пытаться направить ее вниз через подчревную область.

Этот способ я пробовал целую неделю после обильного истечения у больной. Между тем Боэт спросил всех нас вместе и каждого в отдельности, как мы собираемся лечить его жену. Тогда я отвел его в сторону, подалеже от слуг и друзей, собравшихся в доме, и наедине сказал ему такие слова: «Поскольку ты знаешь, что я еще никогда, ни единого раза не терпел неудачи в своих врачебных замыслах, сам сообрази, позволишь ли ты мне делать для исцеления твоей супруги то, что я сочту нужным, в течение десяти дней. Если после каждого из моих действий произойдет заметное улучшение, позволь мне заниматься ее здоровьем еще столько же времени. Если же улучшения не будет, я совершенно откажусь ее лечить».

Он тотчас согласился, и я принялся очищать ей подчревную область водогонными средствами, а также давал пить настой копытня и сельдерея.

После этого в продолжение первых двух дней лечения не было никаких следов истечений. Тогда на третий день я дал ей небольшую дозу другого средства, которое вывело то, что натекло в матку, в подчревную область, желая вывести эту жидкость не только через мочу, но и через брюшную полость. Затем я каждый день растирал ее медом и массировал тело сперва очень тонким полотном, а затем самыми суровыми тканями, а есть давал горную птицу и рыбу из-под скал. Через две недели такого лечения от болезни и следа не осталось, и Боэт, поняв, что я сделал больше, чем обещал, попросил меня завершить ее лечение и дать наставление на будущее, чтобы с женой его вновь не случилось того же.

По прошествии месяца, когда к ней совершенно вернулся здоровый цвет лица, восстановилось естественное состояние и не замечалось никаких истечений, Боэт прислал мне четыреста золотых монет»³²⁴.

Не забудем еще о беспредметных тревогах вследствие каких-нибудь ложных сведений или ипохондрии.

Так, возможно, было с одной египтянкой, искавшей слабительное. В одном из папирусов Оксиринха³²⁵ некая Ирина очень просит у работника Парамона две драхмы слабительного (речь, без сомнения, идет о твердом лекарстве, которое растворяли в вине, воде или молоке, желательного женском). Насколько мы знаем, у Ирины не было никаких медицинских познаний, но жалобы на пищеварение и стул в римскую эпоху встречались часто. Судя по всему, она страдала ипохондрией и навязчивой идеей запора.

Смерть

Многие женщины умирали от родов, но некоторые, избежав этой опасности, доживали до чрезвычайно преклонных лет: Теренция — вдова Цицерона — прожила сто три года, а актриса Лукция умерла на сцене ста лет от роду. Уммидия Квадратилла, сообщает Плиний³²⁶, «скончалась в возрасте немного меньше восьмидесяти лет: до последнего недомогания была она свежа и не в пример другим матронам крепка и плотна телом». Других же еще в молодости поражали роковые недуги, род которых на похоронных плитах не уточнялся: например, об Омидии Басилиссе, умершей двадцати пяти лет, сказано, что она покинула сей мир «вследствие продолжительных разнообразных болезней» (*post longas et varias infirmitates*)³²⁷.

Христианские надгробные надписи, где помимо возраста часто указывается и дата кончины, показывают, что в Риме пик смертности, независимо от пола, возраста и социального положения, приходился на конец лета и сентябрь. Вероятно, здесь совпадало действие двух бичей Города: туберкулеза и малярии, вызывавшей опаснейшую форму трехдневной лихорадки. Этот факт можно интерполировать и на весь интересующий нас период.

После смерти худшая из женщин становится для заказчика ее монумента доброй, целомудренной, драгоценной, нежной, совершенной, несравненной, достойной, скромной, необыкновенной, святой. Все эти

выражения — штампы, которые не стоит понимать буквально. При полном обследовании могильных надписей из Остии и Порта выявлено 406 несомненно женских захоронений. Примененные к ним прилагательные, в порядке убывания частотности, следующие: *dulcissima* — 107 (нежная); *carissima* — 70 (дражайшая); *incomparabilis* — 44 (несравненная); *pietissima* — 39, *piissima* — 27 и *pia* — 12 (благочестивая, добродетельная); *sanctissima* — 26 и *sancta* — 7 (святая, непорочная); *optima* — 19 (превосходная); *garissima* — 10 и *gara* — 1 (необыкновенная); *dignissima* — 5 (достойнейшая); *castissima* — 4 (целомудренная); *puclissima* — 3 (стыдливая, скромная); *amantissima* — 3 (любящая); *reverentissima* — 2 (досточтимая); *indulgentissima* — 1 (многомилостивая); *merentissima* — 1 (заслуженная); *religiosissima* — 1 (добросовестная).

Особенно оплакивали покойниц-подростков, уже просватанных, но не вышедших замуж, как Каллисту из Типасы в Мавритании, скончавшуюся шестнадцати лет и способную к замужеству (*nuptura*)³²⁸ или невесту Миницию Марцеллу, которой, как пишет Плиний Младший³²⁹, было двенадцать лет. Тот же автор упоминает двух сестер Гельвидий³³⁰, которые умерли от родов, оставив девочек-сироток. Часто упоминают такое трогательное перечисление подробностей: малыш Бластионий умер шести лет, девяти месяцев, четырнадцати дней и одного часа от рождения; он потерял мать в возрасте года и двадцати дней, а самой матери тогда было двадцать лет, тридцать дней и десять часов³³¹.

Покойницу, как и покойника, обряжали в последний путь и в самом лучшем уборе выставляли для прощания, окруженную плакальщицами. Затем ее несли на костер, а потом в последний приют у городской ограды (исключение было привилегией весталок). Тело несли в гробу (*sandapila*) на простых носилках (*feretrum*) без украшений, с четырьмя носильщиками, а желательно — в паланкине (*lectica*) того же типа, что употреблялся для дальних и ближних поездок в этой жизни. Он был гораздо тяжелее и требовал восьми носильщиков. Подобная торжественная сцена изображена на барельефе из Амитерна, хранящемся в Л'Акуиле, в Аbruцц-

ском национальном музее, относящемся к концу Республики или началу Августовой эры. За покойницей следуют многочисленные музыканты: четыре флейтиста (*tibicines*), два горниста (*cornicines*) и один трубач (*liticen*), а плакальщицы с распущенными волосами бьют себя в грудь. После погребения или кремации — распространенность того и другого варьируется в зависимости от времени и социального слоя — следовало очистить присутствующих, справить по обряду тризну с установленными по обычаю блюдами, на девятый день принести жертву Манам, а впредь не забывать о годовщине смерти.

Монумент, под которым лежали останки покойной, мог быть родовым — существовать много поколений, — устроен специально для малой семьи, воздвигнут заблаговременно самой усопшей или, наконец, после смерти скорбящими родичами и друзьями, застигнутыми врасплох.

Так, близ Тарента долго можно было видеть гробницу двух любящих — Марка Плавция и Орестиллы. Она следовала за мужем, который командовал флотом, но в Таренте «заболела и умерла. Похоронная процессия принесла ее и возложила на костер. Приступив к церемонии возжигания благовоний и прощального поцелуя, Плавций вынул меч и бросился на него. Друзья положили его, как он был, в тоге и башмаках, рядом с женой и, забросав факелами, сожгли обоих. Там же для них построили и гробницу»³³². Безутешный Цицерон после смерти Туллии долго искал для дочери достойное место: в римском саду положить ее или за городом? Рассматривали разные варианты, по одному из которых оратор должен был перещеголять Цезаря. В конце концов он выбрал одно из загородных поместий, куда часто приезжал. Там он и устроил дочери «памятное место» — именно таков точный смысл латинского *monumentum*.

ДЕНЬ И ГОД

Календарь. В интересующую нас эпоху гражданские сутки юридически начинались в полночь³³³. На практике же часто считали, что день начинается на восходе солнца — с этого момента и начинался отсчет часов. В сутках было 24 часа (12 дневных и 12 ночных), но их продолжительность была не одинаковой. Хотя римляне были знакомы с приборами, измерявшими время (у вольноотпущенника Тримальхиона, считавшего себя человеком изысканного образа жизни, были водяные часы), их восприятие времени отличалось от нашего. Продолжительность часа зависела от светового дня, так что летом длиннее были дневные часы, а зимой — ночные.

Месяц делили на три части три опорных дня: календы (первый день месяца), ноны (пятый или седьмой) и иды (тринадцатый или пятнадцатый). Дата обозначалась названием одного из этих дней или через обратный отсчет от них, причем сами они включались в счет. Например, 14 марта называлось кануном мартовских ид, 2 мая — шестым днем до майских нон, 30 мая — третьим днем до июньских календ. Существовали дни, когда работа запрещалась — «праздничные» или «освященные»; они посвящались богам, а для людей считались в некотором роде неблагоприятными; запреты на ту или иную деятельность были весьма разнообразны,

так что на деле полностью рабочими были только 232 дня, а позднее (после Юлия Цезаря) — 243. Кроме того, по традиции не работали по нундинам — каждый восьмой (включительно, то есть фактически каждый девятый) день месяца; он отводился для покупок и дружеских визитов.

До 46 г. до н. э. в году, согласно республиканскому календарю, введенному Нумой, было 355 дней. Год делился на 12 лунных месяцев, в которых было 28, 29 или 31 день. Поэтому для согласования с солнечным годом из 365 дней необходимо было каждые два года вставлять дополнительный двадцатидневный месяц — это входило в обязанности верховного понтифика. На деле видно, что в иные времена эти вставки проводились весьма нерегулярно, так что гражданский и религиозный год очень сильно расходился со сменой времен года. До 153 г. до н. э. год начинался в марте, чем и объясняется дошедшая до нас нумерация месяцев: сентябрь (september) тогда действительно был седьмым (septem) месяцем. В 46 г. до н.э. Цезарь, будучи диктатором и великим понтификом, чтобы догнать солнце, продлил год на 90 дней, а с 45 г. до н. э. ввел так называемый «юлианский» календарь из 365 дней — 12 месяцев, включавших 28, 30 или 31 день с «биссекстинами» (в греческой огласовке «високос») — днем, вставлявшимся каждые четыре года.

Все люди тогда обращали большое внимание на небесные явления — например затмения; по этим поводам приносили моления, хотя уже могли объяснить их и научно. Лунное затмение накануне битвы при Пидне (3 сентября, а в действительности 21 июня 168 г. до н. э.) или солнечное затмение на другой день после убийства Агриппины (30 апреля 59 г. н. э.) явно не считались случайными совпадениями.

Утро и туалет

Итак, начнем наш день вместе с римской матроной. Чаще всего она спала в одной комнате с мужем, но хо-рошим тоном считалось иметь отдельную спальню, как

молоденькая жена Плиния Младшего Кальпурния — впрочем, тут скорее для его удобства. В спальне (*cubicula*³³⁴) почти не было мебели: кровать (часто в алькове) с подножием, иногда сундук, стул и ночной горшок. Матрона, как и ее муж, спала в нижнем белье: набедренной повязке (*subligare*), нагрудной повязке или лифчике, рубашке. Вместе со всем городом она поднималась на рассвете, чтобы не терять светлого времени — к тому же при шуме на улице и в самом доме, где его поднимали убиравшиеся и выпекавшие хлеб рабы, спать было очень трудно. Но в богатых домах хозяйка все реже и реже сама наблюдала за этими работами, а только отдавала распоряжения — как в Риме, так и в деревне.

Дама быстро съедала легкий завтрак и до послеполуденной бани в термах или собственной купальне (*lavatio*) занималась продолжительным туалетом, пользуясь горшочками (*matella*) и зеркалами (*specula*). Она чистила зубы, чтобы сделать их белыми и крепкими, а также освежить дыхание — собственно, натирала их различными, подчас агрессивными веществами; делать это на людях не рекомендовалось. Если не было другого выхода, она вставляла искусственную челюсть, как Лекания, над которой смеялся Марциал: ведь над старухой с желтыми шатающимися зубами смеялись все. Зубной боли боялись и мужчины, и женщины; для борьбы с ней было множество средств. В некоторые из них входила белая или черная белена; содержащиеся в ней алкалоиды — гиоскамин и гиосцин — действительно обладали анальгетическими свойствами. Жевали корни белены, вымоченные в уксусе, полоскали рот теплым настоем ее побегов, вдыхали дым от обжаренных зерен, поливали больной зуб теплым соком, клали в рот мешочек с корнями или семенами и т. п.

Прическа — целое дело. Ее нельзя было сделать без помощницы (*ornatrix*)³³⁵ — парикмахерши, выросшей в семействе или обученной у мастера (*apud magistrum*), живущей в доме как рабыня или приходящей из цирюльни. Прическа должна следовать моде, а моды сменялись очень быстро. Часто прически были чрезвычайно сложными, требовали больших усилий и порождали между красавицей и ее мучительницей осо-

бые садомазохистские отношения — поживу для сатирических поэтов. У Марциала Лалага, недовольная тем, как уложены ее кудри, убивает девочку-цирюльницу³³⁶.

Иногда женщина желала окрасить волосы: кому-то могла прийти в голову безумная мысль перекрасить себя в британку, но бельгийский, батавский и германский цвет волос (светлый, более или менее рыжеватый) был позором для римлянки: она могла от этого заболеть, как Цинция³³⁷. Гален, когда к нему обращались в таких случаях, бывал весьма недоволен, потому что многие краски были по-настоящему вредны, и к тому же это было, собственно, не дело врача. Но он уступал, если клиентка убеждала его, что хочет высветлить волосы ради престижа супруга, помогая ему продвигаться по службе. Чаще же всего волосы просто завивали щипцами, причем нередко пережигали.

Настоящие волосы мог заменять или дополнять парик, часто из натуральных волос³³⁸. Накладные волосы крепили булавками, иногда очень искусными, как, например, хранящаяся в Коммунальном музее древностей в Риме с головкой в виде женщины с изысканной прической. Иногда *ornatrix*, одна или вместе с массажисткой (*unctrix*), дома или в цирюльне делала даме эпиляцию, массаж, уход за кожей и макияж.

Приличный внешний вид был гражданским долгом как для мужчин, так и для женщин, но означало это не одно и то же. Мужчина должен был умываться, соблюдать чистоту, причесываться, стричь или брить, смотря по моде времени, бороду и не пахнуть дурно; он носил одежду, указывавшую на его положение и возраст. Женщине этого было мало: она хотела быть красивой и обворожительной. Поэтому ей нужны были косметические средства — «медикаменты для лица» (*medicamina faciei*), как их называет Овидий в своей эротической поэме.

Прежде всего она накладывала маску из хлебного мякиша, помады, яиц, потом умывалась чистой водой. Затем она делала лицо белым и розовым — белым, как молоко, как лилия, как цвет боярышника, как лебедь, как снег, как слоновая кость или серебро, но никак не бледным — бледность указывала на болезнь и прежде

всего болезнь от любви; розовым, как цветок шиповника, но не кирпичным или алым — это считалось мужиковатым. Если подобные прелести не были даны женщине от природы, их должна была создать цирюльница при помощи роскошных или относительно дешевых баночек и скляночек, купленных матроной или подаренных ее поклонниками. Еще на заре римской истории, в VI в. до н. э., друг подарил некоей красавице сосуд для румян с тремя чашечками, на котором прежде обжиг выцарапал любовную надпись из трех строчек (CIL, I², 4). Основой всему служили свинцовые белила, но кроме того применяли мел, толченый рог, белые бычьи бабки, костный мозг животных, нарциссовые луковицы, ячмень, пемзу для зубов, румяна и губную помаду (их называли *fucus*, *purpurisium* или *minium*), тушь для глаз. После бани приходилось начинать все заново, тщательно следя при этом, чтобы мужские глаза не увидели неаппетитных приготовлений, когда винный осадок смешивают с овечьим жиром или козьим костным мозгом.

Ценились духи — экзотические и местного приготовления, особенно из Кампании. В Геркулесовом саду в Помпеях³³⁹ цветы для венков и для парфюмерии разводили на продажу на хорошо политых клумбах, разделенных канавками с водой. Под пеплом сохранились пыльца, остатки корней, глиняные горшки с четырьмя отверстиями для молодых ростков, садовые инструменты, амфоры и бочки, осколки стеклянных флакончиков для духов и черепки глиняных баночек для кремов. В саду росли большая тенистая олива, лимоны, вишни, папоротники, дикий виноград, а из цветов — анютины глазки, розы, туберозы, жимолость, лилии, крокусы, ирисы, нарциссы, гвоздики и другие. Садовник вовсе не давал цветов в кредит или давал до завтра; он так и выложил мозаикой на пороге дома: *cras cedo*. Один из папирусов Оксиринха в Египте (XLVI, 3313) содержит запись о большой оптовой закупке цветов для украшения дома по случаю свадьбы: Дионисия желала купить для сына две тысячи нарциссов и столько же роз, поставщик мог послать ей всего тысячу розовых бутонов, но, если она пожелает, четыре тысячи нарциссов.

Платья и украшения

Оставалось одеться и надеть украшения. За гардероб отвечала особая горничная — *vestiplica* или *vestipica*³⁴⁰. Поверх ночной рубашки матрона надевала длинное верхнее платье (стола), обычно с расшитым подолом; ее подвязывали поясом. Это была не просто одежда, а знак общественного положения — эквивалент мужской тоги³⁴¹. Быть одетой дома, как девица в Субуре³⁴², считалось очень дурным тоном. Если же матроне надо было выйти из дома, она накидывала еще шаль или плащ. Эти одежды были яркими, делались из дорогих тканей, очень тонкого сукна, шелка, полотна, в том числе муслина-паутинки, как вуаль из Тарента. Красили их особые мастера, и работа красильщиков (*tinctoros*) считалась такой тонкой, что они носили разные названия в зависимости от специализации — тканей, с которыми работали, и цветов, в которые умели красить. Крокотарии красили ткань в шафранно-желтый цвет, фламмарии — в огненно-красный, пурпурарии — в пурпурный, виоларии — в фиолетовый. Часто эти ослепительные ткани расшивались блестящими вышивками. При этом, поскольку совершенных фигур не бывает, надо было уметь скрыть свои недостатки. Овидий весело разоблачает эти уловки, которые ему открывали богатый опыт и зоркий глаз.

Несмотря на законы против роскоши, многократно принимавшиеся, начиная с 215 г. до н. э. (закон Оппия), и тщетно пытавшиеся ограничить расходы, чем богаче была женщина, тем больше на ней было украшений³⁴³: диадемы, ожерелья, часто с подвесками, медальоны, браслеты, кольца, разнообразные украшения на ногах. Украшения из золота, серебра, бронзы, драгоценных камней, бисера, жемчуга (надзор за жемчугом иногда поручался специальной служанке)³⁴⁴... Теперь оставалось только, чтобы на женщину посмотрели, но прежде всего — ей самой надлежало посмотреть на себя.

И действительно, каков бы ни был социальный статус женщины: простолюдинка, проститутка, матрона, — одним из символов женственности было зеркало. При раскопках их найдено очень много; кроме того, их

изображения встречаются на шкатулках, различных предметах роскоши, на надгробных памятниках. Один из самых прелестных примеров происходит из Белгии и относится к III в.: молодая матрона восседает, как на престоле, в красивом плетеном кресле, поставив ноги на скамеечку; она, так сказать, предана в руки служанок: одна заплетает ей волосы, другая прыскает духами, третья держит зеркало, позади стоит четвертая с большим кувшином. Благодаря этим занятиям, которые многие философы считали пустыми и даже опасными для общественного порядка, все они вошли в вечность.

Другой надгробный барельеф, из Пизы, труднее поддается истолкованию. Его поставил каменщик Публий Феррарий Гермес своему сыну Феррарию Поркулу и двум своим покойным супругам: Цецинии Дигне и Нумерии Максимилле. Под надписью — две серии изображений: с одной стороны, орудия труда заказчика — линейка, отвес, угольник и тесло, с другой стороны вокруг зеркала разложены булавка для волос, гребешок, флакон духов, щипцы для завивки и пара сандалий. Что это — очередное свидетельство о легкомыслии женщин, которые думают только о нарядах? Думаем, что нет. Учитывая контекст и социальное положение вдовца, мы полагаем, что это скорее товары, которыми торговали его жены в модной лавке.

Женщина и ее друзья

Сидя дома, женщина любила забавляться с домашними животными. У Лесбии (существовала ли она в действительности — вопрос спорный) был воробушек, услада своей хозяйки, которая целый день держала его на груди, но вот милая птичка умерла³⁴⁵... Умерла и птичка Коринны — попугай, привезенный из Индии, прекрасно подражавший человеческому голосу; хозяйка похоронила его и написала на могиле:

Сколь я был дорог моей госпоже — по надгробию видно.
Речью владел я людской, что недоступно для птиц³⁴⁶.

Другие женщины умилялись горлинкам и сорокам. Но прелестный любимец мог стать опасен: некая женщина, сообщает врач Целий Аврелиан, заболела чумой, когда щенок слегка поцарапал ей лицо³⁴⁷. Бывали и совсем не прелестные любимцы: Антония, жена Друза, так обожала свою мурену, что чуть не отдала ей сережки!

Иные держали при себе от скуки девочек с роскошными волосами, некоторым удовольствие (*delicia, deliciae*) доставляли карлики и уродцы. Матроне доставляло огромное удовольствие показывать свои живые чудеса или собрание произведений искусства гостям — взрослым детям и подругам. Говоря с подругами, она любила что-нибудь погрызть — например жареные семечки, хотя они и вредили пищеварению³⁴⁸. Такие визиты она принимала в собственной комнате, которая называлась, как и спальня, *cubiculum*. Здесь можно было ненадолго отложить социальный декорум, столь могущественный во всей римской жизни; поэтому и сами комнаты отличались от предназначенных для официального существования вроде большой залы при входе, называвшейся атрием. Гости могли сидеть и в прохладном саду, который бывал больше и меньше, ухоженным и запущенным, но всегда оставался мил и римлянам, и римлянкам.

Днем и ночью, дома, в театре, в путешествии женщина определенного положения писала и получала письма — от маленьких записочек до целых диссертаций; мы знаем их почти исключительно по другим источникам, по мужским посланиям и ответам на женские письма: самих таких писем сохранились единицы. Слова любви таили угрозу для репутации женщины — но и ее партнера также. Из-за записки, которую Сервилия передала Цезарю прямо в заседании сената, судившего участников заговора 63 г., тот чуть не был заподозрен Катонем в пособничестве Катилине. Цезарю, чтобы оправдаться, пришлось показать Катону послание, и тот узнал о его связи со своей сводной сестрой³⁴⁹. Но при всей опасности таких записок, они волновали влюбленных, и Овидий³⁵⁰ без колебаний советует женщине иметь стиль изящный, не слишком сложный, который может воспламенить робеющего ухажера

(*dubius amator*). Встает вопрос, были ли стихи Сульпиции чем-то подобным или настоящими учеными стихотворениями; все современные исследования склоняют ко второму выводу, хотя там был чрезвычайно силен и эмоциональный заряд.

Что касается семейных и деловых писем, они считались вполне позволительными, и если переписка Корнелии — матери Гракхов — не вполне достоверна, то хорошо известно о несохранившихся письмах Теренции к Цицерону, по крайней мере во время его изгнания 58—57, наместничества 51—50 и гражданской войны 49—48 гг. до н. э.; в них шла речь и о денежных вопросах, и о политических новостях, и о семейных, в них жена подбадривала мужа. Хороший тон требовал для таких писем хорошего стиля, не вредила и малая толика греческого. И все-таки женщине не следовало уподобляться мужчине!

Развлечения взрослого возраста

Небольшие приятные дарования женщине шли, но в меру: порядочной даме не подобало слишком хорошо танцевать, петь, играть на музыкальных инструментах. Если она занималась поэзией, то исключительно для приятного времяпровождения; Саллюстию³⁵¹ не нравилось, когда одна дама «играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине», другие осуждали песенки, какие поют в Египте на берегах Нила (*catmina nilotica*), а Стаций одобрял свою падчерицу, которая плясала, играла на лире и пела — но только его стихи. Она не нашла себе мужа³⁵²; возможно, ей попадались только такие семьи, где все еще полагали, что подобные способности не следует поощрять: они ведут либо к профессионализму синего чулка, либо к половой распущенности: так можно спутать матрону, женщину легкого поведения, проститутку и профессиональную артистку.

Иконография женщин-музыкантш довольно богата, но недостаточно ясна. На саркофаге Луция Атилия Артемата и Клавдии Апфии женщина играет на тамбури-

не (*tympanum*) — ударном инструменте в виде деревянного или бронзового обруча, обтянутого кожей, — перед почти обнаженным мужчиной с погремушкой из змеиного хвоста. При этом на церемониях в честь Кибелы и Аттиса на тамбуринах играли в основном женщины — это был атрибут богини. Другой пример: на барельефе в нише надгробного павильона, хранящегося в музее Бардо в Тунисе, изображена стоящая женщина, а возле нее пандура — трехструнная лютня с овальным корпусом. На этом инструменте играли также почти исключительно женщины — сидя, поставив лютню вертикально на колени.

Вне дома

Если женщина выходит из дома: к подругам, в термы, в театр или за покупками, — хороший тон требует, чтобы с ней была служанка (*pedisequa*). Это не мешало флирту — например, в театре или амфитеатре под предлогом обмена программами или разговора о зрелище.

Дама могла ехать в портшезе (*sella*) или крытых носилках (*lectica*). Когда же она шла пешком, то без колебаний надевала обувь на очень высоких подошвах, если находила свой рост слишком маленьким: красавицы и поэты были согласны, что «заёмная красота» (*cultu mercato*) лучше никакой. Без головного убора не ходили — надевали, больше для красоты, чем по необходимости, платок или сетку для волос. Больше пользы было от салфетки (*тарра*), которой в Городе, чрезвычайно загрязненном (хотя понятия «загрязнение среды» тогда не было), вытирали пот и пыль. С помощью веера женщина спасалась от духоты, а главное — прогоняла мух и прочих насекомых. Постоянная служанка или ухажер несли над ней зонтик. Сенека Старший был убежден, что поведение на улице указывает на образ жизни вообще, но сколько он ни советовал матронам ходить с опущенными глазами, чтобы лучше показаться невежливой по отношению к тому, кто с ней поздоровается, чем бесстыдной³⁵³, его мало кто слушал..

По дороге непременно останавливались ради какого-нибудь соблазна, а их было много: кому хотелось перекусить, та покупала жареную колбаску, порцию отварной или жареной чечевицы; любительница диковин во все глаза дивилась на заклинателя змей или чужеземных музыкантов; кроме того, на улицах встречалось множество танцоров, акробатов, глотателей ножей и прочих фокусников, лоточников и разносчиков, а также менял и разных нищих — настоящих и ловких симулянтов; все они, чтобы привлечь к себе внимание, громко кричали. Иные женщины позволяли назвать себя сомнительные лавчонки посмотреть какие-нибудь древности или редкости. Словом, время шло быстро.

Бани в Риме были местом всевозможных свиданий. В разных местах и в разное время они бывали общими для мужчин и женщин или раздельными, иногда для каждого пола устанавливались свои часы. В числе многих примеров известно стихотворение из Лиона, в котором муж, оплакивая восемнадцатилетнюю жену, советует читателям ходить в Аполлоновы бани, куда он сам ходил с покойной и хотел бы ходить еще³⁵⁴. Надпись, найденная в Транстевере, напоминает женщинам, что им запрещен вход в мужскую баню³⁵⁵.

Эти заведения для расслабления тела и души³⁵⁶ были также местом красоты и эротики. Их бичевали моралисты, и всякий должен был хоть немного остерегаться недоброй «зависти» (*invidia*) к чужому удовольствию. К примеру, в так называемых «термах завистников» в Остии гротескный карлик показывает *inbidiosos* (так!) неприличный жест. Термы в Байях считались в этом смысле самыми опасными, но и самыми прелестными, так что иногда все термы называли «байями» как именем нарицательным.

На зрелища женщины иногда ходили потому, что им действительно хотелось на них посмотреть, но чаще затем, чтобы ею самой полюбовались, а то, пожалуй, и «подцепили». Бывало, что туда влекла бурная страсть к какому-нибудь вознице, атлету или паяцу. Овидий, который больше любил возбуждение от любовного преследования, хорошо понимал, что движет женщиной: «других посмотреть и себя показать»³⁵⁷. Он очень реко-

мендует волокитам театральные трибуны: там может приключиться минутное развлечение, мимолетная победа, а может родиться длительная связь. Цирк удобен тем, что там все сидят попеременно, но он вульгарнее³⁵⁸.

У некоторых женщин флирт с актерами и тому подобными людьми заходил очень далеко. У Домиции Лонгины, жены Домициана, был роман с мимом по имени Парис³⁵⁹. Это был очень распространенный сценический псевдоним, не позволяющий точно установить, о ком идет речь. Гален рассказывает, как он раскрыл секрет жены Юста, влюбившейся в танцовщика Пилада так, что от пожиравшей ее страсти она казалась больной. Гален беззастенчиво расспрашивал ее, не обиделся, когда сперва она просто повернулась к нему спиной, затем, чтобы не разговаривать с врачом, закрывала лицо покрывалами, накрывалась с головой, как будто хочет спать. Но Гален день за днем приходил к ней, а когда догадался о правде, подстроил ей ловушку: попросил, чтобы при ней говорили о модных танцорах. Когда назвали Пилада, пульс бешено забился, когда прозвучало другое имя, реакции не было, при новом упоминании Пилада несчастная вновь выдала себя сильным сердцебиением. Гален был в восторге от своего успеха³⁶⁰. Только так безнадежно любить комедиантов могли дочери и внучки сенаторов, поскольку Августовы законы о браке запрещали подобные союзы. Доходило до крайностей: поклонницы гладиаторских игр и гладиаторов — те, кого Ювенал и Марциал называли «игруньями» (*ludiae*)³⁶¹, «фанатками» игр, и поныне с восторгом воспевающие с помпейских стен доблести фракийца Целада и ретиария Кресцента, — бывало, ранили сами себя.

Вечерняя трапеза

Завтрак в римской семье был кратким и скудным (вода, хлеб, маслины), а главной трапезой был обед (*сена*) ранним вечером. В богатом доме обедали в специальной комнате: сравнительно скромной ценатии или в триклинии, называвшемся так по главному пред-

мету обстановки — трем ложам вокруг стола, на которых возлежали все собравшиеся, кроме детей (они сидели на лавочках или стояли). Это были самые роскошные залы в доме; они, иногда приукрашенные воображением, вдохновляли писателей. Луций у Апулея поражен роскошью триклиния Биррены — лучшего дома в городе Гипате: «Пышные столы, лоснящиеся туей и слоновой костью, ложа, накрытые парчовыми покрывалами, огромные сосуды» из золота, серебра, стекла, хрусталя, янтаря, самоцветов³⁶². Эти трапезы далеко не всегда бывали раблезианскими: пир у Тримальхиона в романе Петрония потому и смешон, что воспроизводит реальные обычаи, но в преувеличенном и карикатурном виде. А вот довольно простой кулинарный рецепт, предложенный Апицием, жившим при Тиберии: «С шестью желтками крутых яиц и толчеными сосновыми семенами смешайте мелко резанный лук-порей, соус из сырых овощей и молотый перец. Набейте этим фаршем кишки. Жарьте в гаруме и вине»³⁶³. Или еще: козье мясо в кокотнице с толченым чесноком, кориандром, молотым перцем, любистоком, тмином, гарумом, маслом и вином³⁶⁴. И там и там, как видим, применяется знаменитый «гарум» — рыбный рассол, богатство некоторых прибрежных районов. Хорошо приготовленные блюда приносили, разрезали и подавали специально обученные рабы-мужчины, которым иногда помогали служанки (*ministrae*). Изысканные обеды сопровождались добрыми винами. От запрета женщинам пить вино вместе с мужчинами, имевшего религиозный и социальный смысл, на деле уже давно отказались. Говорят, что женщины, тайком попивавшие перед обедом, чтобы отбить запах, сосали пастилки или жевали лавровый лист.

Как правило, дамы присутствовали на таких обедах, занимая одно из трех мест на ложе, но если было заранее ясно, во что выльется пирушка, они не были званы, или не оставались до конца, или те, кого приглашали, не были «дамами»³⁶⁵. Там разговаривали, блистали своими талантами, причем женские разговоры весьма ценились, особенно если дамы хорошего общества, по совету Овидия³⁶⁶, читали элегических поэтов — это бы-

ла приятная тема для разговоров образованных людей. Смотрели и домашние спектакли, иногда в дурном вкусе³⁶⁷. В час отхода ко сну хозяйка дома исполняет последние обязанности: проверяет, выметена ли столовая, убран ли домашний алтарь, куда завтра положат цветы, притушен ли огонь в очаге.

Ежегодные увеселения: день рождения и поездка в деревню

Помимо религиозных праздников, в течение года было два больших частных увеселения: день рождения и переезд на виллу.

Дни рождения праздновали в семье, приглашая близких друзей, или любовники друг с другом. В этот день справлялся религиозный обряд, при котором женщиной «трижды приносится хлеб, чистое трижды вино»³⁶⁸ ее личной богине-покровительнице — Юноне Родовспомогательнице. Некая Клавдия Севера последовала за мужем — командиром вспомогательной когорты — в Виндоланду на острове Британия, близ вала Адриана, ограждавшего предел Империи. Она пишет Сульпиции Лепидине, приглашая ее на день рождения: «От Клавдии Северы дорогой своей Лепидине привет. Всем сердцем прошу тебя, сестра³⁶⁹, в третий день до сентябрьских ид приехать ко мне на праздник дня моего рождения, чтобы твое посещение сделало для меня этот день еще приятнее <...>. Мой Элий и мальчик-мальш приветствуют твоего Цериалия <...>. Буду ждать тебя, сестра. Будь здорова, сестра, душенька моя, и я надеюсь быть здорова. Привет. Сульпиции Лепидине, жене Цериалия, от Северы»³⁷⁰. Последние слова на этой берегостяной записке написаны другим почерком — возможно, рукой самой Клавдии. Ведь и у мужчин и у женщин было принято, чтобы основной текст послания писал писец, автор же приписывал пару слов и заключительный привет.

В порядочном обществе прекрасным подарком считались стихи. Так, Антония Младшая, дочь Октавии, получила стихотворение Кринагора Митиленского и

зимние розы, Поппея — стихи Леонида и небесный глобус. Любовники были менее официальные. Проперций пишет, как любовно он праздновал день рождения своей подружки (puella)³⁷¹. Проснувшись, поэт желает, чтобы в этот день была хорошая погода, чтобы никакое грустное зрелище их не огорчило. Пусть потом именинница помолится богам и украсит себя. Тогда влюбленные станут радоваться, шутить, пить и плясать до поздней ночи, а затем Венера вместе с ними справит в брачном покое сладостные таинства.

Что касается летних поездок за город, то вкусы мужчин здесь известны лучше женских. Главная идея этого переселения — приобщиться к свободному и естественному сельскому блаженству. Цицерон изображает себя типичным горожанином на лоне природы, рисует приукрашенный портрет нового в Риме человека (homo novus), алчущего вернуться к корням, обрести покой и здоровье; все это необходимо ему из-за напряженной работы и нездоровой атмосферы летом в Риме. На самом деле отъезд из Города вовсе не был возвратом к природе: в загородном доме тоже были все достижения цивилизации. Тем не менее на отдых в деревню и на море ехали в разном расположении духа.

Как дачные места особенно ценились прохладные и красивые урочища сабинской земли: Ариция, Пренеста, Тибур, дальше — Лукринское озеро, еще дальше — Апеннины и Венеция. У Цицерона было целое кольцо летних вилл: в Кумах, Путеолах, Астуре, Помпеях, — но особенно он любил свое тускуланское поместье, где бывал очень часто, «ведь только в этом месте я отдыхаю от всех трудов и тягот»³⁷². Он много занимался его усовершенствованием: «В маленьком портике на моей вилле в Тускуле я устроил полукругом новые гостиные — там-то я и хочу повесить картины». В другом письме³⁷³ говорится о мраморных и бронзовых статуях, которые искал для своего поместья Аттик: ведь виллы — отнюдь не только вилла императора Адриана в Тиволи — были местом собирательства и культурной жизни (там устраивали библиотеки и гимнасии)³⁷⁴, ученых и дипломатических трудов, лечения, а также дружеских встреч: друзей принимали в комфортабельных домах. Цице-

рон пишет Теренции, чтобы она все приготовила в Ту-скуле для встречи гостей: «Пусть там всё приготовят. Со мной, возможно, будет несколько человек, и мы, полагаю, задержимся там на более долгий срок. Если в бане нет ванны, пусть устроят. Пусть приготовят и прочее, что необходимо для питания и здоровья»³⁷⁵. Случалось ему оставлять свою виллу и на попечение Пилии — жены Аттика³⁷⁶. Была у Цицерона еще и вилла в Формиях, где он предпочитал общаться с деревенскими жителями (*rusticis*), а не с высокомерными горожанами (*urbaniis*), но в годы гражданской войны ее разграбили, и в конце концов именно там оратор был убит солдатами Антония³⁷⁷. Наконец, существовали воды: известно, что римляне и римлянки любили лечиться на горячих источниках, и многие современные курорты использовались уже в античности, как показывают развалины в английском Бате (*Aquae Sulis*) или в Греу (Нарбоннская Галлия); где источник находился под покровительством нимф Гризелик; там жила двоюродная сестра Марка Аврелия Анния Фундания Фаустина³⁷⁸.

У моря можно было отдыхать рядом с Римом, как Плиний в Лаврентине близ Остии: там он, пользуясь удобствами портового города, жил близ теплых пляжей, наслаждаясь полным одиночеством; вникая во все подробности жизни, он не забывает о своих овощах: укрывает их от морского ветра криптопортиком³⁷⁹. Он ничего не говорит, интересовалась ли этим его жена. Зато известно, что теща Плиния, Помпея Целерина, пеклась о многочисленных виллах в Этрурии и Умбрии, куда она и после смерти дочери и второго брака Плиния приглашала его и устраивала заботливый прием — например в Нарни³⁸⁰.

Лучшим местом считалась Неаполитанская бухта, где благотворное действие вулканического пепла и минеральных вод для здоровья³⁸¹ сочеталось с прелестью моря, а пляжи и тропки в скалах, вид залива с толчеей всевозможных судов звали на прогулки, иногда интимные. Видно, что при Империи этим пользовалось все больше народа: теперь сюда на лето приезжали не только аристократы, и богачи жалели об утонченном светском прошлом этих мест, где прежде были только

роскошные виллы, где Лукулл переделал по своему вкусу целый берег вместе со скалами. Наплыв отдыхающих потребовал переделать дорожную сеть, взять под контроль сдачу внаем комнат, работу постоялых дворов, все более множившихся лечебных и спортивных заведений, ставить препятствия недобросовестной рекламе. По имеющимся у нас сведениям, женщины были без ума от этих мест: им там было действительно весело, а ханжи и ревнивцы, которым удобно было бы надзирать за ними где-нибудь в глуши, говорили, что они там предавались разврату. Цинция, отдыхая в Байях, плавала, что было редкостью: большинство курортников просто грелись на солнце Кампании, катались на лодках, гуляли³⁸². При этом ей, конечно, было нелегко сохранить розово-лилейный цвет лица. Может быть, ей были известны специальные притирания, вроде тех, которые врач Критон рекомендовал для уничтожения пятен на коже от солнца³⁸³. Но лишь бы она в этих развратных местах не кокетничала: вот что терзает сердце, для которого эта женщина — все. Насколько лучше бы чувствовал себя Проперций, если бы она укрылась в глухой деревне, у подножия гор, среди скал! Там она жила бы сообразно сельским нравам, пела бы и плясала с крестьянками, и едва ли там нашелся бы для нее поклонник³⁸⁴...

На летний отдых ездили в повозке, изредка на лошади. В этом случае женщина ехала верхом в мужском седле, без стремян, что было очень утомительно. Впрочем, это были исключительные и не очень приличные случаи.

ВОСПИТАНИЕ И КУЛЬТУРА

Первоначальное воспитание. Игрушки

Игра — занятие детское. «Пока жила, я играла» (*dum vixi, lusi*), — гласит надгробие пятилетней Геминии Агаты³⁸⁵. Девочке, как и мальчику, уже во младенчестве давали шумные игрушки (чаще металлические, иногда глиняные): трещотки (*sistrum*) и погремушки (*crepitaculum*). Обычно это были фигурки с шариками внутри; иногда ими не столько играли, сколько швырялись. Например, свинка с инкрустацией из синего стекла, положенная на гроб маленького мальчика в Сеттекамины на Тибуртинской дороге, сильно повреждена: ясно, что это была его любимая игрушка, которая ему много служила. Другая подобная игрушка найдена на могиле девочки с Номентанской дороги: полый глиняный бюстик женщины с изящной прической, напоминающей императрицу Криспину, на удобной ручке длиной 12 сантиметров.

Братья с сестрами и товарищами играли в шарики, в орехи, в бабки³⁸⁶, разные игры с шашками, большим и малым мячом. Для подростков и даже для взрослых эти игры превращались в нетрудный спорт, позволявший беречь здоровье, не особенно напрягаясь. У мячей было много названий, иногда не вполне ясных для нас: *trigon* — мяч для игры втроем; *pila* — мяч для игры руками; *paganica* — «деревенский мяч»; *follis* или *folliculum* — большой мяч, надутый воздухом или набитый легкими

перьями (от него происходит французское слово *fol*, означающее «шут»). Мячом очень любили также жонглировать: на барельефе с надгробного обелиска Септимии Сикки из Эсте покойница ловит мяч поднятой левой рукой, в опущенной правой держит другой мяч, а еще три изображены у нее над головой. Вероятно, это профессиональная жонглерка³⁸⁷.

Главная игрушка девочки — конечно же кукла. Изредка встречаются глиняные и тряпичные (а значит, дешевые) куколки-младенцы; чаще куклы изображали маленьких женщин. Лучшая из игрушек этого типа — кукла Креперей Трифены из слоновой кости, по причине датируемая 50-ми годами II в. н. э. У нее подвижные конечности, изящное туловище с анатомическими особенностями взрослой женщины. Ее можно было одевать; кроме того, на ней надето два золотых кольца и, судя по дырочкам в ушах, надевались сережки; к ней прилагалась шкатулка с гребешками и зеркальцами. Мы знаем также, что молодая весталка из Тибура Коссиния, принявшая это звание при Септимии Севере и Юлии Домне, захватила с собой чудесную куколку со всеми необходимыми украшениями³⁸⁸, вместе с которой ее и нашли в могиле близ Тиволи. Играя с куклой, большая девочка готовилась не столько к материнству, сколько к жизни в обществе. Обычно перед замужеством игрушки приносили в жертву домашним богам.

Некая Клавдия Виктория, умершая от роду десяти лет, в душе была, несомненно, мальчиком: в вечность ее провожал солдатик из слоновой кости с руками на шарнирах. Но больше всего любили живые игрушки: собачек, кроликов, ласочек, птичек, реже кошек. Иногда их заменяли игрушечные изображения из глины, а чаще фаянса, более приятного на ощупь. Часто встречаются прелестные надгробные стелы, на которых покойный ребенок играет со своим любимцем.

Учеба

В семьях традиционного уклада первоначальное образование детей — и мальчиков, и девочек, — проходило под опекой матери, а если ее не было — одной из

родственников почтенного возраста и поведения. Иногда это была старая дева, которых, впрочем, как и вдов, называли *vidua* — лишенная (мужа), в других случаях — «дражайшая бабушка, нежнейшая воспитательница» (*avia carissima educatrix dulcissima*)³⁸⁹, как называл внук Осцию Модесту Корнелию Патруину Публиану, светлейшую даму из рода Сципионов (III в. н. э.)³⁹⁰. Нравственное влияние матери или той, кто ее заменяла, часто сохранялось на всю жизнь.

Но не все воспитание, даже маленьких детей, проходило в узком семейном кругу. Оно включало также участие в главных событиях гражданской и религиозной жизни города. «Уму подобает возвышаться благодаря этому зрелищу, а главное — общему переживанию его религиозного значения», — писал Цицерон в 45 г.³⁹¹, когда Аттик повел маленькую дочку посмотреть на важное событие — первые игры в честь Цезаря (*ludi Victoriae Caesaris*), на которых жреческие процессии десять дней перемежались с театральными и цирковыми представлениями. Возможно, это был не совсем обычный поступок. Но Цицерон, так или иначе, одобряет решение своего друга понемногу приобщать девочку, которой только что исполнилось шесть лет, к совершению обрядов, хотя в данном случае они служили личному тщеславию диктатора.

Принято было, чтобы в семилетнем возрасте мальчик начинал сопровождать отца при исполнении гражданских обязанностей. Дочь больше сидела дома, учась работе по хозяйству. Даже при Империи она училась прясть шерсть³⁹² — это была символическая должность замужней женщины; сам Август наставлял в этом своих дочерей. Нет сомнения, что он сильно виноват в бурных любовных похождениях своей Юлии — хорошенькой, любезной, веселой, живой, образованной, подчас слишком прямодушной и насмешливой, разрывавшейся между двумя образами жизни. Суждения древних о ней противоречивы: Тацит полон сострадания, Сенека не находит достаточно суровых слов. Он приписывает ей вседозволенность (*licentia*), бесстыдство (*impudicitia*); любовники вокруг нее ходили табунами (*gregatim*); она не просто совершала прелюбоде-

яния (*adulterus, adulterium, stuprum*), но стала поистине продажной (*quaestuaria*), ходила в город на ночные оргии (*comissatio*), была бичом (*flagitium*) императорской семьи³⁹³ — словом, Мессалина до Мессалины!

Завоевание Греции внесло большие перемены в привычки и воспитание образованных людей: появились публичные библиотеки, а также образовательные учреждения. Начиная с конца Республики, родители самого разного социального положения охотно посылали детей в школы — иногда смешанные, но девочки проходили только первые ступени. В начальной школе (*ludus litterarius*) до одиннадцати-двенадцати лет они учились разбирать буквы по наборным азбукам из дерева, а иногда (лучше) из слоновой кости или даже из печенья, чтобы с аппетитом грызть не только гранит науки. Бывало, что девочки доходили и до грамматической школы (*schola*), но риторическая школа им была совершенно не нужна. Нам известна семилетняя Юлия Фелициссима³⁹⁴, *scholastica* из Вьенны в Нарбонской Галлии. В школу их водила специальная рабыня — *paedagoga*³⁹⁵, — или, как и мальчиков, раб — *paedagogus*. Бывали даже женщины-учительницы, как Волузия Тертулина — грамматистка из Шершеля³⁹⁶, Гермiona из Фаюма (Египет), скончавшаяся двадцати-двадцати одного года от роду³⁹⁷ или, наконец, Евфросина — молодая «любомудрствующая» римлянка³⁹⁸. До подросткового возраста — возраста пробуждения половой стыдливости³⁹⁹ — никаких, даже медицинских причин отделять мальчиков от девочек никто не видел. Но печальным отличием от братьев у девочек было то, что у них не было настоящего отрочества: они рано выходили замуж.

В знатных семьях учителей приглашали и на дом; благодаря этому в высшем обществе среди как мужчин, так и женщин вскоре распространился греческий язык. Как правило, частных учителей нанимала мать; между тем в Риме хватало не только чопорных синих чулков, высмеянных сатириками, но и действительно образованных женщин. У Корнелии — знаменитой матери Гракхов — был литературный салон. Изысканность разговора Лелии, ее дочерей Муций и внучек

Лициний увековечена Цицероном, который, разумеется, желал таким образом польстить их отцам: Гаю Лелию, Квинту Муцию Сцеволе и Луцию Лицинию Крассу, также славившимся красноречием⁴⁰⁰. Когда Помпей в 61 г. до н. э. вернулся с Востока, его дочь Помпея вслух прочла отрывок из Гомера, предвещавший некое бедствие — выбор очень неудачный, если он принадлежал девочке, и очень дерзкий, если учителю⁴⁰¹. Мы не знаем цифр, на основании которых могли бы вычислить долю таких или почти таких образованных девиц. Девочки более скромного происхождения, умевшие читать и писать, могли иметь настоящее ремесло: быть секретаршами⁴⁰², счетоводами, повитухами, врачами и т. д.

В высшем среднем классе родители гордились успехами как сыновей, так и дочерей. Об Авите мы знаем из ее надгробной надписи: она умерла в возрасте десяти лет и десяти месяцев. Имя ее латинское, но написано по-гречески; она изображена сидящей на скамеечке перед пюпитром, со свитком; на коленях у нее таблички для письма; за ней стоит любимый пес и смотрит на нее, задрвав морду⁴⁰³. Другая маленькая девочка была «красивой и ученой не по годам»⁴⁰⁴. Вообще говоря, считалось, что лучше всего, когда дети похожи на взрослых. Что же до будущих мужей, то они, если верить Марциалу, уповали найти жену образованную, но в меру: синие чулки многих пугали.

И вообще, образование девочек из хороших семей было во многом не обязательным, потому что не завершалось занятиями каким-либо ремеслом, в то время как их братьям непременно надо было научиться говорить на публике. Таким образом, уровень женского образования зависел от традиций семьи (насколько она отдавала предпочтение нравственному воспитанию девочки и ее подготовке к роли матери семейства), от желания семьи приобрести таким образом престиж в обществе, а может быть, даже и ввести свою дочь в мир политики. Те, кто держался древних обычаев (*mos maiorum*), были в этом смысле очень осторожны, чтобы образованная дочь как-нибудь не встала на ноги самостоятельно.

Замужние женщины могли продолжать свое воспитание, вкушая удовольствия светской жизни: ходить в театр, на публичные чтения, принимать участие в разговорах за вечерней трапезой (сена). Хороший муж сам развивал свою жену, как видно на знаменитом двойном портрете из Помпей, где Паций Прокул и его жена изображены с инструментами, символизирующими образование. Но чаще супруги стояли не на равной ноге, и мужское отношение к женам часто отдавало снисходительным покровительством. Так, Плиний день за днем лишь пробегал глазами сочинения своей жены Кальпурнии; на супружеских саркофагах II в. н. э. появляется иконографический мотив мужа-учителя. Женщины могут учиться философии, музыке, танцам, пению — та non troppo⁴⁰⁵! Никакие излишества не одобрялись; были даже мужья, не желавшие видеть в женах вовсе никакого образования: отец Сенеки-философа ничего не позволял своей супруге Гельвии, что не помешало ей стать образцом чисто мужской добродетели, «мужества» (virtus).

И действительно, некоторые женщины становились жертвами беспорядочного образования или «многознайства», вызванного беспорядочным чтением; другие взрослыми брали себе частных учителей, что могло не довести до добра. Ливия, обезумев от горя после смерти сына, решила, что ей нужно учиться философии, и прибегла к услугам грека Арея; неизвестная «госпожа» Никомаха из Герасы, жаждавшая познаний, просила мужа выслать ей «Руководство по гармонии», чтобы не прерывать столь любезных ей занятий по теории музыки во время его отсутствия, и муж поспешил исполнить просьбу. Гален рассказывает об одной женщине, харкавшей кровью, которая из-за плохо усвоенных познаний в медицине решила, что смерть уже пришла: «Ибо эта женщина слышала разговоры вроде тех, что мы вели между собой сегодня, о людях, страдавших кровохарканьем легочного происхождения из-за воспаления или сильного кашля. Поскольку же у нее самой ночью случилось небольшое кровохарканье, она тотчас послала за мной и заявила, что сделает все, что мне будет

угодно. Незадолго до этого случая она также слышала, будто тем, кому срочно и энергично не помогут, пока не началось изъязвление, уже ничто не поможет и что харкавшие кровью чаще всего от этого и умирали»⁴⁰⁶.

Поэтессы и писательницы

Лет тридцать тому назад получил распространение модный миф о существовании женской римской литературы, пропавшей по вине злонамеренных мужиков. От нее действительно немного сохранилось, но явно потому, что немного было и написано.

Конечно, были какие-то женщины-поэты, по крайней мере — стихи, писавшиеся женщинами. Если верить элегическим поэтам, их подруги делили их занятия, но само существование этих подруг недостоверно. Кроме них можно назвать несколько имен: в республиканскую эпоху Семпрония, о которой неодобрительно говорит Саллюстий, и Клодия, супруга Метелла, заклеянная Цицероном; в Августову эру Корнифиция, Сульпиция и Перилла⁴⁰⁷, не говоря еще о некоей весталке, имя которой до нас не дошло⁴⁰⁸; в I в. н. э. Каленова Сульпиция; во II в. Юлия Бальбилла⁴⁰⁹ и Теренция⁴¹⁰. Масштаб их деятельности неодинаков; об одних мы только знаем, что они писали, от других кое-что осталось. Так или иначе, никто из них литературой не зарабатывал.

Чтобы понять, в чем дело, надо объяснить, как распространялись в Риме литературные произведения. Автор никогда не работал в одиночку, но всегда входил в какой-нибудь литературный кружок или компанию. Вначале он показывал свой труд близкому другу, который становился его первым критиком, потом читал всему кружку, если оставался им доволен — распространял шире. Тогда произведение начинало переписываться другими лицами, ходить по рукам, иногда хранилось в библиотеке, но все же не публиковалось в современном смысле слова. Повидимому, женщины не могли попасть в такие кружки, и, наверное, не случайно, что единственная женщина, про которую мы можем говорить о творчестве, — элегическая поэтесса Сульпиция. Дело в том, что эта молодая не-

замужняя знатная женщина была племянницей Марка Валерия Мессалы Корвина, который сам любил поэзию и был покровителем поэтического кружка. Поэтому она тоже могла воспользоваться этим способом распространения своих стихов, и, конечно, именно это, а не их эротическая откровенность, позволило Сульпиции остаться в памяти потомства. Ведь она дерзнула нарушить молчание, составлявшее часть женского долга «стыдливости», гласно объявила, что репутация добропорядочной девушки из хорошей семьи не интересует ее, говорила громко и внятно — все это могло только раздражать.

Терпимо относились в те времена только к высокопоставленным дамам, которые лишь отчасти вышли за рамки своей социальной роли: они писали, не отказываясь от правил, позволявших сохранить хорошую репутацию. Даже другая Сульпиция — Каленова, — хотя и писала о любви, но только супружеской! От всех этих необычайных женщин до нас дошли почти исключительно имена.

Агриппина Младшая, мать Нерона, — единственная женщина, о которой известно, что она написала и опубликовала мемуары (*commentarii*) о самой себе и о своей семье, идя по стопам Августа, Тиберия и Клавдия. Этот литературный жанр обычно использовали мужчины, делавшие политическую карьеру и желавшие продвигаться дальше: они якобы день за днем вели записи о своих делах. Нет никаких причин думать, как полагают иные, что записки Агриппины были скандальной хроникой жизни двора и императорской фамилии, видеть в них источник всех скабрёзных анекдотов в последующих историях: вероятно, Агриппина желала поднять себе цену, показав свою роль по отношению к Нерону и в управлении государством. Во всяком случае, Тацит и Плиний Старший читали этот текст.

Меценатство и культурная благотворительность

Государство не принимало никакого участия в культурной жизни Рима, поэтому последняя, безусловно, нуждалась в покровительстве сильных мира сего, кото-

рые либо прямо финансировали строительство зданий культурного назначения или театральные представления, либо принимали в свои фамилии художников, писателей, поэтов, философов, врачей и ученых. Ясно, что их протееже в большей или меньшей мере терял свободу, поскольку не был с покровителем в равном положении, даже если между участниками договора царил истинная дружба: клиент жил у патрона в доме или ходил в гости, получал деньги; патрон обеспечивал распространение книг протееже, расхваливал его художественные или поэтические творения, устраивал чтения литературных сочинений, ставил его драмы, исполнял музыку. Но, как и всякий клиент, протееже нес тягостные повинности перед патроном: ежедневные приветственные визиты (*salutatio*), обязанность составлять ему компанию, вести беседу, создавать на заказ произведения к важным событиям в его семье и карьере, так что слава одного служила славе другого. В культурных отношениях такого типа участвовали преимущественно мужчины. Меценат — друг и помощник Августа — так хорошо играл эту роль, что его имя стало нарицательным и породило слово «меценатство»; ни с одним из женских имен ничего подобного не произошло. Тем не менее бывало, что и женщины покровительствовали искусству и художникам — впрочем, очень редко. Что их подталкивало к этому, почему это было возможно? Рассмотрим два примера: из истории императорской фамилии и из частной жизни.

При дворе женщины были и всех свободнее, поскольку богаче и ближе к источнику власти, и всех связаннее, поскольку их жизнь была у всех на виду. Так было и с Октавией — сестрой Августа, женой Гая Клавдия Марцелла, а потом Антония, матерью Марцелла. Она прославилась как образец традиционных достоинств жены, матери и наставницы, была воспета за ум и красоту. Восхваляли ее и за то, что она была до некоторой степени посредницей между Августом и зодчим Витрувием (выпросила для последнего синекуру, которая дала ему досуг для размышлений, чтобы написать сочинение «Об архитектуре»), за то, что ее даром стала греческая и латинская библиотека в портике. Ок-

тавии, носившая имя Марцелла (он был первым наследником, избранным Августом, но умер девятнадцати лет в 23 г. н. э. через два года после брака с Юлией). Возможно также, что стоический философ Афинодор Тарсийский посвятил ей одно из своих сочинений. Общество признало за этой безупречной, богатой и образованной вдовой право играть мужскую роль в культурной жизни, поскольку это нимало не портило традиционного образа римской матроны.

У поэтов Марциала и Стация было много покровителей: первый перечисляет добрую сотню, второй — восемнадцать имен. Среди них и Аргентария Полла⁴¹¹. В ее биографии есть пробелы, но она, во всяком случае, была вдовой поэта Лукана, покончившего с собой по приказу Нерона в связи с так называемым заговором Пизона. В связи с годовщиной его смерти — вероятно, в год пятидесятилетия Лукана, то есть в 89 г. н. э., — она заказала Стацию сочинение в жанре, напоминающем гороскоп («генетлиак»), а Марциалу три эпиграммы. Эти стихи восхваляли не только покойного поэта, но и Поллу — добрую супругу, верную вдову, красавицу и умницу. Об отношениях поэтов с этой дамой прямо говорится в эпиграмме Марциала X, 64, датированной 98 г. н. э.: в ней он называет ее «царицей» (*regina*), что свидетельствует о величайшем почитании нищего поэта к своей покровительнице. Возможно, что ее роль была еще больше, чем говорят эти факты, и способствовала престижу самой Поллы. Заказчицей Марциала была также Муммия Нигрина — жена, а потом безутешная вдова наместника Каппадокии и Галатии Луция Антистия Рустика, скончавшегося в своей провинции в 93 или 94 г. н. э. Живя в Риме, Марциал пытался стяжать благосклонность некоей Сабины — жительницы Атесты в Цизальпинской Галлии. В 98 г., когда он вернулся к себе на родину в Бильбилис, «госпожой» и в каком-то смысле хозяйкой поэта стала его землячка Марцелла, подарившая ему маленькое поместье, где он и закончил свои дни без тревог, хотя и не без горя. Эти четыре имени не должны вводить в заблуждение: они все связаны с Марциалом, который явно попрошайничал больше других, и

не дают возможности сделать общие выводы о роли женщин в культурном меценатстве. В то же время, как увидим ниже, их благотворительность могла принимать и другие формы, связанные с политической деятельностью и общественной жизнью.

ЖЕНСКИЙ ТРУД

Римляне, следуя Аристотелю, были убеждены, что между мужчиной и женщиной есть радикальное отличие по природе. Это отражалось и на разделении труда. Согласно Колумелле⁴¹², «домашние работы предназначены для женщин, полевые же исключительно для мужчин. Таким образом, бог <...> поручил женщине попечение о делах домашних, сделав ее неприспособленной для других дел». Итак, природа и культура согласны между собой — таков был принцип. Что же на практике?

Labor matronalis

Овидий не горел желанием вновь видеть в Риме де-белых краснощеких матрон, занимавшихся только работой по дому⁴¹³. Но стоило уехать подальше от города, и возможность повстречать таких представлялась все чаще. В Англии на раскопках в современном Фрочестер Корт в саду сельской виллы обнаружено много женских булавок — это доказывает, что женщины там работали. Более того, недавно в Испании в результате раскопок обнаружена семейная ферма, а в ней скелет женщины лет сорока пяти — пятидесяти (VI—VII), ясно показывающий, какую тяжелую жизнь она вела: извест-

ковый нарост в области таза может быть связан с кистой или маточной лиомиомой (доброкачественной опухолью); многочисленные, плохо сросшиеся переломы обоих предплечий, остеофитозы (патологические костные образования) грудных позвонков и энтезопатия (костные наросты в месте прикрепления связок) коленей доказывают, что она занималась тяжелым трудом.

Овидий не желал также, чтобы его жена умягчала шерсть, управлялась с ткацким челноком, сматывала пряжу, выводила пятна с одежды, составляла краски для домашних тканей⁴¹⁴. Ювенал выражает гнев и презрение в адрес женщин своего времени, но не заблуждается и на счет им же представленного традиционного образа прошлого⁴¹⁵. Кто бы умилился, увидев женщин, кашляющих от чада, питающих вздувшимися и отвисшими грудями уже больших детей, варящих похлебку в огромных чанах? Сатирик убежден, что назад возврата нет, но он предан старинным семейным ценностям и желал бы, как и большинство его современников, чтобы новый мир перенял их. Продолжали твердить, уже не веря в это, что непрерывный труд помогает женщинам хранить целомудрие, защищает от кокетства и беспутства, позволяет избежать лишних трат. По мере урбанизации Рима, интернационализации империи и притока новых рабов этот стереотип становился все менее применим к жизни: разрыв между идеалом и действительностью возрастал. Знатная римская матрона имперской эпохи все еще могла величаться в эпитафии почетным эпитетом *lanifica* (пряха), могла исполнять обязанности (*officia*) хозяйки дома, но уже и речи не шло, чтобы она все это делала своими руками; в крайнем случае она выставляла напоказ какой-нибудь символ домашней работы⁴¹⁶ или, из уважения к своему сану, училась прясть, как дочь и внучка Августа; пожалуй, она могла наблюдать за домашними слугами в городе и в деревне, но реальная ответственность лежала на ее заместительнице, ведавшей конкретными работами (*opera*) — управляющей (*vilica*).

Работа на других

Работа на других могла проходить на дому у хозяйки или клиентки или вне дома — в лавке. Исключительно женским ремеслом было замещение матери вообще и ремесло кормилицы (*nutrix*) в частности. Ценилось и ремесло повитухи (*obsterix*), которая вызывалась в случае нормальных родов и занималась уходом за новорожденным: оно требовало серьезного обучения. Очень близко к акушеркам по степени неизбежной осведомленности в интимных делах фамилии и необходимому умению хранить тайну, но еще выше в иерархии умственных профессий стояла женщина-врач (*medica* или *iatromea* — искусственное новообразование от греческих слов *iatros* — врач и *maia* — повивальная бабка), которая и на опыте, и по книгам училась лечить женские болезни и принимать трудные роды. В V в. н. э. латинский переводчик Сорана Целий Аврелиан поясняет, что «древние стали пользоваться услугами женщин-врачей, чтобы другие женщины не показывали мужчинам свои детородные органы для осмотра»⁴¹⁷. В лузитанской Эмерите (ныне Мерида) покоится Юлия Сатурнина, прожившая сорок пять лет — несравненная супруга, превосходный врач, во всех отношениях святая женщина. Ее муж Кассий Филипп поставил ей памятник, не забыв выбить на обороте рельеф с изображением спеленутого младенца — напоминание о ее акушерских познаниях⁴¹⁸. В Капуе известна Скантия Редемпта, достигшая высот в своем искусстве⁴¹⁹, в Риме — Валерия Берекунда, память которой чтити дочь и муж⁴²⁰.

Ремесленницы и лавочницы

Трудно сказать, учились ли в Риме девочки — свободнорожденные, вольноотпущенницы и прежде всего рабыни — ремеслам вне своего семейства. Вероятно, немногочисленные договоры об ученичестве (*disciplina*) из Египта римской поры как будто указывают на это. Все они касаются девочек-рабынь, обучавшихся ткачеству; возраст указан только для одной — Ники че-

тырнадцати лет, которую отдавали в учение всего на год. У юриста Ульпиана кратко рассмотрен драматический случай: если ребенок, сбежав от мастера, возвращается к матери, надо ли его считать беглым? Нет, если он вернулся к ней для того, чтобы его скорее простили за какой-либо проступок⁴²¹. Правда, по-латыни здесь стоит слово мужского рода (*puer*), но вследствие грамматического правила, по которому мужской род всегда имеет приоритет над женским⁴²², трактовка некоторых сведений бывает затруднительна: вполне вероятно, что такой мужской род следует понимать как относящийся к лицам обоего пола.

Не говоря о женщинах, прямо обозначенных как жены мастера по слоновой кости (*eborarius*), гребенщика (*rectinarius*) и т. п., мы встречаем такие термины, хотя и не всегда можем сказать, занимались ли эти женщины ремеслом непосредственно, содержали лавку или были хозяйками дела: *alicaria* — пирожница (или проститутка?); *aurifex* — ювелирша или хранительница золотых вещей; *calcaria* — торговка известью или обжигательница извести; *саурона*, *сорона*, *сора* — трактирщица; *centonaria* — тряпичница; *conditaria* — продавщица маринадов.

Особенно вдохновляли скульпторов своими грациозными и целесообразными движениями «коронарии» (*coronaria*) — продавщицы и, как правило, изготовительницы венков. На позднеантичных мозаиках Пьяцца Армерина на Сицилии одни женщины собирают розы, другие несут полные корзины, третьи вынимают цветы и плетут из них гирлянды; даже на мулов, привязанных к деревьям, надеты изящные веночки. На мозаике виллы Дезенцано две сидящие друг против друга женщины в венках заканчивают выполнять сложную цветочную композицию; трудно сказать, матроны ли это, проводящие досуг, или работницы. Зато на саркофаге, стоящем ныне во флорентийском Баптистерии, изображена явно сцена профессиональной работы: некий мужчина приносит все необходимое, а женщина на табурете у стола заканчивает плести гибкую гирлянду, подвешенную к ветке; похоже, что цветы нижутся прямо посередине на два ее отростка.

Продолжим перечень: *fabaria* — торговка бобами; *furnaria* — булочница; *gemmaria* — торговка драгоценными камнями; *lagunaria* — торговка бутылками; *lanipenda* (в семье или в лавке) — женщина, вешающая и раздающая шерсть; *linaria*, *lintearia* — торговка льняными тканями; *margaritaria* — торговка жемчугом; *negotiatrix* — торговка; *negotiatrix frumentaria* — торговка зерном; *negotiatrix leguminaria* — зеленщица⁴²³; *negotiatrix olearia* — торговка маслом; *negotiatrix vini* — виноторговка; *netrix*, *aurinetrix* — золотошвейка (к примеру, маленькая Викентия, заслужившая восхищение своими пальчиками, прожившая девять лет и девять месяцев)⁴²⁴; *notaria* — секретарша⁴²⁵; *officinatrix* — ремесленница (существительное мужского рода могло также обозначать женщину), например, арендовавшая у «госпожи» кирпичную мастерскую; *piscatrix* — торговка рыбой⁴²⁶; *romararia* — торговка фруктами; *pora*, *porinaria* — трактирщица; *praefica* — плакальщица; *purpuraria* — красильщица в пурпурный цвет или торговка пурпурными тканями; *quasillaria* — пряжа; *resinaria* — косметолог, занимающаяся эпиляцией при помощи камеди⁴²⁷; *sacraria* — привратница при храме; *sagaria* — торговка плащами.

Sarcinatrix — портниха или штопальщица — часто работала в домашней мастерской по производству тканей вроде тех, что возглавляли знатная дама из семьи Статилиев⁴²⁸ или императрица Ливия⁴²⁹. Любопытный случай, связанный с их работой, приводит врач Целий Аврелиан⁴³⁰. Одна портниха «взяла в починку рубаху, разорванную бешеной собакой. Когда она шила, складывала обрывки, взяв в рот, и лизала место соединения, чтобы лучше шла игла». На третий день она заболела бешенством. Это можно объяснить так: вирус может некоторое время продолжать жить в складках одежды, смоченных слюной бешеного пса; рубаху отнесли в починку, не отдавая в стирку; у бедной портнихи во рту — то есть близко к мозгу, чем и объясняется очень короткий инкубационный период — оказалась маленькая ранка, через которую проник вирус.

Далее следуют: *siricaria* — торговка шерстяной пряжей или тканями; *staminaria* — пряжа или ткачиха;

tabernaria — хозяйка или служанка в таверне; tesseraria lignaria — женщина — инкрустатор по дереву; textrix — ткачиха полотна; thuraria — торговка ладаном; tonstrix — парикмахерша, возможно — портниха; tractatrix — массажистка; vestiaria — торговка одеждой или, возможно, закройщица; vestifica — портниха; vestrix, в частности, aurivestrix — портниха, шьющая роскошные (парчовые) одежды⁴³¹; vinaria — виноторговка, в том числе и в питейном заведении; unguentaria — торговка благовониями⁴³², но unctrix — скорее массажистка.

В доме было множество рабынь — парикмахерш (ornatrix), официанток (ministra), служанок-сопровождающих (pedisequa), чтиц (lectrix), секретарш (libraria), горничных (cubicularia), привратниц (ostiaria) и даже штатных повитух (obstetrix)⁴³³; помимо этого мы встречаем свободнорожденных или вольноотпущенниц, ведущих собственную торговлю, как, например, торговка семенами (seminaria) в лавке у Триумфальных ворот⁴³⁴. Другие работали в маленьких мастерских вместе с мужьями: гвоздариха или хозяйка скобяной лавки (clavaria)⁴³⁵, золотильщица (brattaria)⁴³⁶, — или в более крупных заведениях, наряду с вольноотпущенниками: красильщицы в пурпур (purpurariae)⁴³⁷, продавцы тонкого платья (vestiarii tenuarii)⁴³⁸ на оживленной улице в Риме — знаменитой Этрусской улице (vicus Tuscus), ювелиры (gemmarii)⁴³⁹ или слесари (ferrarii)⁴⁴⁰. Иные рисковали даже заниматься крупной торговлей гарумом, маслом и испанским вином⁴⁴¹. Таким образом, представлены все уровни экономической деятельности и все слои общества.

Огни рампы

Особое место следует отвести профессиям, связанным со зрелищами: женщины появлялись и на парадных обедах, и в театре, и на арене. Надписи говорят, что были: собственно актрисы (scaenica), актрисы интермедий (emboliaria; среди них была Феба, умершая двенадцати лет от роду, а вот некая Галерия Копиола, дебютировавшая в 82 г. до н. э., в 8 г. н. э. еще играла), ар-

тистки мима (*mima*), певицы (*cantatrix* или *cantrix*), хористки (*sinfoniaca*), танцовщицы (*saltatrix*; среди них Юлия Немезида, умершая девяти лет, и Дионисия из театра «У Росция», которая заработала 200 тысяч сестерциев, но Цицерон не говорит, за какой срок), различные музыкантши (*musica*), игравшие на кифаре (*citharistria*, *citharoeda*), кимвалах (*symbalistria*), флейтах (*ambubaia*, *choraule*, *tibicina*), арфе (*sambucistria*), лютне (*psaltria*), тамбурине (*timpanaria*, *tympanaria*). На сцене они обычно не играли под тем именем, которое получили при рождении, и чрезвычайно высокая смертность среди них — вероятно, иллюзия, возникшая потому, что главным источником информации о них остались эпитафии.

Что касается женщин и девушек, упражнявшихся в гладиаторском искусстве, их существование удостоверяется как литературными и юридическими текстами, так и эпиграфикой. Они тренировались, чтобы затем появиться на публичных играх, сражаясь, например, на колеснице (*essedaria*). Невозможно сказать, зачем они это делали: из-за денег, из-за любви к славе или к гладиаторам, чтобы насладиться упоением боя или чтобы досадить семье. Так или иначе, государство было вынуждено вмешаться: в 19 г. н. э. так называемый сенатус-консульг Ларина по умолчанию допускает, чтобы женщины низкого звания занимались такими делами, но прямо запретил это состоящим в родстве как по мужской, так и по женской линии с сенаторами и всадниками⁴⁴². Подобные зрелища чаще всего, кажется, встречались при Нероне и Домициане, что неудивительно, учитывая вкусы этих императоров. Магистрат из Остии Гостилиан вместе с супругой хвалится, что при нем в городе впервые сражались женщины⁴⁴³, а Ювенал, Тацит, Светоний и Стаций огорчены или возмущены сей модой. Наконец, Септимий Север это запретил⁴⁴⁴. Между тем обратим внимание, что женского производного от слова *gladiator* — *gladiatrix* — фактически не существовало: оно встречается лишь один раз в схолии к стиху 251 шестой сатиры Ювенала. У этой реалии не было имени, но есть по крайней мере одно изображение: сражение Амазонки и Ахиллы из Галикарнаса (ныне

Бодрум в Турции, II в. н. э.). Девушки дерутся отважно и не без изящества; они изображены с открытой грудью, но в поножах и поручах, с большими прямоугольными щитами и короткими мечами. Их имена — пафосные мифологические цитаты: одно напоминает об Ахилле, отважном герое Троянской войны, другое — о воительницах с обнаженной грудью, дерзавших сражаться с греками.

Темное ремесло

Над проституткой тяготело бесчестье (*infamia*)⁴⁴⁵. Юристы не проявляют снисхождения к тем, кто занимается этим ремеслом не только в лупанарах⁴⁴⁶, но также на постоянных дворах и в питейных заведениях⁴⁴⁷. И поныне многие историки, к сожалению, всех римских официанток считают проститутками.

О санитарном контроле не было и речи: в античности не имели представления о социальной гигиене. Но клиенты бывали недовольны, что видно хотя бы из помпейских надписей. Что бы ни писалось по этому поводу, эпидемического сифилиса (оставляющего следы на скелете) не существовало. Но были другие венерические заболевания: они описаны медиками, но их точная диагностика затруднительна, поскольку нет их следов на останках. Чтобы называть подобных женщин, существовала добрая сотня слов: продажная (*meretrix* или *questuraria*), шукура, публичная женщина, женщина известной репутации, сидящая у дверей, ожидающая перед трактиром (или под сводами), гуляющая одна, подстерегающая мужчин, бегающая за мужчинами. Из животных их сравнивали с птицами-стервятниками, слизняками или волчицами. *Lupa* (откуда и слово «лупанар») — для Рима самое многозначительное наименование. Кто спас близнецов — основателей города: настоящая волчица или «волчица» — женщина, отдающая за плату, хищная и вонючая? Мнения историков расходятся смотря по степени их сентиментальности.

В Риме были свои улицы красных фонарей, прежде всего в Субурах и на Авентине. Считалось, что прости-

туция — лучшее средство утолить вожделение мужчин, которые по молодости или из-за темперамента не могли сдерживать себя: любовница в доме создавала финансовые и социальные проблемы, особенно связанные с рождением детей, а жена существовала не для того, чтобы давать удовольствие. Семейные боялись, как бы престарелый похотливый *pater familias* не разорил себя вместе со всем семейством ради такой девицы, а это были далеко не просто комические или трогательные комедийные персонажи. Смотря по возрасту и красоте, они могли поджидать мужчин в темноте или за могилами⁴⁴⁸, выставя себя обнаженными на свету в дверном проеме или же, заманивая клиентов, расхаживать по улице в экзотических прозрачных одеждах, сквозь которые просвечивали икры, а то и еще кое-что, накрашенные, в приметных прическах или париках. Это было не чем-то вроде униформы, а просто знаком для нерешительного клиента.

Императоры не брезговали контролем над проституцией — как из соображений общественной нравственности, так и ради денег. Август ввел регистрацию проституток, что в одном случае дало противоестественный результат: чтобы не попасть под закон о прелюбодеянии (*de adulteriis*), некая Вистилия, женщина из хорошей семьи, записалась в блудницы. Калигула собирал с них пошлину и, говорят, на какое-то время устроил на Палатине элитный роскошный лупанар, где клиенты были самого разного общественного положения, девицы же все высокородные. В своей обычной гротескно-издевательской манере он добивался, по видимому, трех целей: пересмеивал, якобы подчиняясь ему, обычай, чтобы Палатин был доступен всему народу; унижал женщин высшего сословия, заставляя их преступать жесткие социальные нормы; добывал деньги в казну, заламывая цены и давая кредиты, но на очень короткие сроки⁴⁴⁹.

Некоторые из среды проституток (например, воспетая Тибуллом Немесида) становились важными дамами, имели свои дома, купались в роскоши — но только на очень недолгое время в своей печальной жизни. Они имели изысканные манеры, умело эксплуатирова-

ли свои прелести и таланты. Клиентов они зазывали не сами, а через агенток, посредниц, своего рода импресарио — *lenae*⁴⁵⁰, у которых была неважная репутация. Это были бывшие проститутки, слишком старые, чтобы заниматься прежней профессией, пьющие и в силу своих менеджерских обязанностей не терпевшие неоплаченной любви. Впрочем, ни одна из римских куртизанок не сыграла роли вдохновительницы, как в Афинах Аспасия или Фрина.

На низшей ступени лестницы стояли свободнорожденные падшие женщины, рабыни и подкидыши, обученные этому ремеслу, подчас под жестокой опекой хозяина — сводника (*leno*), дававшего им работу и кров; таких людей все презирали, хотя все пользовались их услугами.

Служанки в тавернах нередко поднимались в номера, и трактирщица (*сауропа*, *сора*) часто пополняла свой кошелек доходами от этой сомнительной деятельности, что не значит, будто у всякой трактирщицы был свой летучий отряд. Известна поэма «Трактирщица», приписываемая Вергилию, о злачном месте, где можно отдохнуть, поиграть, выпить, попить на свежем воздухе и служанки не слишком строги.

Проститутки были самого разного уровня, представляли самые разные услуги; латинский язык в этом смысле довольно бесстыден, так что трудно решиться перевести такие термины, как *fellatrix*⁴⁵¹ или *extaliosa*⁴⁵². По граффити мы знаем, в каких выражениях эти специалистки рекламировали себя, а также о пожеланиях клиентов. По бесчисленным светильникам с литыми рельефами, по непристойным (но явно более изящным, чем действительность) фрескам в борделях и особаго рода банях мы можем прекрасно разобраться, каким образом они занимались своим ремеслом — кто дороже, кто дешевле.

Цена на женщин, торговавших своим телом⁴⁵³, была поистине какой угодно. В Помпеях один раз стоил от 2 до 23 ассов: 2 с Евтихидой⁴⁵⁴, 23 с Фортунатой⁴⁵⁵. Иногда нам трудно понять, были такие женщины (они упоминаются и в элегической поэзии) проститутками или подругами: «Та, кому я писал и которая прочла мое

письмо, — моя подруга по праву, но та, которая назначила себе цену — не подруга мне, а общее именьё»⁴⁵⁶. Или: «Если захочет кто обидеть мою подругу, пусть его испепелит Амур в пустынных горах»⁴⁵⁷. И наконец: «Кресцент говорит⁴⁵⁸: кто поцелует мою подругу, того пусть медведь задерет в горах, где нет никого»⁴⁵⁹.

Как бы то ни было, у *puellae volgaes* (доступных девиц) был свой праздник: Виналии, справлявшийся 23 апреля у Коллинских ворот. Овидий говорит им:

...Празднуйте праздник во славу Венеры!
Держит Венерина власть много прибытку для вас.
Требуйте, ладан куря, красоты у нее и успеха,
Требуйте вы у нее шуток и вкрадчивых слов.

Часто иметь дело с любовными делами приходилось колдуньям и ворожеям. Женщины обращались к ним обычно с тем, чтобы удержать любовника или сглазить соперницу. Так, помпейская мозаика из так называемого Цицеронова дома изображает сцену из комедии: две женщины у колдуньи. Чтобы угодить клиентам, колдуньи взывали ко всем богам, которые могли пригодиться: греческим, итальянским, иноземным; одной из самых могущественных была трехглавая Геката — богиня Луны. Ворожеи в черных одеждах, со змеями (живыми или фальшивыми) в волосах ходили на кладбище при лунном свете или сидели в зловонных лавочках, где жили вороны, жабы и тому подобная живность, кругом валялись таблички для письма, гвозди, стояли склянки с разной гадостью, музыкальный волчок (инструмент, издававший звук, когда его крутили деревянной палочкой). Колдунья накликала порчу через восковые куколки, писала заклинания (*defixiones*) на свинцовых табличках, чтобы неверный любовник стал связан, скован, изнемог, измучился, задохнулся, был убит, лишился мужской силы, а соперница утратила красоту, потеряла всех поклонников, лишилась зубов, умерла. В особо тяжелых случаях приходилось вызывать мертвых или приносить в жертву младенцев, как поступила страшная Канидия⁴⁶⁰, которая зарыла малыша в землю до пояса и уморила голодом, а потом вынула его печень и костный мозг для

своих зелий. Этими ужасными процедурами не брезговали ни в каких слоях общества: в 54 г. н. э. Домиция Лепида, с которой мы еще встретимся, была осуждена на смерть за то, что, как утверждала Агриппина, якобы изводила жену императора зельями и прочими чарами⁴⁶¹. Желая погубить другую старую соперницу, Лоллию Паулину, Агриппина и ее обвинила в чародействе⁴⁶². Добавим к этой мрачной когорте еще отравительниц, среди которых прославилась Локуста, отравившая грибы, убившие Клавдия, и в конце концов казненная по приказу Гальбы.

Деловые женщины

Начиная с конца республиканской эпохи, законы, касающиеся опеки над женщинами и передачи наследства, с течением времени так смягчились, что женщины могли стать весьма богатыми, и некоторые из них стали заниматься крупным предпринимательством. В Фасосе одна женщина держала и нанимала гладиаторскую труппу. Но больше всего богатых и весьма активных деловых дам мы встречаем в двух далеких друг от друга областях: строительстве и ткацком производстве.

В первом случае нашим основным источником служат сведения технического характера: распределение кирпича в I в. н. э. при перестройке зданий, прежде построенных из камня или дерева. Эта отрасль нам хорошо известна по клеймам на кирпичах и черепице⁴⁶³. В самых пространных из них содержатся сведения пяти категорий: имя собственника (*dominus*) территории, где добывалась глина, имя лица (мужчины или женщины), занимавшегося производством (*offinator*, *officiatrix*), название месторождения глины или кирпичного завода (*figlinae*), дата (по именам консулов) и тип продукта. Тщательное исследование позволило установить большинство землевладельцев; среди них много женщин из самых знатных семейств того времени, включая императорское. В этом нет ничего странного. Земельная собственность была обычной финансовой

основой крупных состояний, дававших возможность принадлежать к всадническому и сенаторскому сословию. Гораздо удивительнее интерес этих слоев общества к иным, не сельскохозяйственным источникам доходов. Еще больше поражает, как скрупулезно фиксировались не просто фамильные, но и личные имена владельцев поместий, в которых добывалась глина, что, несомненно, указывает на существование частных вложений этих лиц или их прямой контроль над производством. В таком случае упоминание женщин особенно показательно, тем более что женщины встречаются не только среди *dominae*: довольно многочисленны и *offinatrices*, то есть женщины, принимавшие прямое техническое участие в управлении мастерскими. Многие из них прямо указаны как рабыни или вольноотпущенницы владелиц земли, но в таком случае последние получают уже владелицами не только земли, но и самого производства. Попадают «дважды женские» клейма: Процилла Филадельфа работала на Юлию Альбану (CIL, XV, 1217), Стация Примула на Луциллу (либо мать, либо бабушку Марка Аврелия — CIL, XV, 129, 10, 630).

Остановимся подробнее на некоторых примерах. Флавия Сейя Исаврика известна только по двум десяткам клейм. В 115—141 гг. она занималась производством кирпичей и управляла сразу несколькими глиняными карьерами. Флавия была единоличной владелицей Аристианского⁴⁶⁴ и Целиева⁴⁶⁵ кирпичных заводов, а также еще одной мастерской, полное название которой не сохранилось⁴⁶⁶. Кроме того, она контролировала заводы Фабиев⁴⁶⁷, Публилиев⁴⁶⁸ и Тоннеев⁴⁶⁹, которые позднее передала консулу 130 г. Флавию Апру — вероятно, своему сыну. Можно считать, что эта особа, вкладывавшая деньги в земельную собственность, была настоящей деловой женщиной, владелицей крупной, хорошо организованной сети производства кирпичей и черепицы.

Другой пример — Аррия Фадилла. Он интересен, потому что на его основании можно восстановить генеалогическое древо этой дамы, а также проследить смену собственников ее заводов. Имя Аррии упоминается на 26 клеймах Цепионова завода, имевшего сложную

структуру⁴⁷⁰. Около 115 г. н. э. Аррия Фадила сменила (по наследству?) Плотию Исаврику (возможно, родственницу Флавии Исаврики) во главе отделения, именованного «От Эврипа»; позднее, около 130 г. н. э., Аррия, кроме того, стала владелицей отделения «Погонщиков мулов»; затем оба перешли к ее детям — соответственно, Юлии Лупуле и будущему императору Антонину Пию.

Среди последних известных землевладеллиц упомянем Эмилию Северу — женщину сенаторского сословия, которая в 190—200-х гг. владела Публилиевым заводом; на нее работало семь оффицинаторов и четыре негоциатора. В числе последних — патентованных торговцев — тоже встречаем двух женщин: Юнию Антонию и Юнию Сабин⁴⁷¹, а это говорит о том, что женщины могли заниматься и коммерческой деятельностью.

Цецилия Аманда в течение долгого времени — с середины 90-х до середины 10-х гг.⁴⁷² — была оффицинатрисой императорских Старых Домициановых заводов. Столь долгого срока службы женщины достигали и на других предприятиях, а это знак настоящего профессионализма. Имя оффицинатрисы Эмилии Романы, вольноотпущенницы Эмилии Северы, встречается в связи с деятельностью многих мастерских уже в начале III в. н. э. (CIL, XV, 174, 181), когда превратности наследования и политический произвол передали их большую часть в руки императора. Вероятно, она была одним из руководителей производства кирпичей для императорской фамилии.

Некоторые производители (рабы и вольноотпущенники) явно работали в составе большого предприятия как подчиненные землевладельца; другие, вероятно, выступали как предприниматели по контракту за фиксированную плату⁴⁷³ (причем из «Дигест» мы знаем, что это могли быть и женщины⁴⁷⁴), а иногда несколько заводчиков составляли настоящие промышленные компании: так, на клеймах заводов Фабия Апра мы встречаем имена компаньонов — Вибии Проклы и Тонтия Феликса⁴⁷⁵.

Кем были оффицинатрисы: директорами — администраторами или управляющими производством? Мнения историков по этому вопросу расходятся, при-

чем велик риск, что первое предположение — *petitio principii*, основанное на предвзятых посылках. Ничто не позволяет исключить, что эти женщины физически участвовали в производстве. Некоторые признаки прямо на это указывают, причем речь идет не только о простых рабочих. В республиканскую эпоху две девушки-рабыни из Пьетрабонданте (Италия), работавшие как раз на производстве кирпичей, поместили свои изделия записью (вымышленной?) разговора при их изготовлении⁴⁷⁶. Уже тот факт, что девушки умели писать (по-оскски и по-латыни), дает серьезное основание предполагать, что они принадлежали к «управляющему персоналу» мастерской.

Тот же вопрос встает и по поводу другого изделия, производившегося в стационарных мастерских: свинцовых труб, широко применявшихся в императорском Риме. На них также были клейма землевладельцев, фабрикантов, надзирателей и техников. В каком смысле возглавляли производство свинцовых труб женщины — «плюмбарии», которые, согласно клеймам, их «делали» (*fecit*)⁴⁷⁷: финансовом или техническом? В любом случае мы находим их имена даже на трубах городской канализации рядом с именами Траяна и его прокуратора императорской казны⁴⁷⁸; там же они, кроме того, именуется «поставщиками» (*praebitor*)⁴⁷⁹, что могло обозначать участие в водораспределительном «бизнесе» на высоком уровне, связанное со строительством акведуков, а не только поставку труб.

В текстильной отрасли экономики римские женщины также, быть может, играли весьма важную роль. Недавнее археологическое открытие в урочище Сан-Пьетро близ Тольво в Лукании говорит, что некая Домиция (возможно, Домиция Лепида) явно уже не пряла дома свою пряжу, а, видимо, стояла во главе большого предприятия по шерстяному производству и торговле. Эта находка — прядильное колесо из штампованной керамики с надписью: *L. Domiti Cnidi* на обеих поверхностях⁴⁸⁰, причем один его край изношен больше другого. Такие колеса — довольно тяжелые (вес зависел от сорта обрабатываемого волокна) — натягивали нить так,

чтобы ее можно было прясть; в конце процесса оно опускалось до земли, чем и объясняется изношенность одного края. На больших предприятиях шерсть мыли в кипятке, утаптывали, после чего работницам ее раздавала весовщица (иногда работникам — весовщик) — что-то вроде помощницы мастера, отвечавшая за дневную выработку шерсти. Ткать и красить пряжу могли там же или отдавать в другие мастерские.

Зачем же предмет домашнего обихода помечен именем? Вероятно, чтобы удостовериться его происхождения и качество, как делают иногда на рецептах врачей или окулистов. В своем поместье Домиция Лепида возложила надзор над прядением шерсти на вольноотпущенника Луция Домиция Книда. Сама же она приходилась теткой по отцу будущему императору Нерону, внучатой племянницей консулу 54 г. н. э. Луцию Домицию Агенобарбу, матерью жене Клавдия Валерии Мессалине. Она владела огромными землями в Южной Италии и умело распорядилась ими, что давалось совсем нелегко: в том же 54 г. н. э. она была казнена как раз за плохой надзор за своими калабрийскими рабами, а может быть, и нарочно возмущала общественный порядок⁴⁸¹. В архивах банкиров Сульпициев в ПUTEОЛАХ упоминается 40 ее поместий.

В общем, эта женщина была средоточием некоторых женских достоинств и многих пороков: отравительница, предприимчивая и ловкая, богатая и обогащавшаяся дальше, честолюбивая в политике, соперница Агриппины за влияние на молодого Нерона — тетка старалась его обольстить, мать еще надеялась подавить. Говорят, впрочем, что Агриппина и Домиция были похожи: бесстыдные, жестокие, запятнанные дурной славой, способные на все.

Но вернемся к текстильному производству. Если находка интерпретирована правильно — а ее изолированный характер еще не противоречит этой соблазнительной гипотезе, — перед нами предмет, предназначенный для продажи, но остававшийся в пользовании семейства. Теперь вспомним об эпитафиях римских рабынь, среди которых упоминается множество прях и ткачих, служащих в аристократических семьях: эти ис-

точники также говорят о существовании мастерских в больших фамилиях, причем хозяевами источники чаще называют женщин.

Таких мастерских было, очевидно, не одна и не две — на эту мысль наводят помпейские сукновальные мастерские. Действительно, в раскопанных частях кампанского города для этого ремесла предназначено поразительное множество домов, так что говорить о работе на дому никак не приходится⁴⁸². Между прочим, в одной из этих сукновален фреска, хранящаяся в археологическом музее Неаполя⁴⁸³, изображает разные стадии производства, в том числе приемку ткани, которой занимается женщина. Кроме того, некоторые женские имена читаются в избирательных надписях, нацарапанных или написанных на стенах сукновален. «Корнелия поддерживает Цецилия Капеллу на должность дуумвира для отправления правосудия»⁴⁸⁴: судя по имени хорошего семейства и заинтересованного отношения к городским магистратам, это не рабыня и не работница, а жена сукновала или хозяйка мастерской.

Помпейские сукновалы специально почтили некую Эвмахию⁴⁸⁵ — безусловно, потому, что она была городской жрицей, но как раз в том месте, где она построила здание⁴⁸⁶, являвшееся, по некоторым предположениям, рынком или «биржей». Ее богатство, несомненно, указывает на руководящую роль в ремесле, с которым она, рассуждая логически, должна была быть связана и экономически.

Но женщины занимались не только текстильным производством. В тех же Помпеях, которые позволяют пролить свет на деятельность женщин, можно прочесть объявление о том, что Юлия Феликс, дочь Спурия, «сдает внаем термы, посещаемые лучшими людьми, лавки, мезонины, квартиры во втором этаже на пять лет, считая от 13 августа, а также и на шестой год. По окончании пятого года наем продлевается простым соглашением сторон»⁴⁸⁷.

Из помпейских надписей мы знаем также о двух женщинах, Веттии и Фаустилле, занимавшихся выдачей денежных ссуд (хотя официально банковская деятельность женщинам запрещалась)⁴⁸⁸. В табличках бан-

кира Цецилия Юкунда упоминаются женщины, фигурирующие в делах как продавцы⁴⁸⁹; в недавно изданных архивах банкиров Сульпициев из близлежащих Путеол также встречаются женщины и их деловые предприятия⁴⁹⁰. Среди них, как мы только что видели, Домиция Лепида⁴⁹¹, а также, через посредничество рабынь и вольноотпущенниц, Лоллия Сатурнина⁴⁹² — не столь знаменитая, но не менее богатая сестра Лоллии Паулины⁴⁹³, которую Калигула отнял у мужа, но вскоре сам прогнал; впоследствии она чуть не вышла замуж за Клавдия и в конце концов была убита по наущению Агриппины.

Исключения или правило?

Остается последний, весьма немаловажный вопрос: какое место женщины занимали в экономике? Иначе говоря, не были ли эти «деловые женщины», промышленницы и негоциантки, исключениями, не отражающими картины в целом? Нужно отдавать себе отчет в том, что большая часть нашей источниковедческой базы связана с археологическими случайностями: развитие кирпичной промышленности при Империи и извержение Везувия в 79 г. н. э., зафиксировавшее для нас момент жизни небольшого города, дали такие источники, которые могли бы вовсе не существовать (если бы кирпичные клейма были, подобно галло-римским, просто символами или непонятными сиглами) или же не сохранились.

Изучение женских профессий по эпиграфике и анализ изображений женщин на надгробных памятниках⁴⁹⁴ также говорят о широком участии женщин в весьма разнообразных областях экономической деятельности. Перечисленные случаи надо не игнорировать, как несущественные исключения, а видеть в них лишь верхушку айсберга.

ОБРЯДЫ И БОГОСЛУЖЕНИЕ

В римской религии не было ни откровения, ни догматов, ни установленного вероучения: главным ее требованием было строгое соблюдение установленных обрядов. Но религиозная практика вовсе не исключала свободы экзегезы и умозрения, так что личности могли совершенно свободно размышлять о богах, о религии и о мире — лишь бы исполнялись должные обряды. Религиозные обязанности на человека налагали рождение, усыновление, отпуск на волю, натурализация, поскольку религия связывалась с его социальным статусом, а не с личным духовным выбором. Она была религией социальной, гражданской, строго связанной с жизнью общины. Религиозная жизнь римлян разворачивалась в нескольких планах.

Публично — на форуме, перед храмами — совершались обряды общей религии римского народа. В каждом квартале, в каждой корпорации или коллегии рамки общинной жизни и деятельности определялись полуприватными культами, в своем же кругу каждое семейство устраивало религиозную жизнь по своему усмотрению.

Кроме того, политеистический характер религии позволял вводить и интегрировать иноземные культы в той мере, в какой они не препятствовали функциони-

рованию государства. Но при всем этом разнообразии одна культура, одна традиция была общей для всех и всех объединяла. Место, которое в ней занимала женщина, было в основном схоже с ее правовым положением: ограничения в правах (кое в чем лишь теоретические и имевшие многочисленные исключения) не позволяли ей играть первые роли.

Сравнение религиозного статуса женщин с юридическим вполне обоснованно: ведь религиозные институты, как публичные, так и приватные, были связаны с государственными и покоились на том же основании — идее фундаментальной неполноценности женского пола. Можно обратить внимание на то, что одним из ее аспектов было лишение женщин прав совершать жертвоприношение⁴⁹⁵. Не потому ли, что, по преданию, первыми женщинами Рима были «иноземки» — сабинянки, похищенные, чтобы стать женами первых римлян? Так или иначе, как правило, женщины были исключены не только из политической жизни, но также из жреческой и храмовой. При всем при том существовали серьезные исключения, в некоторых обстоятельствах отводившие женщинам важную роль, однако в основе своей их отлучение от жречества не подвергалось сомнению.

Культ домашних богов

Прежде всего, существовал культ домашних богов (составлявший лишь часть приватной религии), и в нем женщина была как необходима, так и неполноправна. Главой семейного культа был «отец семейства» — отец или муж. Глава дома приносил жертвы за всю семью как в торжественных случаях, справляя главные домашние обряды, в том числе похороны и поминовение усопших, так и по мелким частным поводам — например, совершал ежедневное возлияние ларам. Но и женщина играла свою роль, о чем можно прочесть у Катона: говоря об обязанностях хозяйки (*vilicae*), он упоминает и обязанность совершать обряды, связанные с домашними ларами. Тибулл, мечтая об идеальном сельском доме,

видит, как его жена приносит богам первые колосья⁴⁹⁶. Она же занимается очагом, поддерживает порядок в ларарии. Она может получать от отца семейства полномочия, исполнять от его имени те или иные действия. Но она всегда помощница, а не глава. Кроме того, существовали оберегающие обряды, отгонявшие Сильвана, при родах и после рождения⁴⁹⁷, но их под покровом ночи исполняли мужчины, которые всю ночь бодрствовали и обходили дом с помелом Деверры, столбом Пилумна и топором Интерцидоны.

Впрочем, приватные культы, отправлявшиеся в узком семейном кругу, могли принимать и более сложные формы. Например, вакхический хоровод в италийском сенаторском семействе Гавиев, бывшем в родстве с потомками малоазиатских Помпеев Макринов, восходил как к возобновленному культу предков, так и к культу городской общины Митилен. Иначе говоря, общее празднование дионисийских мистерий происходило от брачного союза и служило их религиозным обоснованием. Но чем дальше, тем больше в них принимали участие посвященные из рабов и вольноотпущенников обоих семейств: будучи зависимы от патронов, они были обязаны справлять их домашние торжества. В итоге большая надпись⁴⁹⁸ перечисляет четыреста двадцать мистов — мужчин и женщин, делившихся на два с половиной десятка степеней посвящения; это были выходцы из самых разных слоев общества, но разница их положения не стиралась в общем культе, а воспроизводила обычное сообщество членов фамилии соответственно социальному рангу. Внутренний строй мистерий располагает посвященных в порядке субординации, соответствующей социальным установлениям: высшие ступени тиаса не связаны со степенью посвящения, а отведены социально высшей группе: мужчинам и женщинам сенаторского сословия. В частности, некоторые сенаторши упомянуты как жрицы: Помпея Агриппинилла, ее дочь (Гавия) Корнелия Цетегилла, а также, несомненно, (Корнелия) Манлиола и ее дочь (Ацидия) Манлиола.

Публичные культы и отсутствие права совершать священнодействия

Лучше всего роль или, вернее, роли женщин можно проследить в связи с публичными культами. Большие всенародные священнодействия совершали магистраты при помощи жрецов. Поскольку магистраты избирались гражданами, они делили с государством его обязанности перед богами, обладали правом религиозного законодательства и толкования воли богов (по ауспiciям или по Сивиллиным книгам), указывали решение возможных спорных вопросов. Поскольку это и есть главное в религиозной практике, можно сделать вывод, что публичная религиозная власть едва ли не целиком и полностью принадлежала мужчинам. Даже такие женские божества, как Помону, Палатую, Фуррину, а также Карменту, Флору и Цереру, представлял мужчина — фламмин. О добром произрастании злаков пеклась Дия — богиня ясного неба. По эпиграфическим памятникам мы довольно хорошо знаем жрецов, обряд и чин ее общественного богослужения — женщины в нем не играли никакой роли. То же касалось Минервы — третьей богини капитолийской триады, наряду с Юпитером и Юноной. «Кто ублажил Палладу, станет ученым» (*qui bene placarit Pallada, doctus erit*), — гласит расхожее выражение, но Минерва-Паллада была богиней всякого умения, а потому, кроме прочего, учила девушек умягчать пряжу и сматывать кудель, пускать челнок по основе и уплотнять ткань гребнем. В Риме ее праздник отмечался играми в марте, на пятый день после ид (Квинкватрии), по всей же империи ее чтили главным образом ремесленные коллегии: ведь она была богиней тысячи искусств (*milla dea est operum*)⁴⁹⁹.

Короче говоря, при любом богослужении, всегда связанном с проявлением общинной (хотя бы лишь семейной) власти, главная роль отводилась мужчинам, ибо только они были «способны» на осуществление властных функций. Обрядовые правила это подтверждают: женщины не допускались к жертвоприноше-

нию. Во-первых, ликтор изгонял их⁵⁰⁰ с некоторых общественных богослужений⁵⁰¹; во-вторых, им запрещалось молоть муку, разделявать мясо, а также пить чистое вино⁵⁰². Эти запреты, по легенде восходящие к сабинянам, касаются и приготовления основных продуктов питания, и организации жертвоприношений. Действительно, жертва начиналась с посыпания головы животному специальной мукой, само жертвоприношение осуществлял мясник, а чистое вино (*temetum*) — именно то, которое жертвуют богам, и право употреблять его имели только мужчины. Женщинам дозволялось вино «обработанное» (*vina spurca* или *dulcia*), не применявшееся для возлияний. Табу на вино для римских женщин было действительно сильным. Вот что пишет по этому поводу Авл Геллий вслед за тем же Катонем: «Те, кто писал о жизни и нравах римлян, отмечали, что в Риме и Лации женщины соблюдали трезвость и воздерживались от питья вина, которое на древнем языке называлось *temetum* (откуда и воздержание — *abstemius*). По обычаю женщины должны были целовать своих родных, чтобы те поняли по их дыханию, не пили ли они вина. Женщины, как передают, пили вино из выжимок, из высушенного на солнце винограда, мирровое вино и другие тому подобные сладкие напитки. Об этих подробностях говорится в упомянутых мной сочинениях, а Марк Катон говорит, что женщин, употреблявших вино, не просто презирали, но судьи наказывали их не менее строго, нежели за инцест и прелюбодеяние»⁵⁰³.

Когда Плутарх⁵⁰⁴, говоря о сабинянах, сопоставляет запрет молоть муку и разделявать мясо (представленный как освобождение от забот о пище) с высокой оценкой прядения и ткачества, он тем самым сводит воедино основные характеристики римской матроны. В день свадьбы супруга приходила в дом к мужу с прялкой и челноком; в то же время пол женщины делал ее неспособной отмечать важнейшие моменты жертвоприношения: умерщвление жертвы и раздачу ее мяса. Конечно, сами эти действия осуществлял не жрец, а один из его помощников (*ministri*), но власть или по-

чин женщины в таких делах также неизбежно подлежали запрету, ибо приказывать — то же, что делать.

Недопущение к кровавым жертвам допускало некоторые исключения, строго ограниченные, но оттого не менее важные. Они освящали необходимое и вместе с тем второстепенное место женщины в римской религии. Хотя по преимуществу основные жреческие должности в Древнем Риме отводились мужчинам, но некоторые, и далеко не последние, из них были исключительно женскими — прежде всего служение Весте.

Жрицы Весты

Весталки были одной из важнейших общих жреческих коллегий, которая серьезно затрагивала сферу деятельности мужчин и возвышала женщин до такой степени ответственности, что их роль при всех ограничениях становилась огромной. Кто же они были? Каковы были их задачи и привилегии?

В коллегию весталок, числом шесть человек, верховный понтифик «брал» из девочек хороших семей сначала произвольно, затем по жребию из первоначально отобранных двадцати имен; не позднее, чем при Империи, допускалась возможность представления одной кандидатуры. Главным требованием к *virgines vestales* была девственность. Девочек выбирали в возрасте от шести до десяти лет, то есть неполовозрелых, а срок их службы продолжался тридцать лет: десять лет они учились, десять — совершали богослужения, десять — учили других. Затем они имели право оставить жречество и выйти замуж, но видно, что некоторые предпочитали оставаться на посту. Так, Юния Торквата служила весталкой шестьдесят четыре года⁵⁰⁵, а Окция пятьдесят семь⁵⁰⁶. Не совсем понятно, были ли установлены законом требования к семьям весталок, кроме того, что будущая жрица должна была быть *patrima et matrima* — иметь двух живых родителей, никто из которых не занимался порочащим ремеслом, и проживать в Италии; Август, кроме того, узаконил выбор в весталки дочерей вольноотпущенников. Ясно, что первоначально выби-

рали только среди патрицианок, потом круг расширили за счет дочерей плебеев, но из того, сколько девиц из лучших семейств мы встречаем в числе весталок, видно, что в течение всей классической эпохи эта служба считалась весьма почетной. К тому же к ним предъявлялись строгие физические требования («не допускаются косноязычные, тугие на ухо, имеющие явные телесные увечья»⁵⁰⁷) и юридические критерии (например, не принимались эманципированные). Если семья уже дала римскому государству жрецов, ей было положено возмещение расходов, но на него, по-видимому, не всегда претендовали: настолько почетна была сама служба. О ее престижности свидетельствует также приданое, которое получали «в утешение» девушки, не допущенные к жречеству⁵⁰⁸. Нравственные и социальные критерии, о которых косвенно дает понятие Авл Геллий, перечисляя законные предписания, также играли свою роль: в 19 г. дочь разведенных супругов была исключена из весталок. Во время церемонии вступления в должность (дословно «взятия» — *captio*), весьма схожей с римской церемонией брака, великий понтифик произносил такую ритуальную фразу: «Дабы исполнять священные обряды, которые правило предписывает исполнять весталке римского народа и квиритов ради, избранную по чистейшим законам, беру тебя, возлюбленную, жрицей весталкой». С этого момента весталка выходила из-под отеческой власти и переходила на жительство в «атрий Весты».

Целомудрие и девственность

Весталка должна была соблюдать множество предписаний, первое и главное из которых — целомудрие: не просто «стыдливость» матроны, но обет девственности, строжайшее половое воздержание во все время службы. О сексуальном статусе весталок написано много. Собственно, весталки, всегда носившие прическу новобрачной с шестью косами (во время церемоний голова накрывалась «суффибулом» — белой вуалью), длинное платье, покрывало и головную повязку

матроны, занимали промежуточное положение между девицей и матроной. Это «смешанное», «интерстатусное», как его называли, положение, стоявшее за рамками обычных категорий, символизировало единство и целостность государства. Им и объясняется то, что весталки могли осуществлять некоторые из мужских религиозных полномочий.

Понятие девственности тесно связано с чистотой. По образу богини огня⁵⁰⁹, весталки должны были сохранять чистоту. Потеря невинности делала их нечистыми, а значит, непригодными для служения Весте. Но идея чистоты была шире, чем просто целомудрие. Поводом для исключения (временного) из атрия Весты на форуме, где весталка жила все тридцать или более лет своего служения, могла быть также болезнь. При Империи, согласно новым представлениям о гигиене, оформленным главным образом Сораном, считалось, что девственница не так рискует тяжело заболеть, как женщина.

Болезнь

Затянувшееся девство сохраняло от многих неприятностей, а материнство, хотя общество и считало его основным предназначением женщины, не обязательно являлось личным стремлением. Было замечено, что «из женщин менее всего подвержены болезням те, кто вследствие законного запрета или служения тем или иным богам воздерживаются от всякого полового сношения». Говорят, что такие женщины, бывает, толстеют до невозможности, но если и толстеют, то не из-за девственности, а из-за праздности⁵¹⁰. Впрочем, условия жизни весталок были не так хороши: они вели неподвижный образ жизни в сыром помещении, частично выкопанном в Палатине. Мы знаем от Плиния, что к его родственнице Фаннии — дочери, внучке и жене стоиков, которая около 107 г. сама возвратилась из изгнания, — прислали весталку Юнию, явно болевшую туберкулезом. Дело в том, что в случае болезни весталку вверяли попечению и охране какой-либо матери се-

мейства, поскольку в родную семью их возвращать не разрешалось. На сей раз великодушная хозяйка сама заразилась от больной и умерла⁵¹¹.

Функции

Первейшая функция весталок — под началом «великой» (старейшей) весталки (*virgo Vestalis maxima*) поддерживать и стеречь огонь в очаге общего алтаря в святилище Весты. Этот огонь был самой богиней, и его сохранение обеспечивало нерушимость государства. За весталками закреплялась и еще одна важнейшая для существования Римского государства обязанность: хранение *sacra* — священных предметов, прибывших из Трои, которые оберегали Рим. Среди них был «Палладий» — деревянная статуя Афины Паллады (у римлян Минервы), вынесенная Энеем из горящей Трои и доставленная им в Лавиний, откуда ее перевезли уже в Рим. Эти предметы — «власти залогов»⁵¹², с уничтожением которых должен был разрушиться и Рим⁵¹³, — хранились в храме Весты, куда не мог входить никто, кроме жриц⁵¹⁴, кроме одной недели с 7 по 15 июня, когда вход был открыт для матрон. Таким образом, на весталках лежала очень серьезная ответственность.

Наказания

Крайне серьезны были и наказания, которым они подлежали. Весталки находились под началом великого понтифика, который, если по их вине угасал огонь, мог подвергать их телесным наказаниям (бичеванию, порке). Преступление же, называвшееся «инцестом» (*incestum*) — несоблюдение обета девственности, — наказывалось смертью: это преступление нарушало или грозило нарушить согласие с богами, Город осквернялся, сама весталка для него становилась социально мертва, а потому ее следовало зарыть заживо. По крайней мере именно так толкуют ритуальную церемонию, описанную Плутархом: виновную весталку зарывали в землю в городе, у Коллинских ворот. В принципе его рассказ абстрактен и теоретичен, но

подробность описания заставляет задуматься, не было ли у него личного опыта присутствия при такой церемонии: «В склоне холма устраивают подземное помещение небольших размеров с входом сверху; в нем ставят ложе с постелью, горящий светильник и скудный запас продуктов <...>: римляне как бы желают снять с себя обвинение в том, что уморили голодом причастницу величайших таинств <...>. Осужденную сажают на носилки, снаружи так тщательно закрытые и забранные ременными переплетами, что даже голос ее невозможно услышать, и несут через форум. <...> Наконец носилки у цели. <...> Глава жрецов, тайно сотворив какие-то молитвы и простерши перед страшным деянием руки к богам, выводит закутанную с головой женщину и ставит ее на лестницу, ведущую в подземный покой, а сам вместе с остальными жрецами обращается вспять. Когда осужденная сойдет вниз, лестницу поднимают и вход заваливают, засыпая яму землю до тех пор, пока поверхность земли окончательно не выровняется» (Нума, 10). Соучастник преступления наказывался изгнанием или также смертью. Римская история всех времен убеждает, что эта жестокая казнь — не легенда и несколько женщин действительно так погибли. Имена некоторых императоров связаны с особой суровостью к согрешившим весталкам: Домициан (впрочем, он позволил сестрам Окулатам умертвить себя добровольно)⁵¹⁵; Каракалла, обвинявшийся в изнасиловании весталки Клодии Леты, которую он затем сам осудил за «инцест»⁵¹⁶.

Особенности положения весталок

Некоторые обряды, например мытье храма Весты, имели «домашний» характер, но при самых важных из них весталки соприкасались с тем, что в нормальном случае женщинам было запрещено: с помолом зерна и приношениями жертв. В мае жрицы Весты принимали участие в обжарке, толчении и помоле полбяных зерен (*far* для *confarreatio*); трижды в год они добавляли в эту муку каменную и выпаренную соль, так что получалась

mola salsa⁵¹⁷ — жертвенная соленая мука, которой посыпали животное, приносимое в жертву на публичных жертвоприношениях и вообще в жертву всяким богам. С этой мукой весталки присутствовали при жертвоприношениях, куда они, как женщины, не должны были бы допускаться. Но их особое положение в смысле «неспособности» к кровавым жертвам шло еще гораздо дальше. В самом деле: весталки имели право носить жертвенный нож, так называемую «сецеспиту», и, следовательно, приносить жертвы. Были этими жертвами животные? Некоторые детали позволяют предположить, что они словом и делом участвовали в жертвенных обрядах. Например, на Фордицидиях 15 апреля, когда в жертву Теллуре приносили стельную корову, великая весталка вынимала и сжигала плод, пепел которого служил для очищений 21 апреля. 21 августа на празднике урожая фламмин Квирина и весталки приносили жертву богу Консу. Быть может, они только присутствовали при этом? Но как тогда быть с их присутствием на церемониях (и жертвоприношениях) в честь Доброй Богини? Туда мужчины вообще не допускались.

Привилегии и светская жизнь

Весталок сближали с мужчинами и некоторые привилегии⁵¹⁸: они могли составлять завещания и вести свои дела без опекуна; могли свидетельствовать и сами себя защищать перед судом понтификов; при «взятии» они, согласно Титу Ливию, получали жалованье от казны (*stipendium de publico*)⁵¹⁹; кроме того, они имели ликторов, подобно магистратам, и могли передвигаться в носилках. Для сопровождения и помощи при различных обязанностях они имели общественных, а также, видимо, и собственных рабынь. Кроме того, весталки обладали правом помилования. Если весталка случайно встречала осужденного, которого вели к месту казни, тем самым она спасала ему жизнь. Если же кто-либо дерзал пройти под ее носилками, он карался смертью.

Строгости и целомудрие не означали, что у весталок не было светской жизни. Макробий сообщает нам⁵²⁰,

что четыре весталки были на роскошном пиру по случаю инаугурации нового фламينا Марса около 70 г. до н. э. — таком богатом и экстравагантном (*luxuriosus*), что он послужил писателю образцом чрезмерной застольной роскоши. В императорскую эпоху социальное положение жриц стало еще выше: к примеру, на играх и в театре весталки сидели вместе с дамами императорской фамилии⁵²¹. Итак, они могли, поднявшись на императорский подиум, все хорошо видеть, но их самих тоже видели, что не было лишено щекотливости: всякий мог судить о том, как они распоряжаются жизнью и смертью бойцов, от чего в этих строго кодифицированных увеселениях нельзя было уклониться.

Политическая роль

Некоторые весталки играли и политическую роль. При Республике была известна одна весталка из рода Клавдиев, которая, «когда ее брат справлял триумф против воли народа, вошла к нему на колесницу и сопровождала его до самого Капитолия, чтобы никто из трибунов не мог вмешаться или наложить запрет»⁵²². Отвлекаясь от анекдотического характера этого случая, надо отметить, что личность жрицы была неприкосновенна даже для народного трибуна, а также то, что весталка, невзирая на законы, исключавшие ее из родственных связей, оказала родичу политическую поддержку. Цезарь избежал сулланских проскрипций не иначе как «с помощью дев-весталок» (*per virgines vestales*)⁵²³.

Прямым вмешательством в политику можно считать роль весталок в «деле Катилины»: ведь именно праздником Доброй Богини, состоявшимся в доме Цицерона (консула 63 г. до н. э.), была отмечена роковая ночь после ареста заговорщиков. Над пеплом жертвы вспыхнул огонь; жрицы сочли это знамение (*omen*) и послали Теренцию — жену оратора — «сказать, чтобы он смелее выполнял задуманное ради спасения отечества»⁵²⁴. На третий день Цицерону с помощью Катона Утического, несмотря на сопротивление Цезаря, удалось добиться казни заговорщиков. Лициния — одна из

весталок, присутствовавших на упомянутом пиру в 70 г. до н.э., незадолго до того оправдавшаяся от обвинения в инцесте, играла роль в избирательной кампании своего родственника Гая Лициния Мурены, консула 62 г.⁵²⁵, а между тем результат этих выборов был оспорен и послужил поводом для обвинения в заговоре. Цицерон же считал, что это была вполне нормальная родственная услуга.

Оратор даже обратился к примеру весталки Фонтеи в речи на процессе ее брата Марка Фонтея, обвиненного в разграблении Трансальпинской Галлии во время своего наместничества: «Не допустите, судьи, чтобы стенания этой весталки каждодневно напоминали о вашем суде при алтарях бессмертных богов и Весты-матери. Да не скажут, что вечный огонь, содержимый ночными трудами и бдениями Фонтеи, угас от слез вашей жрицы. <...> Помыслите, сколь неосторожно и высокомерно будет с вашей стороны отвергнуть ее мольбы: ведь если бы и боги не слышали молений, держава наша не устояла бы». Таким образом, даже с поправкой на риторизм судебной речи, кажется очевидным следующее: считалось, что публичное упоминание весталки могло растрогать судей. То же самое случилось при Империи в 22 г. н. э.: Гай Юний Силан был обвинен в злоупотреблениях при управлении провинцией Азия. Его дело разбирал сенат в присутствии Тиберия, но благодаря вмешательству сестры проконсула Юнии Торкваты — «девы древнего благочестия» (*priscae sanctimoniae*) наказание свелось к изгнанию⁵²⁶.

Вителлий, попав в Риме в затруднительное положение, предложил сенату «отправить послов и девственных весталок с просьбой о мире или хотя бы о сроке для переговоров»⁵²⁷, но партия Флавиев была слишком сильна, и гражданская война не прекратилась.

И в менее чрезвычайных обстоятельствах весталки, конечно же, оказывали покровительство патронального типа для политической или служебной карьеры⁵²⁸. Самые ранние из точных данных на этот счет, дошедших до нас, относятся к III в. н. э., но некоторые признаки показывают, что действия такого рода бывали уже в республиканскую эпоху.

Царица жертвоприношений и фламиника Юпитера

Приносить жертвы могли также еще две жрицы: фламиника Юпитера и *regina sacrorum*. Их статус резко отличался от статуса весталок: они были жрицами в составе супружеской четы. Их супруги — фламмин Юпитера и *rex sacrorum* соответственно — были непременно патрициями и могли исполнять жреческие обязанности, только состоя в браке. После смерти жены фламмин Юпитера должен был оставлять свой пост, разводится ему, как правило, тоже не дозволялось. Плутарх прибавляет к этому⁵²⁹, что существует длинный список церемоний, которые фламмин может совершать не иначе как в присутствии супруги. Чета фламиннов была нераздельной парой и жреческие функции исполняла именно в этом качестве; посему надо полагать, что жреческая власть фламиники была прямым следствием такого союза.

О «царице жертвоприношений» известно довольно мало, но мы знаем, что на календы (первый день каждого месяца) она приносила в жертву Юноне свинью или овечку, а значит, участвовала в заклании.

На статусе *flaminica Dialis* интересно остановиться поподробнее: ведь другие фламиники (супруги фламиннов Квирина и Марса) упоминаются очень редко. Можно ли предположить, что и те участвовали в подобных обрядах? Наряд фламиники включает некоторые обязательные предметы: фламмей (покрывало новобрачной), обувь из кожи жертвенного животного, тутул — особую прическу в виде высокого шиньона, подвязанного священными лентами, к которой во время принесения жертвы привязывали ветку граната⁵³⁰. Эти особенности трактуют как знак того, что фламиника символизирует не действительное, а потенциальное плодородие. Так же предлагается понимать и некоторые элементы обряда конфарреации⁵³¹ (бракосочетания фламиннов), а именно: будущие супруги садились в приставленные друг к другу кресла, покрытые шкурой жертвенного агнца; обряд совершал великий понтифик при свидетелях, олицетворявших участие в нем

разных слоев общества, чем удостоверялись обязательства супругов перед всем городом; самое главное — они делили священный хлеб, что, как и всякая совместная трапеза, было символом союза, но в данном случае речь идет о совершенно особом продукте: полбе (*far*), том самом злаке, из которого весталки делали соленую муку (*mola salsa*). Во фламины Юпитера можно было «взять» только мужчину, сочетавшегося браком по обряду конфарреации, из-за чего их бывало трудно подобрать⁵³². Юридические требования к этому древнему обычаю брака — передачи под власть мужа (*manus*) — были таковы, что их пришлось смягчить, ограничив одной лишь религиозной областью.

Не будем задерживаться на многочисленных предписаниях и запретах, касавшихся фламиники и четы фламинов — например, на требованиях к их ложу, ножки которого должны были быть слегка обмазаны грязью в знак укорененности фламинов в Риме (фламин не мог и отлучаться от своего ложа больше чем на три ночи). Но факт, что фламиника должна была сама ткать ритуальное облачение своего супруга («лену»), к покрою, материалу и способу изготовления которой предъявлялись строгие требования, — не просто напоминание об идеале женщины — пряжи и ткачихи: только рука супруги может прикасаться к одежде фламينا, как только он один может ложиться на супружеское ложе; чье-либо иное прикосновение оскверняет ее. В определенные периоды года вводились различные табу, связанные с запретом на бракосочетание и с поведением фламиники: в некоторые дни марта⁵³³ и июня⁵³⁴ она должна была ходить с распущенными волосами, а в мае — носить траур⁵³⁵. Возвращаясь к жертвоприношениям, скажем, что фламиника носила такой же жертвенный нож, как весталки, и некоторые жертвы приносила вместе с мужем. Кроме того, она должна была приносить в жертву Юпитеру барана по базарным дням (нундинам — «каждый девятый день»)⁵³⁶, подражая служению фламينا и дополняя его — фламин приносил в жертву овна каждые иды.

Таким образом, активная роль этих жриц, которая дополняла служение их мужей, бывших в числе почет-

нейших жрецов Рима, была весьма значительна: их жертвы приносились божествам, ведавшим ходом времени. Но за рамки общих ограничений на участие в жертвоприношениях они были выведены, возможно, именно благодаря единству их брачной четы, олицетворявшей чету идеальную, чистота которой служит залогом действенности обряда.

Эти случаи были далеко не единственными исключениями из правил. Право приносить жертвы имели и другие жрицы, хотя мы и не можем точно понять почему. Таковы были салийские девы, о которых известно очень мало. Они носили «апекс» (остроконечный колпак) и воинский плащ салиев — жрецов, приносивших жертвы при начале и окончании войны. Салийские девы, будучи женской частью этой корпорации, приносили жертвы в древнем царском дворце (вероятно, Регии). Совершали жертвоприношения и некоторые жрицы культов иноземного происхождения, прижившихся в Риме: Цереры на Авентине, Кибелы и Исиды.

Женские священнодействия

Но не только жрицы справляли самостоятельные религиозные церемонии и даже не только они приносили жертвы. Варрон прямо говорит, что по «римскому обряду» женщины совершают жертвоприношения, накрывшись покрывалом⁵³⁷, и некоторые изображения сохранили для нас картины таких женских богослужений.

По некоторым праздникам матронам полагалось совершать обряды, включавшие бескровные жертвоприношения.

Юнона

1 марта, на женские календы (*femineis kalendis*)⁵³⁸, или Матроналии, матроны приносили ладан и цветы Юноне Луцине на Эсквилине:

Чтите богиню цветами! Цветы желанны богине!
Нежным цветочным венком все обвивайте чело⁵⁹⁹.

Они получали подарки от супругов, совершали моления pro laude virorum («о славе мужей») и устраивали обед для своей фамилии. Сама дата объясняет этот обычай: 1 марта некогда было началом года. Таким образом, возникает параллель с декабрьскими Сатурналиями, когда подарки дарят мужчинам и рабы меняются местами с господами, и с новогодними пожеланиями. Но при чем тут Юнона Луцина, ведавшая родами, для которой мартовские календы — также годовой храмовый праздник?

7 июля, на Капротинские ноны, матроны с рабынями справляли праздник женской плодовитости, принося в дар Юноне под дикой смоковницей млечный сок этого же дерева. Об этой церемонии сказано много, особенно о символике смоковницы и козы (или козла), с которыми связаны и название праздника, и эпитет самой богини. Уже в древности пытались найти историческое объяснение ритуалам, объединявшим свободных женщин с несвободными, причем последним дозволялась неслыханная вольность поведения. Считалось, что праздник напоминает о героической преданности рабынь, которые в незапамятные времена, переодевшись, якобы заняли место своих хозяек, взятых заложницами, перепили врагов и зажгли факел под покрывалом, дав римлянам знак, что можно истребить недругов. Но это всего лишь этиологическая легенда, придуманная для обоснования некоторых элементов обряда.

Мать-Матута

Другой древний обряд — Матралии 11 июня — включал действо, вероятно, весьма характерное для всех женских обрядов. Матроны отправляются в храм Матери-Матуты на Бычьем форуме и вводят в него рабыню, которую потом яростно изгоняют бичом. Другой момент этого ритуала: каждая матрона берет на руки ребенка своей сестры и, качая и лаская его, просит

богиню о благосклонности. Овидий плохо понимает дошедшие до него обряды (Фасты, VI, 475—483):

Добрые матери, вам (Матралии — это ваш праздник)
Желтой богине пирог надо фивянке нести.

.....
Что за богиня она, зачем служанок от храма
Гнать ей (а гонит!), к чему надобны ей пироги, —
Ты объясни мне, о Вахх...

На самом деле Мать-Матута («Утренняя») — богиня зари, и пирог ее как раз утреннего цвета. По толкованию Дюмезиля, основанному на сравнительном анализе с ведической мифологией, матроны изображают, как Матута прогоняет ночной мрак, а также ее любовь к Солнцу, сыну Ночи (сама же она — сестра Авроры). Капротинские ноны, возможно, также связаны с этим праздником, поскольку теоретически (если бы республиканский календарь был точен) они проходили в первые ноны (первую лунную четверть) после летнего солнцестояния, когда солнечный день начинает уменьшаться, вплоть до зимнего солнцестояния.

Венера — Обратительница сердец и Мужская Фортуна

Тот же Овидий⁵⁴⁰ описывает праздник Вертикордии 1 апреля:

Лации жены, невестки, все чтите богиню, равно как
Вы, кто ни лент, ни одежд длинных не смеет носить⁵⁴¹,
С мраморной шеи ее золотые снимите мониста
И драгоценности все: нужно богиню омыть.
Высушив шю, ей вновь золотые наденьте мониста,
Свежие надо цветы, свежую розу ей дать.
Вам повелела она себя вымыть под миртом зеленым...⁵⁴²

.....
Знайτε еще, почему Мужской Фортуне вы ладан
Курите там, где вода теплой струею течет.
Женщины входят туда, свои покрывала снимая, —
Всякий заметен порок в их обнаженных телах, —
Все это скроет из глаз мужей Мужская Фортуна,
Если ее умолить, ладаном ей покурив.

Календарь Пренесты⁵⁴³ дает другое объяснение (возможно, дополнительное): женщины — во всяком слу-

чае, женщины скромного состояния, так называемые *humiliores*, — в этот день мылись в части терм, обычно предназначенной для мужчин, «потому что именно в этом месте мужчины обнажают ту часть тела, которой добиваются женской благосклонности». Но вернемся к Овидию:

Не упусти же и мак растереть с молоком белоснежным,
Не позабудь и про мед, выжав из сотов его.

Речь идет о «коцете» — возбуждающем питье, которое обычно давалось новобрачной. Итак, вероятно, речь здесь идет об одном приношении (ладан и цветы) двум богиням, которое совершали женщины всех слоев общества, воспроизводя некоторые предсвадебные обряды, испрашивая удачные половые и супружеские связи.

Обратим внимание, что при всех этих различных церемониях женщины совершают публичное богослужение, прямо их касающееся, поскольку речь здесь идет о плодovitости и сексуальности. Но у нас так мало источников, что мы не можем знать точно, ни что делали матроны на этих церемониях, ни как они совершались, ни почему совершались такие-то действия. В особенности это относится к двойному празднику Карменталий 11 и 15 января (угодные богам нечетные числа до и после ид).

Кармента

Алтарь Карменты, или Карментиды, находился на Бычьем форуме и, по преданию, поставлен Эвандром, сыном богини. Римляне исторической эпохи плохо понимали этот архаический культ; они видели в Карменте то покровительницу родов⁵⁴⁴, то богиню-пророчицу⁵⁴⁵. Согласно Овидию, 11 января посвящено мальчикам, 15 января — девочкам. В легендах, объясняющих праздник, говорится также о «забастовке» матрон, якобы отказавшихся рожать и принимавших abortивные средства⁵⁴⁶. В отношении обряда известно, что в этом храме было запрещено варить пищу, что женщины приноси-

ли богине какие-то жертвы, что жрец (фламин Карменты) произносил сакральную формулу в храме у Карментальских ворот, причем на церемонии присутствовали понтифики. Итак, это был вполне официальный, публичный культ, касавшийся женщин, но отправлявшийся вместе с мужчинами или одними мужчинами.

В той же связи можно вспомнить и Луперкалии — праздник 15 февраля, известный главным образом благодаря особым жрецам (луперкам). Они приносили в жертву Фавну козла, а затем делали из его кожи плетки, которыми хлестали всех встречных, а особенно женщин — обряд плодородия⁵⁴⁷ или, скорее, общее очищение Города: февраль вообще был месяцем очищений и погребальных треб.

Надо упомянуть еще о некоторых женских церемониях, подчас весьма важных в публичном культе, причем некоторые из них включали настоящие жертвоприношения животных.

Женская Фортуна

Так, например, 6 июля матроны отправлялись в окрестности Рима, на границу древней городской территории, и справляли праздник Женской Фортуны, жрица которой была непременно единобрачной. В этом обряде все неясно. До нас дошло от него только этимологическое сказание⁵⁴⁸: во время войны с изгнанным Кориоланом, после того как послы-мужчины дважды потерпели неудачу, женщины отправились в неприятельский лагерь и добились снятия осады. В «награду» они получили храм, воздвигнутый на месте их подвига, право приносить там жертвы, а также самим воздвигнуть вторую статую рядом с изображением, поставленным за счет государства. «К этой статуе женщины, бывшие второй раз замужем, не прикасались и не венчали ее»⁵⁴⁹. Центральный обряд праздника Женской Фортуны — замена оружия на женскую столу: женщины действовали как мужчины, вместо и на месте мужчин как на войне, так и в религии. Чтобы оправдать в глазах римлян исторического периода странные привилегии,

которыми пользовались женщины в этом храме, требовалась ссылка на Фортуну, статуя которой будто бы заговорила, приветствуя подвиг матрон.

Стыдливость

Еще меньше известно о культе Стыдливости (*Pudicitia*) — идеальной сексуальной чистоты женщин, о которой здесь так много сказано. В первые годы III в. до н. э. некая патрицианка, выйдя замуж за плебея, учредила культ Плебейской Стыдливости, вторившей патрицианскому культу. Тит Ливий⁵⁵⁰ добавляет, что право приносить жертвы двух разных видов в двух местах имели только матроны, лишь один раз бывшие замужем, известные добродетелью. И здесь женщины совершали мужские поступки: было признано, что они способны основать культ и принести жертву.

Добрая Богиня

Но если какой-либо публичный женский культ оставил глубокий след в римской истории, то это, несомненно, культ Доброй Богини (*Bona Dea*) — архаический римский или пришедший из Великой Греции, а может быть, и то и другое. Ее праздник совершался в два этапа. Сначала 1 мая в храме на скале у подножия Авентина⁵⁵¹ приносились жертвы и, вероятно, совершались игры. Об этом храме известно мало: только то, что в него отнюдь не допускались мужчины, вино (вернее, название вина) и мирты, но зато там жили змеи. В ночь же с 3 на 4 ноября совершалось второе богослужение, известное гораздо лучше⁵⁵² благодаря происшествию, случившемуся в 63 г. до н. э. у Цицерона, а главным образом — кощунству, совершенному Клодием год спустя⁵⁵³. В доме магистрата, обладавшего верховной властью (консула или претора), при закрытых дверях собирались высокопоставленные матроны со своими рабынями, все же мужчины, жившие в доме, должны были его покинуть. Праздник возглавляла хозяйка дома — вернее (согласно Плутарху), старейшая из женщин в доме. Матроны, совершавшие обряд

от имени римского народа (*pro populo*), вдевали в волосы пурпурные ленты, украшали дом арками из ветвей (кроме миртовых), приносили в жертву свинью, совершали возлияния вина (которое при этом называлось «молоком», а амфора для него — «горшком меда»), пели и плясали. В обряде принимали участие весталки, осуществлявшие общее руководство или, скорее, обладавшие правом инициативы и юрисдикции в священнодействиях; после скандала 62 г. сенат велел им совершить возобновление (*instaurato*) оскверненного ритуала. Таким образом, это был действительно публичный культ, на котором сходились весталки и женщины из семейств, давших Городу крупнейших магистратов. Матрона, председательствовавшая при этом, осуществляла необходимое женское восполнение религиозных обязанностей своего супруга; нарушались два запрета для женщин: они приносили в жертву животное и пили на пиру вино, где, как участницы жертвоприношения, делили между собой мясо жертвы (кроме «абдомена», посвященного богине) и вино возлияния.

Секулярные игры

Процессии, моления и пиры, куда ради восстановления согласия между римлянами и их божествами приглашали самих богов (их клали на ложа вокруг стола — *lectisternia*) или богинь (их сажали на кресла — *sellisternia*), при Империи стали играть особенно важную роль во время Секулярных игр. История этих игр при Республике известна мало, но в 17 г. до н. э. Август «в пятый раз от основания Города» с великой пышностью справил их, чтобы символически завершить «век» (*saeculum*) — сто десять лет римской истории. Позднее Домициан, иначе считавший годы, провел Секулярные игры в 88 г. н. э., а Септимий Север — в 204 г. (врач Гален рассказал о несчастном случае, который произошел на них с одним мальчиком). Эти празднества принадлежали к роду обрядов, у римлян называвшемуся греческим, частью которого были большие процессии. Взрослые девушки

(puellae) пели торжественную песнь (carmen) — для игр 17 г. до н. э. ее сочинил Гораций. Праздник начинался в ночь с 31 мая на 1 июня с жертвоприношения Паркам. На другой день Юпитер Капитолийский принимал жертву белых быков, а Юноне приносили белую телку. Далее мы остановимся главным образом на празднествах 204 г. н. э., потому что сохранилась большая часть эпиграфического отчета о них. 2 июня после жертвоприношения Юпитеру и жертвенного пира в Капитолии император Септимий Север с сыновьями Каракаллой и Гетой, префектом претория и коллегией жрецов публичного культа (XVviri sacris faciundis) пришли во внутреннее святилище (cella) Юноны Царицы. Там в присутствии двух весталок император продиктовал своей супруге Юлии Домне и ста девяти матронам (то есть замужним женщинам, имеющим детей) сенаторского и всаднического сословия молитву к Юноне о сохранении и возрастании власти и могущества римского народа, о вечном его единстве, победах и силе, о защите римского народа и его легионов, о целостности и дальнейшем расширении Римского государства. После этого справили селлистерний Юноне, на следующий день — Юноне и Диане, а 4-го числа «справили свои (sua) селлистернии, как и в предыдущие дни, зарезали молодых свиней, и потребили их на жертвенном пиру, и исполнили пляски»⁵⁵⁴.

Таким образом, матроны во главе с самой почтенной из них — императрицей — отправляют свой собственный (sua) культ; их жертвы приносятся не за стенами частного дома, как жертвы Доброй Богине, и не вне городских стен, как жертвы Женской Фортуне, но в самом центре Города, на Капитолии, в точном соответствии с обрядами, которые совершает император с мужчинами. Но последовательность тех и других ясна: матроны свои молитвы возносят во вторую очередь; они преклоняют колени, а император (он же великий понтифик) произносит формулу; весталки безмолвствуют; таким образом, реальная религиозная власть принадлежит понтифику. Итак, во время этих масштабных богослужений женщины необходимы, но играют второстепенную роль.

Среди форм официального культа была по крайней мере еще одна, прямо касавшаяся женщин: императорский культ. Будущий Август причислил к богам Юлия Цезаря. Сам он удостоился этой чести в результате постановления сената, а за ним многие другие императоры и члены их фамилий. К этому прибавлялся культ Рима и Августа, более или менее спонтанно установившийся в Империи и публично организованный на разных административных уровнях. В провинциях в данном случае существовали особенности, весьма существенные для женщин. Наряду с культом капитолийской триады⁵⁵⁵ императорский культ был единственным обязательным для колоний и муниципий. Нас сейчас интересует не сложный комплекс религиозных и политических достоинств, приписывавшихся живым и мертвым императорам, а тот факт, что императрицы и женщины из императорского окружения после смерти также признавались *Divae* — обожествленными; они обретали свой культ, храм и жриц; таковы Ливия — жена Августа, Пoppея — жена Нерона, Марциана и Матидия из семейства Траяна, Плотина, Сабина и две Фаустины — жены Антонинов. Но некоторых из них почитали уже при жизни, уподобляя кому-либо из известных богинь. Выбор совершался на основании какого-либо признанного, придуманного или желаемого сходства императрицы с богиней или под воздействием тех или иных обстоятельств.

Подобное уподобление стало источником богатейшей, прекрасной и разнообразной иконографии, главным образом в форме монет и статуй. Как правило, эти женщины-богини имели отличительные атрибуты соответствующего божества (колосья, цветы, плоды, колчан, полумесяц), рядом с ними мог быть изображен бог-супруг, но у них сохранялись характерные портретные черты и модная прическа. Такие оригинальные художественные гибриды были весьма популярны и представляли собой очень ловкое средство пропаганды: женщины и их дети придавали мужской пропаганде некоторое обаяние. Так, Ливия, обожествленная позднее под именем божественной Августы, изобража-

лась также как Фортуна или Церера. На статуе в Капитолии ее лицо вполне узнаваемо, но диадема украшена колосьями и маками Цереры. Во II в. Фаустина Младшая — дочь Антонина Пия и Фаустины Старшей, супруга Марка Аврелия, мать многочисленного потомства, в том числе двух пар близнецов, — могла изображаться как Венера с Марсом, как в группе из Остии⁵⁵⁶, где божества напоминают внешностью императорскую чету в молодости, благодаря же плодовитости она стала особенно значимой фигурой в династической и семейной политике: мы видим ее в образе Вечности (Aeternitas) и матери воинских лагерей (Mater castrorum). Юлия Домна, уподобленная покровительнице Карфагена, получила официальное посвящение, прямо к ней обращенное: «Юлии Августе, богине небесной, матери императора Каракаллы, матери сената, отечества и воинских лагерей»⁵⁵⁷.

В расчет следует принимать не только собственно императорскую точку зрения. Подобаает также поинтересоваться практикой этих культов и созданных ради них священнодействий. Женщины прямо участвовали в них, начиная с Ливии, которая после смерти Августа получила титул жрицы Августа обожествленного (sacerdos divi Augusti), которой, если она отправлялась куда-нибудь в силу своих религиозных обязанностей, полагался почетный охранник с фасциями — ликтор⁵⁵⁸. Но прежде всего мы остановимся на многочисленных жрицах из италийских и провинциальных элит: ведь в большинстве областей эти и только эти священнодействия были единственной формой публичных функций, на исполнение которых могла надеяться женщина. Эти жрицы, либо являвшиеся флами́нками божественной Плотины⁵⁵⁹ или «божественных Август»⁵⁶⁰, либо вместе с мужем составлявшие чету фламингов (провинция Тарраконская Испания) или великих жрецов (провинция Азия), получали в провинциальном обществе высокое, завидное место, благодаря которому принимали участие в официальной жизни муниципий, колоний, городов, а также в больших манифестациях провинциалов перед наместником. Не забудем и об открывавшихся для них возможностях благотворитель-

ности, также обосновывавшей и укреплявшей порядок в обществе и притом обеспечивавшей место на виду у публики, завидное и возбуждавшее зависть.

Различные формы политеизма

Диана, Церера и Флора

Этим не исчерпываются все аспекты участия женщин в римской религиозной жизни. Например, наше внимание могла бы привлечь главная лунная богиня Диана, праздник которой приходился на иды августа. Но ее культ, кажется, был сравнительно мало развит, а ее значение как покровительницы родов, видимо, затмевалось Юноной Луциной и Карментой, у которых также была эта прерогатива. Кроме того, имело значение, что это была латинская богиня, некоторым образом похищенная Римом по праву завоевателей и потерявшая в Городе свое политическое значение. Ей по-прежнему возносили моления женщины⁵⁶¹, в том числе рабыни⁵⁶², но ей не удалось занять то место богини плебса, которого добились Церера. Она присутствовала на селлистерниях матрон — вероятно, как гарант возобновления поколений.

Мы могли бы изучить и Цереру — божество со сложными функциями, покровительницу земледелия и особенно пшеницы, с италийско-латинскими корнями, но издревле эллинизированную. Эта эллинизация в III в. до н. э. возродила ее культ с «общественными жрицами римского народа квиритов» (*sacerdotes publicae populi Romani Quiritium*) — иноземками, приехавшими из греческих колоний Южной Италии и получившими римское гражданство⁵⁶³. Вместе с тем это была одна из богинь, представленных фламином — мужчиной. Ее храм на Авентине некогда был религиозным центром плебса в его политической борьбе и местом хранения плебейских архивов. «Цериалии» (12—19 апреля) включали игры, устраивавшиеся плебейским эдилом (их также называли Церериными эдилами), с гонкой колесниц в цирке 19-го числа. В жертву богине приносили пшеницу (как всегда, полбу — *far*), соль и ладан, а

также свинью. Вот что, по рассказу Овидия, должны были делать крестьяне:

Миролюбива Церера; просите и вы, поселяне,
Вечного мира для нас и миротворца вождя.
Полбой богиню почтить и крупинками надобно соли,
Ладана зерна сжигать на вековых очагах.

.....
Не закаляйте волов, жрецы, подоткнувши одежды:
Вол — это пахарь; колоть праздную надо свинью.
Пусть занесенный топор подъяремную шею не тронет...⁵⁶⁴

Был еще *Sacrum anniversarium Cereris* — летний (очевидно, переходящий) праздник обретения Прозерпины: после нескольких дней поста и воздержания матроны в белых одеждах приносили в дар первые плоды жатвы — гирлянды и венки из колосьев. Как говорит Цицерон, совершались также посвящения — ночные мистерии исключительно для женщин⁵⁶⁵.

Сразу за Церералиями в конце апреля — начале мая следовали Флоралии, где женщины, особенно проститутки, вместе с мужчинами весело и разнузданно славили богиню цветения⁵⁶⁶. По контрасту с белоснежными одеяниями праздника Цереры они носили пестрые платья. Как говорит Овидий, «приветлива Флора»,

... это она шлет нам дары для усад:
Все за столами себе венками виски оплетают,
Всюду на светлых столах видны покровы из роз;
И собутельники тут, заплетя себе волосы лыком,
Пляшут и без толку все чистое тянут вино...⁵⁶⁷

Все эти культы многое сближает — например, близость храмов друг к другу, — но многое и разделяет, начиная с контраста между белизной юной Цереры и безудержностью Флоры; совершенно различны и слои общества, справлявшие эти праздники.

«Заговор вакханок»

В связи с этим следует вкратце упомянуть о событии, оставившем глубокий след в истории религии республиканского Рима: так называемом «деле вакханок»⁵⁶⁸.

В 186 г. до н. э. власти Рима решили запретить культ Вакха вследствие скандала, истоки и следствия которого весьма сложны. Но нас это дело интересует начиная с его истоков: вакхические обряды были ответвлением женских культов, в том числе культа Цереры, о котором мы только что говорили. Реформа, проведенная уроженкой Кампании Анной Пакулой, по которой мужчины, а особенно молодые, стали посвящаться в этот женский культ, послужила причиной исследований и многочисленных проблем общеправового характера: женщины претендовали на место мужчин и всего общества в мужском воспитании, которое должно было быть гражданственным, воинственным, мужественным. Вот два ключевых параграфа (13.10 и 13.12) из рассказа Тита Ливия:

«Участие в обрядах и мужчин, и женщин, да еще под покровом ночи, с неизбежностью повлекло за собой распутство и все гнусности, какие только можно представить. Мужчины там больше занимались друг другом, чем женщинами <...>. Мужчины, словно безумные, раскачиваются всем телом и прорицают, а замужние женщины в одежде вакханок, распустив волосы, несутся к Тибру с горящими факелами, окунают их в воду и вынимают опять горящими».

Переворот в традиционных ценностях, а вернее, риск, который в этом усмотрели, воспринимался как подрыв основ, как заговор. К этому добавлялся дух равенства, внезапное появление на римской политической сцене «маргиналов», в том числе италийских союзников. Наказание виновных мужского пола было публичным, женщин же поручили наказывать мужчинам, от которых они зависели: этим подчеркивалась женская неполноправность, их подчиненное положение. Необходимо было подчеркнуть, что государство возвращается к самому строгому порядку, к патриархальной традиции.

Иностранные и заимствованные божества: Исиды

Церера, «импортированная» из Греции и Великой Греции, была одной из иноземных богинь благодаря политеизму интегрированных в римский пантеон. Та-

кой же была одна из богинь, занимавших в нем значительное место, — Великая Богиня (Кибела), — но мы обратимся к другой — Исиде.

Это божество египетского происхождения пользовалось неслыханным успехом среди женщин как покровительница, между прочим, деторождения⁵⁶⁹; правда, у нее не было такого культа, как культ Митры среди мужчин. Благодаря катастрофе 79 г. н. э. мы знаем, что ее почитание, существовавшее в Кампании со II в. до н. э., особенно укоренилось в Помпеях: маленькие частные жертвенники стояли во многих садах и портиках, а главное — большой Исеум, разрушенный в 62 г. н. э., только что был восстановлен от имени шестилетнего мальчика Нумерия Попидия Цельсина — очевидно, на средства его отца, богатого вольноотпущенника. Здание роскошно украшено: сохранилась, наконец, прекрасная фреска на четвертом столбе, изображающая, как Исида в Канопе встречает рогатую Ио.

Культ Исиды был ярким и впечатляющим, имел ежедневные и ежегодные церемонии, строгую иерархию жрецов и жриц в одежде и обуви из белого льна с повязками из кожи кобры на лбу. Каждое утро на рассвете, при резких звуках систров, изображение богини выносилось для поклонения адептов, каждый вечер они окроплялись священной нильской водой. Среди великих праздников, которые Калигула сделал праздниками римского народа, отмечали Плавание Исиды 5 марта, к открытию навигации, особенно пышно праздновавшееся в Остии, и Исии с 13 по 16 ноября — дни, когда Исида утратила и обрела тело Осириса. В поражающих воображение, трогательных и чувствительных церемониях и посвятительных ритуалах страдания, смерти и воскресения верные отрекались от прошедшей жизни и возрождались к новой, чистой.

В самом Риме, на Марсовом поле, воздвигся большой храм Исиды. Женщины, с воем терзавшие себе грудь, а зимой нырявшие в проруби на Тибре, смущали традиционалистов и возбуждали сатирическое вдохновение поэтов, тем более что эту богиню почитали куртизанки и распущенные женщины. В I в. до н. э. бы-

ли приняты некоторые принудительные меры, чтобы ослабить этот культ и перечеркнуть его несомненный успех. Так, в 53 г. до н. э. сенат постановил разрушить частные алтари Иисиды⁵⁷⁰, но три года спустя вновь встал вопрос о храмах Иисиды и Сераписа, которые так никто и не посмел тронуть. Консул, взяв топор, ударил по их воротам⁵⁷¹. В конце концов, однако, Империя легализовала этот культ, а местные италийские аристократы без колебаний исполняли его пышные обряды как жрецы.

Частные культы

Наконец, за официальными церемониями публичного культа и традиционными обрядами культа домашнего не должна уйти в тень частная религиозная практика как мужчин, так и женщин в Риме, Италии и по всей Империи. Она была свободна, связана со всеми превратностями и надеждами повседневной жизни, осуществлялась повсюду — в больших храмах и на скромных жертвенниках, в городе и в деревне. Чаще всего она принимает вотивную форму, свойственную большому публичному культу: люди обращались в храм с пожеланием (*nuncupatio*) к божеству, изложенным в форме договора, написанным на стене, на восковой дощечке, на папирусе, иногда запечатанным⁵⁷². Если бог исполнял просьбу, человек «с охотой и по праву исполнял обет» (*votum solvit libens merito*), как гласит разрешительная формула (часто в сокращенной форме: *VSLM*), встречающаяся на тысячах посвященных надписях, и отдавал обещанное: жертвоприношение, денежный дар, жертвенник, «экс-вото». Последнее приношение могло иметь разнообразный вид: глиняную статуэтку вроде тех, что во множестве изготавливались в окрестностях Алье в Галлии, деревянное изображение исцеленного члена, но чаще всего каменный алтарь с надписью. Те надписи, что достаточно вняты, говорят нам, что женщины просили «за себя и [всех] своих» (*pro se et suis*), о добром здравии супруга или ребенка — так, во II в. н. э. статуя (*signum*) местной Диане (*Diana*

Mattiaca) в германском Висбадене (Aquaе Mattiacorum) воздвигнута матерью во здравие маленькой Порции Руфианы⁵⁷³. Это была дочь легата легиона, стоявшего в Майнце во II в. н. э., и это лишний раз говорит о том, что вотивная практика была распространена во всех слоях общества: обеты давали богатые и бедные, но в данном случае это именно богатые, которые чаще всего имели возможность оставить нам об этом воспоминания.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

По римским законам женщина не обладала полнотой гражданских прав, поскольку не могла избирать и быть избранной. Но это не означало, что женщин не было на политической сцене. И при Республике, и при Империи они играли важные роли: то прямо, лично вмешиваясь в политику, то косвенно — используя клиентелу и влияние. Власть некоторых высокородных дам не оставляла ничего желать по сравнению с мужской, однако была иного рода. Женщина низшего звания тоже могла сказать веское слово — по крайней мере в Италии и в провинциях, а также, очевидно, и в республиканском Риме. Информацию об общественной деятельности женщин мы будем искать вне Рима, поскольку там обширнее круг источников: публичные благодарности, сведения об участии в священнодействиях и о благотворительности позволяют нам расширить представление о возможностях женщин.

Нарисовать полную картину невозможно: это значило бы заново переписать всю римскую историю. Несколько примеров покажут, каким образом или, вернее, какими различными способами женщины при тех или иных обстоятельствах выступали важными участниками событий, а не пассивными зрителями, как можно было бы предположить.

Если не говорить о сабинянках и других женщинах легендарной и «темной» поры истории Рима, при мысли об участии женщин в римской политике сразу вспоминается Корнелия — мать Гракхов. Будучи дочерью Сципиона Африканского — покорителя Карфагена, она с детства росла в среде высочайшего культурного и политического уровня — так называемом «кружке Сципиона». Рано овдовев, Корнелия прямо влияла на своих сыновей, дав им «прогрессивное» философское образование. Невольно возникает вопрос — конечно, чисто современный, пожалуй, даже романтический: вели бы Тиберий и Гай Гракхи свою политическую борьбу с тем же рвением о народном суверенитете, тем же попечением об интересах других «классов», если бы их воспитывал отец? Он не покажется научно-политической фантастикой, если вспомнить, что Корнелии была поставлена статуя с надписью: *Cornelia Africanae f<ilia> Gracchorum <mater>*⁵⁷⁴ — Корнелия, дочь Африканского, <мать> Гракхов. У ее дочери Семпронии, вышедшей замуж за Сципиона Эмилиана, непримиримого противника ее братьев, — тоже было довольно отваги: мы уже говорили про ее выступление в суде по делу мнимого сына Тиберия. В 129 г. Семпронию вместе с матерью обвиняли даже в смерти ее мужа, случившейся при странных обстоятельствах⁵⁷⁵.

Катон, трибуны и женщины

Вернемся немного назад и остановимся на законе, касавшемся в первую очередь матрон — законе Оппия. Он был внесен в комиции консулом Гаем Оппием в 215 г. до н.э. (в разгар войны с Ганнибалом) и запрещал женщинам «иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях»⁵⁷⁶. Это был, как видим, закон против роскоши, ограничивавший частные расходы в ситуации тяжелого военного кризиса.

Интересующее нас событие — не принятие этого закона, а предложение о его отмене в 195 г. до н. э. Этот эпизод вскрывает, до какой степени двоились и расходились не только институциональные принципы с повседневной практикой, но и представление о женщинах с реальностью. Споры, которые возбудило это предложение, были ожесточенными (*magnum certamen*), но отнюдь не только мужскими: «Женщин же не могли удержать дома ни увещания старших, ни помышления о приличиях (*verecundia*), ни власть мужа: они заполняли все улицы и все подходы к форуму, умоляли граждан, направлявшихся на форум, согласиться, чтобы теперь, когда республика цветет и люди день ото дня богатеют, женщинам возвратили украшения, которые они прежде носили. Толпы женщин росли с каждым днем, так как приходили женщины из окрестных городков и селений. Уже хватало у них дерзости надоедать своими просьбами консулам, преторам и другим должностным лицам»⁵⁷⁷. Таким образом, они оказывали реальное политическое давление, побудив выступить на авансцену Катона Старшего, который в тот год был консулом.

Этот человек, который считал Карфаген настолько опасным, что добился его разрушения, был крупным и очень влиятельным оратором. Его речь в сенате⁵⁷⁸ — один из ярких памятников римского женоненавистничества, но показывает реальную власть женщин над окружавшими их мужчинами, которую признавал и Катон: «Если бы каждый из нас, квиристы, твердо вознамерился сохранить в своем доме порядок и почитание главы семьи (*ius et maiestatem viri*), то не пришлось бы нам и разговаривать с женщинами. Но раз допустили мы у себя в доме такое, раз свобода наша оказалась в плену у безрассудных женщин и они дерзнули прийти сюда, на форум, дабы попросту трепать и унижать ее, значит, не хватило у нас духа справиться с каждой по отдельности и приходится справляться со всеми вместе <...>. Ведь позволять <...> собираться, советоваться, договариваться, устраивать тайные сборища действительно чревато величайшей опасностью».

Катон с пафосом усматривает в самой малой причастности женщин к политике возможность грандиозных последствий, сплавляет воедино женские требования и подрывную деятельность трибунов (отменить закон предложили двое трибунов): «Женщины затеяли бунт <...>; без сомнения в том вина должностных лиц; судить не берусь, ваша, трибуны, или — в даже еще большей мере — консулов. Ваша, трибуны, если вы возмутили женщин, чтобы поднять очередную смуту; наша, если ныне раскол в обществе, вызванный женщинами, вынудит нас принимать новые законы, как вынудила некогда сецессия плебеев». Это не мелкий вопрос, не вопрос о безделушках и тряпках, а принципиальный, политический. Катон противится всему, что хоть как-то похоже на прогресс, а в этом конкретном случае свобода, данная женщинам, означает покушение на государственную безопасность: «В любом деле стремятся они к свободе, а если говорить правду — к распущенности <...>. Едва станут они вровень с вами, как окажутся выше вас». С другой стороны, вся власть, которую имеют эти женщины, — власть влияния: ведь они не могут заседать в собраниях, вести обсуждение, голосовать; вся их власть заключается в мужчинах, которые согласны их слушать. Положение двусмысленное: мужчины прислушиваются к женщинам, и мнение женщин проходит. Но не надо заблуждаться. Трибуны, которых Катон считает бунтовщиками, предлагают нечто очень скромное: возврат к дорогим украшениям, но вовсе не ставят под вопрос мужскую гегемонию, ни на йоту не улучшают юридического положения женщин: «Государственные и жреческие должности, триумфы, гражданские и военные отличия, добыча, захваченная у врага, — всего этого женщины лишены. Украшения, уборы, наряды — вот чем могут они отличиться, вот что составляет их утешение и славу <...>. Пока ты жив, ни одна не выйдет из-под твоей руки (*servitus muliebris*), и не сами ли они ненавидят свободу, какую дает им вдовство и сиротство»⁵⁷⁹. Это дело ясно показывает образ мысли римлян и возможности политической жизни для римских женщин: не пользуясь ни малейшими поли-

тическими правами, они добились отмены закона. Остается надеяться, что они не были игрушкой какой-либо «партии».

Речь Гортензии с ростр

У истоков другого проявления женской и даже феминистической активности в 49 г. до н. э. также история, связанная с деньгами и драгоценностями. Чтобы получить средства на войну с убийцами Цезаря, триумвиры издали эдикт, обязывавший 1400 богатейших женщин Города оценить свое имущество и внести военную подать. Первая реакция напоминает предыдущий случай: обратиться к женщинам из окружения триумвиров, чтобы воспользоваться женским влиянием на мужчин. Когда же Фульвия, жена Марка Антония, выставила их за дверь, женщины в ярости направились на форум, и Гортензия произнесла речь с трибуны. На сей раз действие вышло прямым и ангажированным, к тому же уникальным: женщина произносит публичную речь, и ей это позволяют; попытка прогнать ее с помощью ликторов вызвала такое недовольство в толпе, что от этого пришлось отказаться. Мы видим, как много переменилось со 195 г.: женщины заставляют выслушать себя не в частных разговорах, а так, как слушали римских ораторов. Их представительнице в этом смысле было у кого учиться: это была дочь великого Гортензия, соперника Цицерона. Валерий Максим (VIII, 3, 3) говорит о ней благосклонно: «Тогда Квинт Гортензий [словно] воплотился в образе своей дочери и вдохновлял ее речь. И если бы его мужское потомство пожелало подражать силе [оратора], то [им следовало бы иметь в виду, что] наследие Гортензиева красноречия уже неотделимо от единственного выступления этой женщины»*.

Сама речь Гортензии также сильно отличается от доводов, приводившихся в 195 г. до н. э. Она не просто отказывается платить подать, но осуждает всю политику триумвиров, едва ли не предъявляет политические требования: «Если же мы, женщины, никого из вас не объявляли врагом отечества, не разрушали домов, не

подкупали войск, не приводили армий против вас, не мешали вам достигнуть власти и почета, то почему мы должны подвергнуться карам, не будучи соучастницами во всем этом? К чему нам платить налоги, раз мы не получили своей доли ни в государственных должностях, ни в почестях, ни в предводительстве войсками, ни вообще в государственном управлении, из-за которого вы спорите, доведя нас уже до таких тяжких бедствий?»⁵⁸⁰ Требование скорее подразумевается, чем высказывается, и в результате женщины удовлетворились сокращением подати. Но этого они добились своим непосредственным вмешательством. Отсюда еще далеко, чтобы делать из Гортензии «адвокатессу», а то и «суффражистку»: особые обстоятельства, ощущение прямой угрозы своим интересам, а то и случай привели к необычайному событию, но за ним ничего не последовало; оно даже не стало прямым покушением на закон, запрещавший женщине выступать в суде по чужим делам. Положение, при котором женщины играли в политике лишь второстепенную роль, было, конечно, навязано мужчинами. Но у нас нет никаких свидетельств, что женщины когда-либо боролись против такого положения.

Окружение Цицерона

Но и более скрытое влияние оставалось политическим действием. Мы найдем не один пример, если обратимся к окружению Цицерона: Тертулла подходит к нему, чтобы добиться его примирения с Крассом⁵⁸¹; к жене Цицерона Теренции приходит жена Сестия Корнелия, сообщая оратору об истинных пожеланиях своего мужа насчет поста в провинции⁵⁸²; Фульвия доносит самому Цицерону о тайных планах Катилины; Сассия интригует в суде по делу Клуенция...

Рассмотрим ближе два последних случая. Во время заговора Катилины некая Фульвия, которую собирался бросить ее любовник Квинт Курий, «не стала скрывать опасность, угрожавшую государству; умолчав об источнике, она рассказала многим о заговоре Катилины: что

она узнала и каким образом. Это обстоятельство больше всего и внушило людям желание верить консулат Марку Туллию Цицерону»⁵⁸³. Сассия была матерью Клуенция — клиента Цицерона — и замужем (третьим браком) за Оппиаником; она добивалась смерти сына в угоду новому мужу. «Она не упустила ни одного случая, чтобы причинить Клуенцию зло. И днем и ночью эта мать только и думала о том, как бы ей погубить своего сына <...>. Она не только старалась подыскать обвинителя против своего сына, но также подумала и о том, каким оружием его снабдить»⁵⁸⁴. Находя все новых союзников, она получила и лжесвидетелей, и ложные протоколы показаний.

Все эти дела, связанные с женщинами, подразумевают целый комплекс отношений, возможностей влияния, способностей давления, часто удивительно похожих на интриги мужчин.

Октавия и Фульвия

В эпоху гражданских войн на сцене появляется немало женских лиц. Октавия — сестра триумвира, впоследствии ставшего Августом, — стала объектом матримониальных интриг Юлия Цезаря. После смерти дочери Цезаря, Юлии (очевидно, в 53 г.), которая была женой его соперника Помпея, «чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем, он предложил ему в жены Октавию, внучку своей сестры, хотя она и была уже замужем за Гаем Марцеллом»⁵⁸⁵. (Отметим, между прочим, «многослойные» родственные связи между крупнейшими политическими деятелями того времени.) Иначе говоря, Цезарь только из политических соображений собирался расторгнуть брак Октавии, не спрашивая ее. Но брак оставался в силе до 40 г. до н. э., когда Марцелл умер и стали возможны новые интриги. После десяти месяцев определенного законом вдовства⁵⁸⁶, будучи, согласно Диону Кассию (XLVIII, 31, 4), беременной своей младшей дочерью (Марцеллой Младшей), Октавия вышла замуж за Марка Антония. Из игрушки в политике Цезаря она превратилась в пешку в руках своего бра-

та, договорившегося об этом браке в рамках Брундизийского договора между триумвирами. По такому случаю она стала первой женщиной, изображенной на римской монете. От этого брака, который Плутарх считает заключенным в государственных интересах, родились две дочери, сыгравшие затем немалую роль в истории: Антония Старшая (бабка Нерона) и Антония Младшая (мать Клавдия и бабка Калигулы).

Хотя Октавия сама принимала участие в дипломатических переговорах брата и мужа в 37 г. до н. э. в Таренте⁵⁸⁷, она не смогла помешать краху триумvirата и возобновлению гражданской войны, тем более что в 32 г. Антоний развелся с ней. Она осталась образцом красавицы, верной жены, преданной сестры и безутешной матери: в 23 г. до н. э. она пережила смерть сына — Марцелла, зятя самого Августа. И пассивная роль Октавии, и ее активное вмешательство в события показывают, чем часто бывали браки и женщины в политической жизни того времени.

До нее женой Марка Антония была Фульвия; она, кажется, относилась к другому типу людей, который Цицерон, особенно яростно на нее нападавший, называл жестоким⁵⁸⁸. Сначала она была замужем за Публием Клодием Пульхром (знаменитым народным трибуном 58 г. до н. э., который в 62 г. до н. э. был замешан в скандал с праздником Доброй Богини), затем за Гаем Скрибонием Курионом; Цицерон обвиняет ее в смерти мужей, хотя первый был убит Милоном, а второй погиб в Африке на войне, которую там вел Цезарь. Родовое богатство вдовы и политические связи, о которых говорят ее первые браки, не оставили равнодушным Антония. Он (очевидно, по настоянию Цезаря) порвал связь с актрисой Ликоридой, развелся со своей кузиной Антонией и женился на Фульвии, которая принесла ему двоих детей.

История сохранила нам следы многих сюжетов, в которых была замешана Фульвия. В их числе были и проскрипции. Особенно остановимся на Перузинской войне 41 г. до н. э.⁵⁸⁹ Октавиан завладел некоторыми землями, чтобы раздать их своим ветеранам. Фульвия и Луций Антоний — брат Марка, консул того года — всту-

пились за ограбленных италийцев и, склонив на свою сторону солдат Марка Антония, который тогда был в Греции, вступили в войну с Октавианом⁵⁹⁰, но она оказалась непродолжительной: войска Антониевой партии оказались осаждены в Перузии и капитулировали. Интересна для нас деятельность Фульвии: она сама набирала воинов, говорила перед солдатами, препоясавшись мечом, командовала подразделениями. Была ли она первой императрицей, готовившей конец триумvirата к возвращению своего мужа? Или настоящей феминисткой, или фурией-извращенкой, как нам нередко ее рисуют? А может быть, образ Фульвии был сильно окарикатурен августианской пропагандой, развернутой ради политики примирения с Антонием, которую Октавиан стал проводить немного позже? Этого мы уже не узнаем.

Фульвия поразила солдат; они позволяли себе непристойности, одна из которых дошла до нас: камень для пращи с сохранившейся до сих пор грубой надписью: *peto landicam Fulviae*⁵⁹¹. Ей удалось бежать из Перузии; потом она вовремя умерла, позволив Антонию жениться, как мы только что видели, на Октавии.

Фульвия и Октавия — две женщины, игравшие реальную политическую роль, но образ первой оказался демонизирован, а второй идеализирован.

Императорская фамилия. Женщины у власти

Октавия способствовала переходу от эпохи гражданских войн к Империи. В 35 г. до н. э. она и Ливия, на которой недавно женился будущий Август, получили законные почести, подобавшие их сану: статуи, а также «привилегию распоряжаться своим имуществом без опекунов и пользоваться трибунской неприкосновенностью (*sacrosanctitas*)»⁵⁹².

Когда речь идет об императрицах и женщинах из императорской фамилии, то мы встретим случаи прямого вмешательства в политику, пассивной роли, определяющего влияния, заботы о величии рода (*gens*) —

несомненно, один из главных двигателей политической активности женщин, в данном случае превращавшийся в заботу о династических интересах. Империя и личная власть, по сути, то же, что династия. Но у Августа была единственная дочь Юлия. Как ни странно, первой задачей женщин, которую мы видим, была задача обеспечить легитимность престолонаследия: в этом обществе и при этих институтах, не признававших за женщинами прямых политических прав, в этой традиции, которую первый император, по его многократным уверениям, желал восстановить, нельзя было, игнорируя женщин, сохранить преемственность власти. Отсюда волюнтаристская матримониальная политика, из-за которой Юлии пришлось трижды выходить замуж: за уже упомянутого Марцелла — сына Октавии; затем за Агриппу — сыновья, рожденные от этого брака, Гай и Луций Цезари, усыновленные Августом и назначенные им в наследники, умерли в юности. После этого Август принудил к разводу Тиберия — сына своей жены Ливии — и женил его на Юлии, узаконив приход Тиберия (вдобавок усыновленного им) к власти и осуществив тем самым план Ливии. Ливия, пользуясь реальным политическим весом, вдобавок не брезговала никакими махинациями, чтобы устранить возможных претендентов на власть, пользуясь своим влиянием на Августа, который никогда не забывал посоветоваться с ней и о серьезных государственных делах⁵⁹³. Сын Тиберия умер младенцем, а Юлия была изгнана (согласно официальной версии — за прелюбодеяние).

Затем на всем протяжении правления Юлиев — Клавдиев видно, как через женщин передается императорская кровь: Калигула был не только сыном приемного сына Августа (Германика), но и его потомком через Юлию и Агриппу (по матери — Агриппине Старшей), Нерон — не только приемным сыном Клавдия, но и сыном Юлии Агриппины (Агриппины Младшей) — сестры Калигулы. Отсюда проистекало невероятное количество придворных интриг, в которых участвовали и женщины. Их имена перешли к потомству, но обычно ассоциировались с чем-то очень дурным, по-

сколько эти дамы не соответствовали женскому идеалу историков древности, а затем и Нового времени. В общем, однако, все эти женщины располагали властью только через посредство мужчин, на которых они влияли и которыми манипулировали.

Среди них выделяется одна фигура, на которой стоит остановиться особо — Випсания Агриппина, известная как Агриппина Старшая. Она была дочерью Агриппы и Юлии, вышла замуж за Германика — сына Друза (брата Тиберия) и родила ему девять детей. Агриппина ездила с ним в походы, и ее роль в рейнских войсках хорошо известна. Тацит, не в силах сдержать восхищения, рассказывает, между прочим, как она прямо выступила в отсутствие супруга: «Между тем распространилась молва <...> о том, что несметные силы германцев идут с намерением вторгнуться в Галлию, и если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело. Но эта сильная духом женщина взяла на себя в те дни обязанности военачальника и, если кто из воинов нуждался в одежде или в перевязке для раны, оказывала необходимую помощь»⁵⁹⁴. Такое поведение совсем не нравилось Тиберию: «Нечего делать полководцам там, где женщина устраивает смотр манипулам, посещает подразделения, заискивает раздачами, как будто ей недостаточно для снискания благосклонности возить с собою повсюду сына главнокомандующего в простой солдатской одежде и выражать желание, чтобы его называли Цезарем Калигулой»⁵⁹⁵. Ведь речь шла именно об этом — о легитимности императора: Агриппина и ее дети были кровными родственниками Августа, а Тиберий нет. В 17 г. н. э. Германик отправился на войну на Восток, и Агриппина с ним. Два года спустя он умер, возможно, и даже вероятно, не своей смертью⁵⁹⁶. Агриппина перенесла его прах в Рим; толпа восторженно встретила ее в Брундизии. Тиберий не на шутку испугался⁵⁹⁷: ведь легитимность его сына и предполагаемого наследника Друза покоилась только на усыновлении отцом Тиберия. Мало того: в 23 г. н. э. Друз умер. В Риме появилась целая партия с Агриппи-

ной во главе с целью привести к императорской власти ее детей — *partes Agrippinae*⁵⁹⁸.

Это выражение очень интересно, так как названо по имени женщины, а не ее сына, которому предполагалось впоследствии вручить власть. Надо сказать, что в это самое время в Риме был опасный политик, сам стремившийся к власти — префект претория Сеян, который мало-помалу устранил близких Агриппины. Под его влиянием Тиберий, невзирая на слезы и мольбы вдовы Германика, отказался дать ей мужа: он слишком хорошо знал политические последствия такого брака; император даже сказал ей, что она считает для себя оскорблением, коль скоро не она царствует (*non ideo laedi quia non regnaret*)⁵⁹⁹. Потом пошло еще хуже: против Агриппины с детьми начались форменные судебные процессы; все они⁶⁰⁰ погибли — Агриппина в изгнании на острове Пандатерия, сыновья в темнице. Только позднее, когда Калигула сменил Тиберия, после смерти матери исполнив все ее желания, она удостоилась погребения, подобавшего ее положению. К несчастью, Калигула не стал новым Германиком и вскоре был убит. Заметим, что еще одна женщина — Антония — предупредила Тиберия о заговоре Сеяна и положила предел его проискам.

С концом династии Юлиев — Клавдиев участие императриц в политической жизни не прекратилось. Но выяснить политическую роль женщин во II в. н. э. сложнее, поскольку у нас меньше источников. При дворе Тиберия подвизалась не только Августа Плотина — жена императора, но также его сестра Марциана и племянница Матидия Старшая⁶⁰¹. Они также имели титул Августы, и их изображения чеканились на монетах. Но ключевой роли они, по-видимому, не играли. Зато Плотина, если верить «Жизнеописаниям Августов»⁶⁰², провела такую ловкую интригу, что добилась прихода к власти Адриана — двоюродного брата своего мужа, — о котором говорили, что и карьере сенатора он сделал благодаря ее покровительству (*usus Plotinae favore*). Говорили также, будто Траян усыновил Адриана только на смертном одре и, возможно, также благодаря хитрости Плотины, подстроившей, чтобы уже после кончи-

ны принцепса некто прошептал имя Адриана «слабым голосом, похожим на голос Траяна».

При Коммоде состоялся неудачный заговор его сестры Луциллы⁶⁰³, казнена императрица Криспина⁶⁰⁴, обвиненная в прелюбодеянии, а затем наложница императора Марция организовала его убийство⁶⁰⁵, что означало конец династии Антонинов. В конце II — начале III в. н. э. при династии Северов на политической сцене также явились выдающиеся женщины: сирийские императрицы. Юлия Домна, родившаяся в Эмесе в знаменитой жреческой семье; в Риме она устроила весьма характерное местоблюстительство императорской власти на время военных походов (не при муже Септимии Севере, а при сыне Каракалле): получила право сама принимать прошения, отвечать на основную часть официальных писем; в посланиях принцепса сенату ее имя стояло рядом с именем императора. Юлии Домне не удалось примирить сыновей, так что Гета был убит у нее на глазах, но ей приписывают доброе влияние — в частности, в связи с эдиктом 212 г., даровавшим права гражданства всем свободным жителям Империи. Здесь мы выходим за поставленные нами хронологические рамки и только отметим еще более важную роль племянниц Юлии Домны, Юлии Созмиады и Юлии Мамеи, в правление их сыновей — соответственно Гелиогабала и Александра Севера.

Марция, Сервилия, Аррия и другие

Участие женщин в политике не ограничивалось императорской фамилией, если только придать слову «политика» чуть более широкий смысл. За пределами узких кружков, где прямо ставился вопрос о захвате императорской власти, были свои политические идеи и идеалы, которые на практике подчас приводили к репрессиям. В этом смысле женщины также играли первостепенную роль. Некоторые из них прославились, но мы начнем с малоизвестной фигуры, от которой не сохранилось почти ничего, кроме имени: Марции, дочери историка Кремуция Корда. Ее отец написал исто-

рию эпохи Августа, в которой хвалили деяние убийц Цезаря — Брута и Кассия. Под этим предлогом Кремуций Корд (республиканец по убеждениям, но самое главное — противник Сеяна) получил приказ покончить с собой, а его сочинение предано сожжению эдилами. Дочь сохранила его книги и при Калигуле вновь опубликовала их. В меру своих сил Марция совершила политический акт, противопостав тоталитарной власти⁶⁰⁶.

При Нероне мы видим Сервилию, дочь Барей Сорана, обвиненную сенатом за то, что якобы «продавала свадебные уборы, чтобы добыть деньги для магических таинств»⁶⁰⁷. Дело в том, что Сервилия была замужем за Аннием Поллионом, замешанным в так называемый заговор Пизона 65 г. и сосланным. Год спустя, когда и случился процесс, ее деверь принял участие в другом заговоре (оба Поллиона были сыновьями заговорщика, при Калигуле получившего приказ покончить с собой). Барей же Сорана обвиняли в дружбе с еще одним заговорщиком, Рубеллием Плавтом, также сосланным и умершим в 62 г., и в участии вместе с ним в заговоре в Малой Азии. Сервилия защищала сама себя, но и отец, и дочь добились лишь одного: возможности самим себе избрать род смерти. Ей было девятнадцать лет.

Больше мы знаем об Арриях и Фаннии. Аррию Старшую, жену Авла Цецины Пета, изображают образцом супружеской любви и верности, но здесь нас интересует политическая сторона. Ее муж участвовал в восстании против Клавдия (так называемом Скрибониановом) 42 г. н. э. Ее дочь Аррия Младшая вышла замуж за знаменитого стоического философа Публия Клодия Тразею Пета, бывшего в оппозиции Нерону. Их дочь Фанния стала женой еще одного философа того же направления — Гая Гельвидия Приска, противника Веспасиана, а позже Домициана. Все трое пали жертвами своих философских и политических идей, и жены были осуждены вместе с ними⁶⁰⁸.

Аррия Старшая сперва отправилась с мужем в Иллирию, потом обратно в Рим, куда его отвезли и посадили в тюрьму. В конце концов, поняв, что супругу не избежать смерти, она отказалась воспользоваться своими связями (у нее были хорошие отношения с Мессали-

ной), а закололась, чтобы и мужа ободрить сделать то же. «Пет, не больно» (Paete, non dolet), — сказала она ему⁶⁰⁹. В 66 г., когда мужу Аррии Младшей было велено покончить с собой, она, по примеру матери, решила последовать за ним, но Тразея отговорил ее, умолив не лишать единственной опоры дочь Фаннию. Фанния тоже пострадала: Тразея, пав, увлек за собой и зятя, который был сослан. Фанния, видимо, отправилась с ним. Но на этом история славной семьи не кончилась. При Гальбе они вернулись из изгнания. Веспасиан опять увидел в них опасных смутьянов; жена снова была изгнана, а муж осужден на смерть. В царствование Домициана мы вновь видим мать и дочь — Аррию и Фаннию — в группе, оппозиционной режиму, включавшей нескольких сенаторов (в том числе Юния Маврика, искавшего мужа для племянницы) и еще одну женщину — Гратиллу. Фанния была изгнана: «Когда Сенецион находился под судом за то, что составил книги о жизни Гельвидия и в защитительной речи сказал, что его просила об этом Фанния, она на грозный вопрос Меттия Кара, действительно ли она об этом просила, ответила: “Да, просила”; на вопрос, дала ли она ему, когда он решил писать, материалы — “Да, дала”; с ведома ли матери — “Без ведома”; и после этого она не произнесла ни одного слова, которое было бы внушено страхом перед опасностью. Мало того, эти самые книги, хотя они и были уничтожены по постановлению сената <...>, она после конфискации ее имущества сохранила, держала при себе и унесла в изгнание причину своего изгнания»⁶¹⁰. Обе вернулись в правление Нервы и помогали Плинию, отмстившему за них одному из обвинителей Гельвидия Приска — Церту. Нас не интересует, были ли оппозиционеры жертвами собственных идей или, как полагают некоторые историки, предателями.

Во всяком случае, в образованных женщинах, интересующихся философией, для нас нет ничего удивительного. Уже Корнелия училась у Карнеада⁶¹¹, уже Цереллия желала прочитать трактат Цицерона «О пределах добра и зла»⁶¹². Стоицизм же мог стать и политической идеей: он не отвергал монархии как таковой, но, если императора считали тираном, не мог не вы-

звать враждебности к режиму. Больше всего нас здесь интересует тот факт, что женщины участвовали в политических процессах: обе Аррии, вероятно, косвенно, Фанния — прямо: ее судили и осудили.

Как некоторым римлянкам удавалось играть роль, которая в принципе была для них закрыта, — одна из самых неоднозначных, но и самых интересных особенностей положения женщины в Риме.

Предвыборная агитация в Помпеях

Для этого можно спуститься по ступенькам социальной лестницы и не без любопытства посмотреть на помпейские предвыборные объявления. Одно из них гласит: *C. Iulium Polybium duumvirum iure dicundo Specta [rogat]* — «Спекла предлагает избрать Гая Юлия Полибия в дуумвиры-судьи». Вообще агитация перед муниципальными выборами в Помпеях, дошедшая до нас в эфемерной форме надписей, намалеванных и нацарапанных на стенах, показывает нам такую роль слабого пола, о которой нельзя было и подозревать. Женщины таким способом агитировали за своих кандидатов на разные должности наравне с мужчинами. Следовательно, хотя они и не голосовали, у них имелось и четкое мнение по этому вопросу, и возможность предать гласности свой выбор, и оказать поддержку. Притом речь идет о женщинах низкого звания: предвыборная надпись Спеклы⁶¹³ находится на стенах сукновальни, где она, вероятно, была работницей, надпись Змирины⁶¹⁴ — на стене питейного заведения (*thermopolium*), где она могла быть служанкой. Встречаются и греческие прозвища вольноотпущенниц: Ифигения, Евгодия, Олимпионика⁶¹⁵. Корнелия, поддержавшая Цецилия Капелла⁶¹⁶, и Овия, желавшая избрания Марка Весония⁶¹⁷, происходили из более видных фамилий: они носят родовые имена, известные в городе, некоторые — совпадающие с именем кандидата. Тедия Секунда рекомендовала собственного внука — все оставалось в семействе⁶¹⁸. В общем, всего на предвыборных объявлениях 28 кандидатов встречается 54 женских имени — доля немалая. Не поз-

воляя себе чрезмерных обобщений, мы можем, опираясь на этот дошедший до нас как исключение пример, задаться вопросом об интересе женщин к выборам в других частях Империи и даже в республиканском Риме. Речь шла, разумеется, не о голосовании, а об участии в избирательной кампании, в «митингах»⁶¹⁹: ведь чтобы агитировать за кандидата, надо знать его программу, то есть проявлять политическую активность. Конечно, женщины (по крайней мере некоторые из них) действуют в рамках клиентских отношений; другие выражают согласие с супругом, но мы-то ожидали, что они вообще не участвуют в выборах по закону или не заинтересованы в дружеских и клиентских услугах такого рода. И даже если Помпеи — исключительный случай в римском мире, он все равно интересен.

Следуя за мужем

С политикой и общественной жизнью была тесно связана жизнь воинская. Мы уже видели, что жены часто сопровождали наместников и военачальников при их назначении в провинцию. В идеале, согласно Сенеке, в этом случае женщина должна быть незаметной: «В течение шестнадцати лет, когда муж ее управлял Египтом, Гельвия (тетка Сенеки по матери. — *Авт.*) никогда не показывалась народу, никого не принимала в доме префекта, ничего не просила у мужа и не позволяла, чтобы ее о чем-либо просили <...>. Будь провинция эти шестнадцать лет ею довольна, было бы великое дело; она ее не замечала — еще лучше»⁶²⁰. Приемы, покровительство, разнообразные ходатайства перед мужем — философ все это осуждает, но вместе с тем и называет обычные формы деятельности супруги в провинции. Если к этому добавить благотворительность, станет понятно, почему во всех областях Империи встречаются многочисленные статуи и надписи женщинам⁶²¹, поставленные то воинами, то провинциальными и муниципальными властями. Наряду с этой деятельностью — в общем, положительной — присутствие женщин и детей могло создать проблемы военного плана. Мы уже

говорили о «деле» Флавии Сабины; историки говорят и о других: например, рассказывая, как Германику пришлось увести в безопасное место Агриппину — а ведь у нее не было недостатка в стойкости и военных способностях, — Тацит рисует «горестное шествие женщин и среди них беглянкою жена полководца, несущая на руках малолетнего сына и окруженная рыдающими женами приближенных, которые уходили вместе с нею»⁶²². Во время войны Отона с Вителлием Салонина, жена Цецины, на великолепной лошади сопровождала войско в походах; «это тоже раздражало жителей»⁶²³ — только ли потому, что конь был покрыт пурпурным чепраком? Еще больше доставалось таким женам, как Корнелия, супруга Кальвизия Сабина, и Планцина, жена Пизона, которые в мужской одежде входили в лагерь, участвовали в кавалерийских упражнениях и парадах когорт, «забывая, что подобает женщинам»⁶²⁴. Наконец, про Триарию, жену Луция Вителлия, рассказывали, «будто она..., нагло опоясавшись солдатским мечом, творила жестокости на заваленных трупами улицах поверженного, погруженного в отчаяние города»⁶²⁵ (Террацины).

Также считалось предосудительным и даже подсудным, когда женщина способствовала расхищению богатств в провинциях. Алчность наместников хорошо известна; если верить Ювеналу и Марциалу, их жены им не уступали⁶²⁶. Реальные судебные процессы подтверждают обличения сатириков⁶²⁷. В деле проконсула Бетики Цецилия Классика обвинение было выдвинуто также против его жены Касты, дочери Цецилии и даже зятя — правда, они не были осуждены. В аналогичном случае Паксея покончила с собой вместе с мужем — впрочем, как дает понять Тацит, это обвинение было предлогом для политической расправы. Сосия Галла подверглась изгнанию.

Италийские и провинциальные дамы

В Италии и в Африке женщины из высших слоев общества могли участвовать в политической и общественной жизни родного города (или города, где у них

были собственность и интересы), будучи его покровительницами (*patronae civitatis*). Здесь перед нами вновь специфика клиентских отношений, и выбор женщины в качестве покровительницы городского общества представляется достаточно формальной данью уважения к ее семейству. Тем не менее нам стоит немного задержаться на нем, поскольку от покровителя (или покровительницы)⁶²⁸ города ожидают актов благотворительности, а также влияния в Риме, чтобы он оказывал своей общине конкретные услуги, давал поддержку и защиту при различных обстоятельствах (ссоры с соседними городами, налоги, недоразумения с палатинскими канцеляриями). Кроме того, покровители города могли заседать в городском совете (*ordo decurionum*). Хотя женщины не имели права занимать мужские должности, покровительницы городов фигурируют и в списках декурионов: это, конечно, была не действительная магистратура⁶²⁹, и само присутствие могло быть исключительно почетным. Дело не в том: в обзоре политических ролей женщин нельзя забыть и об этой.

В Италии и в провинциях участие женщин в общественной жизни вообще проявлялось отчетливее, чем в самом Риме. Прежде всего они были жрицами — в основном, но не исключительно императорского культа. Ведь если даже в Риме весталки и фламиника Юпитера занимали видное место, участвовали в публичных церемониях, то и вне Рима у женщин были случаи занимать жреческие должности, в споре за которые они раздавали обещания благотворительной деятельности, за которые получали почести и статуи, так что эти провинциалки из местной элиты становились почти на равную ногу с женами наместников. Они бывали жрицами общественного культа (*sacerdos publica*) и фламиниками такого-то города или такой-то провинции. Так, мы встречаем Модию Квинтию — непременно фламиника из Бизики в проконсульской Африке⁶³⁰, матрону, имя которой утрачено — жрицу общественного культа Венеры в Сорренто, удостоенную статуи⁶³¹; Антонию Цецилию — великую жрицу в Малой Азии с мужем, великим жрецом Тиберием Клавдием Сократом⁶³²,

чету фламинов из провинции Ближняя Испания — Порцию Матерну и Луция Нумизия Монтана⁶³³. Жреческую должность такого рода могла получить даже вольноотпущенница, как Лициния Приска, фламиника в Дугге (Северная Африка)⁶³⁴.

В греческом мире и Малой Азии местные аристократки были еще более на виду. Публичных функций, которые там исполняли женщины, одни или вместе с мужьями, было много: гимнасиархия (обучение атлетов и устройство гимнасиев), агонифесия (устройство игр), демиургия и стефанофория (раздача наград и венков), притания (общественные расходы). Отметим, что здесь действовали местные законы, а не римское право. На Хиосе⁶³⁵ Клавдия Метродора была дважды стефанофором, четырежды гимнасиархом, агонифетом и «басилеей» (царицей) Ионической лиги. В Эфесе⁶³⁶ Элия Севера Басса была пританом и гимнасиархом всех гимнасиев. В Пергаме⁶³⁷ Аврелия Клавдия Аполлония была жрицей Афины и агонотетом Никифорий (Победных игр), а Юлия Тиха — пританом и жрицей Деметры и Коры. В Перге Планция Магна⁶³⁸ была демиургом, гимнасиархом, жрицей Артемиды, жрицей Матери Богов, великой жрицей императорского культа, носила титул «Дочери города». Вступали они на это поприще сами, действуя властью, полученной благодаря деньгам, или под давлением мужчин, ради престижа семьи, морального обязательства, из подчинения господствующей идеологии, требовавшей преуспеть в исполнении гражданского долга? Предлагались и то и другое объяснение. Во всяком случае, эти посты (дорого стоившие) делали их необычайно заметными среди женщин фигурами. При всем том и тут, по крайней мере в греческом мире, все совсем не однозначно: если мы обратимся к частной сфере и даже публичным почетным надписям, то и здесь похвальными для женщин качествами остаются стыдливость, скромность и преданность домашнему очагу. Детали обязанностей на упомянутых должностях часто не слишком ясны, и во всяком случае мы можем задаваться вопросом, исполнялись ли эти обязанности действительно женщинами или через посредников: ведь ес-

ли бы женщины в самом деле устраивали игры и состязания или руководили гимназиями, мужчины в результате им подчинялись бы.

Осталось упомянуть еще одну видную общественную функцию: патронат женщин над профессиональными коллегиями⁶³⁹, иногда прямо связанный с «делами» их самих или их мужей. Иногда же он предоставлялся этими обществами просто ради поддержки богатого семейства в рамках сложного взаимобмена услуг, характерного для античного мира.

В любом случае все эти различные публичные функции женщин естественно подводили к роду деятельности, лишней раз возносившей аристократию над гущей народа — к благотворительности.

Женская благотворительность

Одно из проявлений участия римской женщины в общественной жизни встречается с эпохи Августа, поскольку связано с Италией и провинциями: в Риме местная благотворительность была главным образом императорской. В других же городах ею занимались представители местной элиты — сенаторы и всадники, — желавшие выказать богатство, щедрость и внимательность к родному городу, то есть связь положения и состояния, которые всех их объединяли между собой, но пропастью отделяли от других сограждан. Так, в частности, кандидаты в магистраты и жрецы добавляли к финансовому взносу, по закону полагававшемуся для избрания (*summa honoraria*), еще кучу обещаний (в случае выборов обязательных) и различных дополнительных обязательств. Они соперничали в щедрости (небескорыстной), возводя на свой счет храмы, театры, термы, акведуки, а также раздавая деньги на питание, устраивая игры и гладиаторские бои, учреждая фонды для празднования своих дней рождения, возмещающая даже стоимость статуи, возведенной в их честь благодарными горожанами.

Все эти дары, расходы на обслуживание которых, впрочем, превышали для города выгоды от них, могли

делаться и женщинами. Выгоды же эти не следует считать необходимыми для благоустройства и финансового равновесия города или же формой перераспределения богатств (потому что на пирах и угощениях богатые получали больше бедных). Так, Плиний Младший не без иронии сообщает нам, что Уммидия Квадратилла — дама из сенаторского сословия — в первые годы II в. н. э. содержала труппу пантомимов: «У нее были пантомимы, и она увлекалась ими больше, чем это прилично знатной женщине. Квадрат (ее внук. — *Авт.*) не смотрел на них ни в театре, ни дома; она этого и не требовала. Я слышал от нее самой, когда она поручала мне руководить занятиями своего внука, что она, как женщина старая, уже на покое, отдыхает обычно душой, играя в камешки и глядя на своих пантомимов, но, принимаясь за эти занятия, всегда приказывает своему внуку уйти и взяться за учение»⁶⁴⁰. Мало того, из надписей в Казине (Кассино)⁶⁴¹ видно, что она устраивала их представления с грандиозным размахом, ибо за свой кошт (*resunia sua*) построила для сограждан амфитеатр, храм и «сцену» — очевидно, фактически перестроила театр. Здесь перед нами благотворительная деятельность, которую можно назвать и культурной. Анния Элия Реститута, неременная фламиника в Каламе (Африка), прибавила к плате жреческую должность (*summa honoraria*), 400 тысяч сестерциев (ценз для доступа к всадничеству!) и построила театр; местный совет при всем народе постановил воздвигнуть ей пять статуй⁶⁴². Иногда женщина действовала вместе с супругом: в Эфесе в правление Антонина Пия богатч Публий Ведий Антонин построил вместе с супругой Флавией Папианой гимнасий «со всем убранством»⁶⁴³.

Откуда все эти щедроты? Некоторые поступки должны быть связаны с заботой о престиже фамилии: Армения Ауга, мать некоего всадника из Сересс (Африка), и его сестра Бебения Паулина дали членам совета 25 тысяч сестерциев и угощение, а всем гражданам города устроили пир вдобавок к украшению и посвящению арки, поставленной в его честь⁶⁴⁴. Аналогично Клодия Макрина⁶⁴⁵ построила в Музуке (также в Африке) храм Аполлона, обещанный ее отцом и братом,

когда они были декурионами, а от собственных щедрот (*liberalitate sua*) удвоила отпущенную сумму. В Вейях близ Рима Цезия Сабина пригласила женщин города на пир⁶⁴⁶, очевидно, по случаю центумвирата, которого был удостоен ее муж. Но чаще всего женщина действовала сама по себе — в связи со жреческими обязанностями⁶⁴⁷, патронатом над городом⁶⁴⁸, общественной должностью на греческом Востоке⁶⁴⁹ или профессиональной деятельностью⁶⁵⁰, причем особо заботилась о своих сестрах по полу: часто женщинам раздавались деньги или пища. И когда мы видим, что в Перге (Памфилия) Планция Магна берется за обновление главных городских ворот, украшая их императорскими статуями, среди которых женских фигур не меньше, чем мужских⁶⁵¹; когда женщины города Требула Мутуска в сабинской области благодарят Лаберию Гостилию Криспину особой надписью⁶⁵², причем ее имя встречается и на водопроводных трубах грандиозных городских терм, — встает вопрос: что двигало этими женщинами — личное честолюбие или обязательства, связанные с патронатом? Примеры можно умножить, взяв их из большей части областей Империи, причем нередко их финансовый размах неоспорим. Причины следует искать, пожалуй, прежде всего в стремлении утвердить себя в публичной жизни и в местном обществе: чего не позволяет или почти не позволяет пол, того добиваются с помощью богатства. Надписи (в частности, в Италии), публично поставленные от имени городской общины, «дабы прославить сияние их щедрости»⁶⁵³, выводят их за рамки предустановленных и привычных женских добродетелей, дают им признанное индивидуальное существование. Кроме того, быть может, они хотели соперничать с женами наместников, которые, как мы видели, давали дары провинциям⁶⁵⁴ и появлялись на публике. Во всяком случае, увековечение их дел было обеспечено. Иногда свидетельства о них несколько озадачивают историка — таков случай женщины-врача из Лиона Метилии Донаты: простой камень, использованный затем в кладке церкви⁶⁵⁵, уведомляет нас, что она *de sua pecunia* (на свои деньги) в специ-

ально для того предназначенном общественном месте воздвигла некий неизвестный нам памятник.

Остается упомянуть примеры настоящей социальной благотворительности: частные или императорские воспитательные заведения (*alimenta*), имевшие целью содержание и воспитание бедных детей. Они интересуют нас в двух отношениях. Во-первых, там воспитывались и девочки; во-вторых, они иногда учреждались либо в память женщин, как заведение *Puellae alimentariae Faustinae*, основанное Антонином Пием в честь покойной супруги⁶⁵⁶, либо самими женщинами. Назовем здесь Матидию Младшую, свояченицу Адриана, выделившую для этой цели весьма значительную сумму денег⁶⁵⁷, Целию Макрину из Террацина⁶⁵⁸ и Фабию Адрианиллу (?), завещавшую учредить такой фонд в Севилье⁶⁵⁹, причем на девочек предусматривалось больше расходов, чем на мальчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неточность: Дидона не уступала страсти Энея, а влюбилась в него под воздействием чар его матери, Венеры. — *Прим. ред.*

² *Gera D. The warrior women. The anonymous tractatus De mulieribus. Leiden, 1997. P. 7—8 (комментарий там же, с. 122—140).*

³ Саллюстий. Заговор Катилины, 24—25.

⁴ Венеры. — *Прим. пер.*

⁵ Вергилий. Буколики, X, 48—49.

⁶ Тацит. Анналы, XI, 26—38; Светоний. Клавдий, 26—27, 29, 36.

⁷ Речь шла об «отыквлении» императора Клавдия, посмертно обоженного, что и послужило предметом пародии — тыква являла собой символ глупости, которой, по мнению современников, отличался этот правитель. — *Прим. ред.*

⁸ Ювенал. Сатиры, VI, 114—132. См. также: X, 330—345 о ее браке с Силием.

⁹ Сенека. Утешение к Гельвии, 16—17: *feminas quas conspecta virtus inter magnos viros posuit.*

¹⁰ Дословно — «мужества».

¹¹ Там же, 11, 2—5.

¹² Овидий. Наука любви, II, 641—662.

¹³ *Musonii Rufi Reliquiae / O. Hense ed. Leipzig: Teubner, 1905. Fr. 4, 13a.*

¹⁴ Ювенал. Сатиры, VI, 268—279, 284—285.

¹⁵ Трактат о женских болезнях, или Гинекология, I, 4.

¹⁶ *Corpus inscriptiones latinarum (CIL), VI, 15346.*

¹⁷ Недавно Маурицио Беттини и Джанни Гвастала в статье «*Personata vox*» (в сборнике *Vicende e figure femminili in Grecia e a Roma. Ancona, 1995* под редакцией Ренато Рафаэлли) прекрасно описали эти трудности.

¹⁸ Голос из-под маски, чужая речь (*лат.*). — *Прим. пер.*

¹⁹ Овидий. Фасты, II, 428: *socer optati nomen habebit avi.*

²⁰ Основное собрание латинских надписей, на которое мы будем ссылаться, — *Corpus inscriptionum latinarum (CIL)*, вышедшее в Берлине с 1863 г. Оно организовано по хронологическому и преимущественно географическому принципу. Первый том содержит все надписи республиканской эпохи, последующие включают надписи Италии и разных провинций (например, т. 6 и 15 посвящены Риму, т. 8 — Африке, т. 13 — Галлии и Германии). Последние два тома организованы тематически: т. 16 — воинские дипломы, т. 17 — военные пограничные камни. Материалы этого во многом уже устаревшего собрания дополняются ежегодными сводами «Эпиграфического ежегодника» (*L'année épigraphique, AE*).

²¹ Если быть точнее, завоевание Римом Италии завершилось в 265 г. до н. э., когда римляне захватили Вольсинии. — *Прим. ред.*

²² Цизальпийская Галлия была покорена не во II, а в III в. до н. э., между Первой и Второй Пуническими войнами. — *Прим. ред.*

²³ Царство Атгала III охватывало не всю Малую Азию, а лишь ряд ее западных районов, которые образовали римскую провинцию Азия. — *Прим. ред.*

²⁴ *Arjava A. Women and law in Late Antiquity.* Oxford, 1996; *Nathan G. The family in Late Antiquity. The rise of Christianity and the endurance of tradition.* London; New York, 2000.

²⁵ Обычаев предков. — *Прим. пер.*

²⁶ Город (*лат.*). — *Прим. ред.*

²⁷ На полу этой базилики выбиты изображения игроков в кости и в шашки.

²⁸ Овидий. Фасты, V, 555.

²⁹ Гален. Комментарий на книгу Гиппократов «О природе человека», I, 1 (в изд. Кюна — XV, 21—26).

³⁰ Гета был убит своим братом Каракаллой вскоре после смерти Севера. — *Прим. ред.*

³¹ Гален. Комментарий..., I, 1.

³² Светоний. Нерон, 26.

³³ Тацит. Анналы, XIII, 25.

³⁴ Гален. О свойствах пищи, III, 30 (в изд. Кюна — VI, 721—722). О кефали — там же, III, 25 (в изд. Кюна — VI, 710).

³⁵ Соран Эфесский. Гинекология, II, 16.

³⁶ Гален. Комментарий на Гиппократов трактат «О суставах», 1 (в изд. Кюна — XVIIIА, 348).

³⁷ Геркуланум залила лава, о чем авторы сами упоминают ниже, а Стабии — селевой поток. — *Прим. ред.*

³⁸ Имеются в виду решения трибутных комиций — наиболее демократического вида народных собраний. — *Прим. ред.*

³⁹ *Optimus* — превосходная степень от *bonus* (добрый). — *Прим. пер.*

⁴⁰ Дигесты, I, 17, 32; см. также I, 1, 1, 3—4; I, 1, 4; I, 5.

⁴¹ Катон. О земледелии, V, 143.

⁴² Варрон. О сельском хозяйстве, II, 10.

⁴³ Цицерон. Об ораторе, II, 11, 44. Сообщения о почестях такого рода уже в 390 г, вероятно, легендарны.

⁴⁴ Валерий Максим, VI, 9, 9; Веллей Патеркул, II, 65, 2—3; Дион Кассий, XLIII, 51, 4—5. — Необходимо добавить сюда также красочный рассказ Авла Геллия (XV, 4). — *Прим. ред.*

⁴⁵ *Eloge funebre d'une matrone romaine.* Paris: CUF, 1950, II, 4—10; 19 (изд. М. Дюрри).

⁴⁶ В защиту Росция, 27, 147.

⁴⁷ Цицерон. Письма к Бруту, I, 18, 1 (особо заметим выражение *prudentissima et diligentissima femina*). См. также: Цицерон. Письма к Аттику, XV, 11.

⁴⁸ Плутарх. Цицерон, 20, 3; 29, 4; см. также ниже о ее роли в 63 г.

⁴⁹ Так наз. *auxilia*. Они не входили в состав легионов. — *Прим. ред.*

⁵⁰ Римское гражданство (*лат.*). — *Прим. ред.*

⁵¹ Саллюстий. Заговор Катилины, 31, 7.

⁵² Дигесты, XXIII, 2, 44.

⁵³ Позднее даже супругу консула стали называть *consularis femina* («консулярша»).

⁵⁴ *Raepset-Charlier M.Th. Prosopographie des femmes de l'ordre senatorial.* Louvain, 1987 (далее — FOS), 454.

⁵⁵ FOS, табл. LXV; 454; 208; см. также Дигесты, I, 9, 8.

⁵⁶ FOS, 632; AE, 1935, 26.

⁵⁷ Рамки всаднического достоинства можно ясно установить на основании сенатусконсульта 19 г., обнаруженного в Латрино в виде надписи (АЕ, 1978, 145).

⁵⁸ См. пример Аннии Веттии Сильваны, жены прокуратора Авла Туллия из Сполетия.

⁵⁹ Дигесты, XXIII, 2, 38, 63, 65; XXXIV 9, 2, 1; это правило распространялось на других чиновников и на почтовых служащих.

⁶⁰ ILS, 8862; CIL, X, 3888; XII, 4357. См. также: Дион Кассий, LIV, 16, 2.

⁶¹ Саллюстий. История, III, 96.

⁶² Плутарх. Красс, 8, 4; 11, 5.

⁶³ Гай. Институции, I, 17—21. Другие основные ограничения для хозяев см. там же, 36—41.

⁶⁴ Там же, I, 82.

⁶⁵ Дигесты, XXIII, 2, 14, 3.

⁶⁶ Возьмем для примера, среди многих других памятников, CIL, VI, 12412, 14452 (дети рабов поступают на службу во дворец). Можно возразить, что, с одной стороны, иногда семьи явно не разлучались, поскольку новой семьей становилась семья жены хозяина, а с другой стороны, сами супруги подчас (CIL, VI, 13172, 17652, 18886, 23151, 26755, 36011) имели разных хозяев, а это, несомненно, значило, что хозяева — муж и жена, дядя и племянник, два свойственника и т. д. — точнее установить, что их связывало, мы не можем.

⁶⁷ См., например, АЕ, 1982, 681 (надпись из Нима).

⁶⁸ Жрец императорского культа в колониях. — *Прим. пер.*

⁶⁹ CIL, XII, 3221 (также из Нима) (декурион — член городского совета. — *Прим. ред.*).

⁷⁰ CIL, X, 4760 (надпись из Суессы): сын получил декурионское достоинство за заслуги отца, который оказывал городу такие благодеяния, как если бы сам был декурионом.

⁷¹ Это было одно из легитимных оснований для освобождения рабов моложе тридцати лет, как исключение из закона Элия Сентия.

⁷² «Если они не были прежде отпущены на волю с этой целью» (Дигесты, XXXIII, 2, 28).

⁷³ Дигесты, XXIII, 1, 45; XXIV, 2, 11.

⁷⁴ Дигесты, XIV, 3, 7, 1. Ниже мы увидим, что бывали и женщины-мастеровые.

⁷⁵ CIL, XIII, 7113: Rosa simul floruit, et statim periiit.

⁷⁶ Дигесты, I, 5, 9.

⁷⁷ Авл Геллий, I, 12, 9: «Как только весталка избрана (capta), отведена в атрий Весты и доверена понтификам, с того самого мига без всякой эмансипации и перемены статуса она выходит из-под отеческой власти и получает право составлять завещание».

⁷⁸ Современному праву известно только кровное родство (cognatio).

⁷⁹ Ульпиан. Фрагменты, 11, 1.

⁸⁰ Там же, 11, 27.

⁸¹ Гай. Институции, I, 190.

⁸² Там же, I, 157, 171.

⁸³ А также мужчинам, которым закон сокращал сроки выслуги лет при прохождении cursus honorum и другие карьерные преимущества, в том числе на муниципальном уровне. См., например: Дион Кас-

сий, LV, 2, 5—6; Плиний Младший. Письма, X, 2; X, 94—95; Марциал. Эпиграммы, II, 91, 5; III, 95. Ср. также привилегии, дарованные императором местным властям Писавра (Пезаро на адриатическом побережье): CIL, XI, 6354.

⁸⁴ Гай. Институции, I, 190.

⁸⁵ Заочное бракосочетание допускалось только для мужчин (Павел. Сентенции, V, 19, 8).

⁸⁶ Дигесты, XXXV, 1, 15: *nuptias enim non concubitus sed consensus fuit* («брак же был не по сожительству, а по согласию»).

⁸⁷ Дигесты, XXIII, 1—2.

⁸⁸ Павел. Сентенции, V, 6, 15.

⁸⁹ Для обручения требовалось достижение невестой полных десяти лет (Дион Кассий, LIV, 16, 7).

⁹⁰ Дигесты, XXIII, 2, 4.

⁹¹ См. например, CIL, VI, 12776, где сын Аттии Секунды и императорского вольноотпущенника Тита Клавдия Леандра зовется Марк Аттий Леандр: он, очевидно, родился, когда его отец еще был рабом.

⁹² Гай. Институции, I, 111—113, 119.

⁹³ Дионисий Галикарнасский. Римские древности, II, 25.

⁹⁴ Кодекс Юстиниана, 8, 38 со ссылкой на конституцию Александра Севера от 223 г.

⁹⁵ Дигесты, XXIV, 1, 32.

⁹⁶ Гай. Институции, I, 136; Тацит. Анналы, IV, 16, 4: «Сенат... издал закон (при Тиберию. — *Прим. пер.*), согласно которому супруга фламينا Юпитера (который непременно должен был сочетаться браком по обряду конфарреации. — *Авт.*) подвластна мужу лишь в том, что имеет касательство к священнодействиям, а в остальном пользуется одинаковыми с прочими женщинами правами». Последняя формулировка говорит о том, какое положение женщины считалось «нормальным», и сама по себе указывает на исчезновение из обихода брака под мужней властью, что подтверждается и многими другими историческими, литературными и юридическими свидетельствами.

⁹⁷ Дигесты, XVI, 1, 2, [2].

⁹⁸ Институции, II, 8, введение.

⁹⁹ Дигесты, XXIV, 3, 66.

¹⁰⁰ Саллюстий. Заговор Катилины, 35.

¹⁰¹ Плиний Младший. Письма, VI, 32.

¹⁰² Ульпиан. Фрагменты, 6, 10, 12.

¹⁰³ Например, Цицерон. Письма к Аттику, XII, 32; XV, 20.

¹⁰⁴ Дигесты, XVII, 2, 81.

¹⁰⁵ Дигесты, XXXIV, 1, 16.

¹⁰⁶ Луцию Антистию Рустику, консулу 90 года, и его супруге Мумии Нигрине (Марциал, IV, 75, эпиграмма 88 г.). См. также CIL, VI, 27881a — надпись, сохранившая память о чете рабов Тихии и Кельтибере, в которой оба сожителя также владели имуществом совместно (87 г. н. э.).

¹⁰⁷ Павел. Сентенции, IV, 8, 20.

¹⁰⁸ Гай. Институции, II, 161: «Так, дети, которых мать делает наследниками, принадлежат к разряду внешних, ибо женщины не имеют детей под своей властью».

¹⁰⁹ Дигесты, I, 16, 195, 4: *Mulier autem familiae suae et caput et finis est.*

¹¹⁰ О государстве, III, 17: даже такой консерватор, как Цицерон, возмущается нелепыми следствиями закона: «Почему <...> дочь Публия Красса, если она единственная у отца, могла бы, без нарушения закона, иметь сто миллионов сестерциев, а моя дочь не могла бы обладать и тремя миллионами?»

¹¹¹ Завещание с обязательством передать наследство лицу, которое не может быть назначено наследником непосредственно. — *Прим. пер.*

¹¹² Римский гражданин (*лат.*), в данном случае, естественно, женского рода. — *Прим. ред.*

¹¹³ Дигесты, I, 17, прим. 2 (см. также III, 3, 54): *Feminae ab omnibus officiis civilibus vel publicis remotae sunt.*

¹¹⁴ Дигесты, V, 1, 12, 2: «Не потому, что не имеет способности суждения (*iudicio*), а потому, что обычаем велено, чтобы они не занимали гражданских должностей (*civilibus officiis*)». Юриста Павла, видимо, здесь надо понимать так, что речь идет об условности, требующей, чтобы власть любого рода сосредоточивалась в руках определенной категории населения, а не о последствиях физической или умственной неспособности.

¹¹⁵ Дигесты, XLVIII, 2, 8.

¹¹⁶ Тацит. *Анналы*, III, 49.

¹¹⁷ Валерий Максим, VIII, 3, *praef.*; здесь *verecundia stolae* — (женская скромность. Стола — одежда замужней римлянки. — *Пер.*) — и *conditio naturae* (естественное состояние) противопоставляются *impudicitia* (бесстыдство). См. также: Дигесты, III, 1, 1.

¹¹⁸ Валерий Максим, VIII, 3, 2.

¹¹⁹ Цицерон считал ее истинной обвинительницей в процессе Целия, которого он защищал (В защиту Целия, 30—35); в той же речи о ней: «бесстыдство» (*impudentia*, 49—50), «безрассудная, наглая, злая женщина» (*temeraria, proca, irata femina*, 55—58).

¹²⁰ Валерий Максим, VIII, 3, 1. Он считает Мезию «женщиной с мужской душой» (*sub speciae feminae virilem animum gerebat*).

¹²¹ Плутарх. *Нума*, 25, 10.

¹²² См., например, в Кодексе Юстиниана, 12, 1, 1 рескрипт Александра Севера Севериане о равном и неравном браке для матроны в сенаторском звании (*claritas generis*).

¹²³ Гай. *Институции*, I, 195.

¹²⁴ Цитируется Авлом Геллием (X, 23, 5).

¹²⁵ Ульпиан. *Фрагменты*, 14.

¹²⁶ Дигесты, II, 13, 12.

¹²⁷ Тит Ливий. *Эпитомы*, 48.

¹²⁸ Тацит. *Анналы*, II, 50, 3.

¹²⁹ XII, 34. Качества супруги характеризуются словами *libertas, pudicitia, fecunditas*.

¹³⁰ Дион Кассий, LX, 24, 3.

¹³¹ Геродиан. *История*, III, 8, 5.

¹³² Ср.: Проперций. *Элегии*, IV, 3, 45: *Romanis utinam patuissent castra puellis!* («О, когда б лагеря были девам доступны у римлян!») ...

¹⁴³ Дигесты, XXIV, 1, 61.

¹⁴⁴ Аттические ночи, I, 6 (с ошибочной датировкой речи).

¹⁴⁵ Светоний. Август, 89, 5. См. также: Тит Ливий. Эпитомы, 59; Валерий Максим, VII, 7, 4.

¹⁴⁶ В частности, Ульпиан (Дигесты, XXI, 1, 14, 1).

¹⁴⁷ Авл Геллий, IV, 3, 2; XVII, 21, 44.

¹⁴⁸ Валерий Максим, II, 1, 4.

¹⁴⁹ Надгробная речь..., II, 31—41.

¹⁴⁰ В защиту Марцелла, 23.

¹⁴¹ Ювенал. Сатиры, VI, 595—601; Тацит. Анналы, III, 25.

¹⁴² Фронто. Письмо на смерть внука, 2, 1.

¹⁴³ FOS, 63.

¹⁴⁴ Плиний Старший. Естественная история, VII, 60.

¹⁴⁵ Плиний Младший. Письма, I, 14.

¹⁴⁶ FOS, 322.

¹⁴⁷ Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы, 6, 1.

¹⁴⁸ Ювенал. Сатиры, III, 160—161.

¹⁴⁹ Светоний. Цезарь, 1, 1.

¹⁵⁰ Плиний хвалил также Гнея Педания Фуска Салинатора (впоследствии консула 118 г.), обрученного с Юнией Паулиной: «Знатная семья; почтеннейший отец; мать, о которой скажешь то же; сам Фуск, преданный занятиям, образованный, даже красноречивый, мальчик по сердечной простоте, юноша по воспитанности, старик по серьезности» (Плиний Младший. Письма, VI, 26, 1).

¹⁵¹ Гораций. Сатиры, I, 6.

¹⁵² Например, жители Атины официально (*publice*) почтили Юлию Гратиллу статуей *ob pudicitiam*.

¹⁵³ Стаций. Леса, II, 7, 81—88.

¹⁵⁴ Надгробная речь, I, 30—34.

¹⁵⁵ Из всего, что составляло жизнь замужней женщины, всегда особенно восхвалялось усердное *lanificium*. Между тем занятия прядением и ткачеством всегда имели сексуальный метафорический смысл. Такая коннотация прекрасно видна в бытовых предметах, открытых в Галлии: футлярах для веретен с надписями (иногда именными) примерно такого содержания: «засунь и ворочай» (*imple me sic versa me*). Здесь оба значения — техническое и эротическое — очевидны.

¹⁵⁶ СЦ, XIII, 7004. Еще раньше они имели горе потерять двенадцатилетнюю дочку Паулину (СЦ, XIII, 7003).

¹⁵⁷ Так в тексте. — *Прим. пер.*

¹⁵⁸ Тацит. Анналы, XIV, 64, 1 — ср. XII, 8. См. также Светоний. Клавдий, 27, 2, Дион Кассий, LX, 5, 7. С другой стороны, можно усомниться, что помолвка Октавии с юным Силаном, состоявшаяся между 41 и 48 гг., имела «реальный», а не чисто политический характер.

¹⁵⁹ СЦ, XI, 832.

¹⁶⁰ СЦ, VI, 16631.

¹⁶¹ Так в латинском тексте. — *Прим. ред.*

¹⁶² Плиний Младший. Письма, V, 16, 2—9.

¹⁶³ См, например: Сенека. Диалоги, VI, 1, 1.

¹⁶⁴ СЦ, XIII, 1583.

¹⁶⁵ Сервий в комментарии к «Энеиде» (X, 722) подробно перечисляет фазы переговоров и соглашений между сторонами: *hic ordo est, conciliata primo, dein conventa, dein pacta, dein sponsa* («порядок таков: сперва сватовство, затем согласие, затем обещание, затем помолвка»).

¹⁶⁶ Цицерон. Письма к брату Квинту, II, 6 [5], 2.

¹⁶⁷ Плиний Старший. Естественная история, XXXIII, 12.

¹⁶⁸ Тертуллиан. Апология, 6, 4.

¹⁶⁹ Авл Геллий, X, 10.

¹⁷⁰ Фест, с. 348 L; Авл Геллий, IV, 9, 5.

¹⁷¹ Макробий. Сатурналии, I, 15, 21.

¹⁷² Овидий. Фасты, III, 393—396.

¹⁷³ Там же, V, 487—490; VI, 219—234; Плутарх. Римские вопросы, 86.

¹⁷⁴ Овидий. Фасты, VI, 224.

¹⁷⁵ Обряды инициации римских девушек нам почти неизвестны: из кое-каких намеков вроде упоминания про «счастливою девичью кровью Анны рожицу щедрую Перенны» (Марциал. Эпиграммы, IV, 64, 16—17; см. также Овидий. Фасты, III, 524—696) не удастся составить ничего связного.

¹⁷⁶ Катулл, 61.

¹⁷⁷ Свадьба по обряду конфарреации справлялась гораздо торжественнее и сложнее, в присутствии великого понтифика, фламينا Юпитера и десяти свидетелей, причем исполнялись специальные обряды, произносились особые слова (*cum certis et solemnibus verbis*), приносились многочисленные жертвы, в том числе полбяный хлеб, давший название этому виду брака (Гай. Институции, I, 112).

¹⁷⁸ Дигесты, XXIII, 2, 5; Овидий. Героиды, 14, 10.

¹⁷⁹ Плутарх. Римские вопросы, 31.

¹⁸⁰ Иными словами: «Где ты будешь господином и хозяином, там я буду госпожой и хозяйкой», что любопытным образом уравнивает супругов. Ср.: Плутарх. Римские вопросы, 30.

¹⁸¹ Ноний, с. 852 L.

¹⁸² Варрон. О латинском языке, 5, 61; Плутарх. Римские вопросы, 1.

¹⁸³ Овидий. Фасты, IV, 787—792.

¹⁸⁴ Впрочем, общность семейного культа (культ предков) существует только во «врученном» браке.

¹⁸⁵ Катулл, 61, 181—235.

¹⁸⁶ Варрон. О латинском языке, VI, 84; Гораций. Сатиры, II, 2, 60; Авл Геллий, II, 24, 14; Макробий. Сатурналии, I, 15, 22.

¹⁸⁷ Плиний Младший. Письма, III, 3.

¹⁸⁸ Светоний. Тиберий, 50.

¹⁸⁹ *As mihi videtur valde matrem, ut debet amare* (Цицерон. Письма к Аттику, VI, 2, 2).

¹⁹⁰ Письма к Аттику, I, 18: *cum filiola et mellito Cicerone*.

¹⁹¹ Там же, XII, 36, 1; 37, 2.

¹⁹² Там же, XIII, 28, 4: *non esse probatum mulieribus*.

¹⁹³ Овидий. Фасты, VI, 637—638.

¹⁹⁴ В надписях встречаются выражения: «*sine querela*», «*sine ulla querela*», «*sine infamia*», «*sine iurgo sine offensa*», «*sine ulla offensa*», «*sine ulla animi laesione*».

- ¹⁹⁵ CIL, XIV, 1364: Feci [mecum an]nis XV unanimis.
- ¹⁹⁶ CIL, VI, 9810: Sine ullo dolore nisi diem mortis eius.
- ¹⁹⁷ Тацит. Агрикола, 6, 1: vixerunt mira concordia per mutuam caritatem et in vicem se antponendo.
- ¹⁹⁸ Стаций. Леса, III, 5.
- ¹⁹⁹ Марциал. Эпиграммы, VI, 21; Стаций. Леса, I, 2.
- ²⁰⁰ Говорили, впрочем, что у нее была связь со своим учителем грамматики Квинтом Цецилием Эпиротом (Светоний. О грамматиках, 16).
- ²⁰¹ Светоний. Тиберий, 7, 2—3.
- ²⁰² Утешение к Ливии, 299—342.
- ²⁰³ CIL, VI, 20307.
- ²⁰⁴ CIL, VI, 9141: de qua doluit nihil nisi mors eius.
- ²⁰⁵ CIL, VI, 9792: sine te vitam sordidam exigo.
- ²⁰⁶ CIL, XIII, 2244.
- ²⁰⁷ CIL, VI, 7579: ne tam scelestum discidium experiscar divitus.
- ²⁰⁸ CIL, VI, 26392.
- ²⁰⁹ АЕ, 1987, 179: nunquam sine me in publicum aut in balineum aut ubicumque ire voluit.
- ²¹⁰ Плиний Младший. Письма, VII, 5.
- ²¹¹ Тацит. Анналы, XV, 10.
- ²¹² Например, в гл. 5 мы встретимся с женой всадника — почтОВОГО чиновника в Британии.
- ²¹³ Тацит. Анналы, III, 34.
- ²¹⁴ T. Andersson (Journal of paleopathology, 9, 1997, p. 55—58).
- ²¹⁵ *Audolent A. Tabulettae defixionum*. Paris, 1904.
- ²¹⁶ Дигесты, XXIX, 5, 3, 2: Si maritus uxorem noctu intra cubiculum secum cubantem necaverit vel uxor maritum...
- ²¹⁷ Тацит. Анналы, IV, 22. На этом сюжете основан роман Ж. П. Неродо «Тайна римского сада» (Париж, 1992).
- ²¹⁸ *Thylander H. Inscriptions du port d'Ostie*. Lund, 1952, A 210.
- ²¹⁹ CIL, XIII, 2182.
- ²²⁰ CIL, III, 2399.
- ²²¹ Тацит. Анналы, XIII, 44.
- ²²² Апулей. Апология, 85.
- ²²³ Ювенал. Сатиры, VI, 224; см. также IX, 74—76.
- ²²⁴ Марциал. Эпиграммы, VI, 7.
- ²²⁵ При Домициане. — *Авт.*
- ²²⁶ Валерий Максим, VI, 3, 10—12.
- ²²⁷ Эпиграммы, X, 41.
- ²²⁸ Светоний. Август, 34; Ульпиан (Дигесты, XXXVIII, 11, 1).
- ²²⁹ Дигесты, XXIV, 2, 9; XXIV, 1, 35; XLVIII, 5, 44. Впрочем, может быть, свидетелей призывали только в тех случаях, когда применялся закон о прелюбодействе, когда развод должен был получить огласку, и в некоторых других особых случаях.
- ²³⁰ *Exeunt matrimonii causa, nubunt repudii* (Сенека. О благодеяниях, III, 2—4). Он писал также, что женщины ведут счет годов не по консулам, а по мужьям.
- ²³¹ Ювенал. Сатиры, VI, 229—230: sic fiunt octo mariti Quinque per autumnos, titulo res digna sepulcri.

²⁴² Надгробная речь..., I, 27.

²⁴³ Тацит. *Анналы*, II, 86: nam Agrippa discidio domum immunerat.

²⁴⁴ *Carcopino J.* La vie quotidienne à Rome à l'apogée de l'Empire. Paris, 1939. P. 123—124. — Любопытно, что Ж. Каркопино, автор цитированных строк, был сторонником нацистов и занимал министерский пост при вишистском правительстве. — *Прим. ред.*

²⁴⁵ Плиний Младший. Письма, VIII, 23, 8.

²⁴⁶ Тацит. *Агрикола*, 4.

²⁴⁷ Плиний Младший. Письма, VIII, 18. Речь идет о безымянной вдове, которую осуждали за новый брак, однако второе вдовство дало ей «преlestные виллы и большие деньги».

²⁴⁸ Апулей. *Апология*, 86, см. там же, 70.

²⁴⁹ Тацит. *Анналы*, XII, 2 (по поводу второй женитьбы Клавдия).

²⁴⁰ Римский суд по гражданским делам состоял из четырех комиссий, которые в исключительных случаях заседали вместе, но решение каждая комиссия выносила отдельно. — *Прим. пер.*

²⁴¹ Плиний Младший. Письма, VI, 33.

²⁴² Светоний. *Веспасиан*, 3. Этот случай показывает, что дворцовые рабы и вольноотпущенники оставались как бы государственной собственностью, находясь в распоряжении императоров и императриц и при смене династии.

²⁴³ *История Августов*. Марк Аврелий, 29: ne tot liberis superduceret poversam.

²⁴⁴ Плиний Старший. *Естественная история*, VII, 5.

²⁴⁵ *Дигесты*, XXV, 4.

²⁴⁶ Каирский музей, инв. № 29807 = Corpus papyrium latinum (CPL), 156.

²⁴⁷ Мичиганский музей, инв. № 4529 = Papyri Michiganici, III, 169 = CPL, 162: quia lex Aelia Sentia et Papia Poppaea spurios spuriasue in albo profiteri vetat.

²⁴⁸ *Дигесты*, XXII, 3, 29, 1.

²⁴⁹ Papyri Oxyrinchi, 744.

²⁵⁰ Светоний. *Август*, 65.

²⁵¹ Тацит. *Анналы*, III, 24.

²⁵² Светоний. *Клавдий*, 27, 1 (FOS, 210; 619).

²⁵³ Овидий, описывая, как волчица-кормилица вылизывала Ромула и Рема (*Фасты*, II, 418), употребляет глагол *pingere* (лепить).

²⁵⁴ Поэтому ее иногда называли «колыбельницей» (*sunaria* от *cuna* — колыбель).

²⁵⁵ О гигиене, I, 8 (изд. Кюна — VI, 44—45).

²⁵⁶ Так иногда назывались также мать или бабка.

²⁵⁷ Papyri Londinenses, III, 951 (III в. н. э.).

²⁵⁸ Авл Геллий, XII, 1.

²⁵⁹ *CIL*, X, 6006.

²⁶⁰ *CIL*, VI, 25301.

²⁶¹ *Дигесты*, XXXII, 99, 3 (Павел): eum qui natus est ex ancilla urbana et missus in villam nutriendus («рожденного от служанки в городе и посланного для вскармливания на виллу»); L, 16, 210 (Марциан): is, qui natus est ex manicipiis urbanis et missus est in villam nutriendus...).

²⁶² *Дигесты*, I, 13, 1, 14.

- ²⁶⁴ Например, CIL, VI, 1424.
- ²⁶⁴ CIL, VI, 10554.
- ²⁶⁵ CIL, VI, 36353.
- ²⁶⁶ Плиний Младший. Письма, VI, 3.
- ²⁶⁷ CIL, VI, 16450.
- ²⁶⁸ CIL, VI, 29497. Кормилица здесь прямо названа «сухой кормилицей» (*assa*).
- ²⁶⁹ CIL, VI, 26704.
- ²⁷⁰ CIL, VI, 19159. Ср. также надгробие девочки Розы из Телесфориды.
- ²⁷¹ CIL, VI, 34421.
- ²⁷² CIL, VI, 30110.
- ²⁷³ По-латыни обычно назывались просто «кровью» (*sanguis*), течкой (*fluor, fluctio, profluvium*), очищением (*purgatio*), менструацией (*menstrua*).
- ²⁷⁴ О лекарствах, XXI, 1, 15.
- ²⁷⁵ Дигесты, XXI, 1, 15.
- ²⁷⁶ CIL, VI, 20370.
- ²⁷⁷ CIL, VI, 10867.
- ²⁷⁸ CIL, VI, 3604.
- ²⁷⁹ Светоний. Август, 34 (*immaturitate sponsarum*).
- ²⁸⁰ Гинекология, I, 11.
- ²⁸¹ CIL, VI, 9810.
- ²⁸² Лукан. Фарсалия, II, 331—333.
- ²⁸³ Сенека. О благодеяниях, I, 9, 3.
- ²⁸⁴ Плутарх. Нума, 25, 2.
- ²⁸⁵ Дигесты, XVIII, 1, 11, 1; XIX, 1, 11, 5.
- ²⁸⁶ Овидий. Метаморфозы, III, 316—339.
- ²⁸⁷ Руф. Фрагменты, 44, 25.
- ²⁸⁸ Орибаз. Собрание медицинских трудов. Приписываемые книги, 7, 3.
- ²⁸⁹ Апулей. Апология, 69.
- ²⁹⁰ Соран. Гинекология, I, 17.
- ²⁹¹ Орибаз. Собрание медицинских трудов. Приписываемые книги, 6, 5.
- ²⁹² Овидий. Наука любви, III, 785—786.
- ²⁹³ Дигесты, XXI, 1, 14, введение.
- ²⁹⁴ Плиний Младший. Письма, VIII, 10.
- ²⁹⁵ *Nulla sua culpa, aetatis aliqua* (VIII, 11, 2).
- ²⁹⁶ О наилучшем врачебном освидетельствовании (Сочинения, приложение) IV, 13, 6—7 (изд. Искандара — с. 131—133).
- ²⁹⁷ Тацит. Анналы, XVI, 6; Светоний. Нерон, 33, 3; Дион Кассий, LXII, 27, 4.
- ²⁹⁸ Тацит. Анналы, XVI, 6—7.
- ²⁹⁹ Валерий Максим, IV, 6, 4.
- ³⁰⁰ Плиний Старший. Естественная история, X, 154.
- ³⁰¹ Овидий. Фасты, III, 255—258.
- ³⁰² Плиний Старший. Естественная история, XXVIII, 247, 250, 251, 253.
- ³⁰³ CIL, III, 2267.
- ³⁰⁴ Светоний. Калигула, 12.

⁴⁰⁵ Орибаз. Собрание медицинских трудов. Приписываемые книги, 6, 33.

⁴⁰⁶ СЦ, VI, 5201.

⁴⁰⁷ Исключением были две тройни — Горации и Куриации.

⁴⁰⁸ Артемидор. Сонник, V, 12.

⁴⁰⁹ Там же, V, 73.

⁴¹⁰ Овидий. Любовные элегии, II, 14.

⁴¹¹ Ювенал. Сатиры, VI, 595—597.

⁴¹² Там же, 599—600.

⁴¹³ См. например, у Руфа Эфесского: Фрагменты, VI, 25.

⁴¹⁴ В пересказе Орибаза: Медицинские сочинения, VI, 38 (то же: Дарембер, 1, 541).

⁴¹⁵ Плиний Старший. Естественная история, XXIX, 85.

⁴¹⁶ Светоний. Домициан, 22.

⁴¹⁷ Дигесты, XLVII, 11, 4.

⁴¹⁸ Дигесты, XLVIII, 19, 38, 5.

⁴¹⁹ Против них применяли мазь из риса и бобов, называвшуюся «ЛОМЕНТУМ».

⁴²⁰ Овидий. Наука любви, III, 73—74, 79—80.

⁴²¹ Катулл, 86,6.

⁴²² Светоний. Калигула, 25.

⁴²³ Дигесты, XXI, 1, 14, 1; 1, 14, 3.

⁴²⁴ Предупреждение к Постуму, 8 (в изд. Кюна — XIV, 641—647).

⁴²⁵ Р. Оху, I, 187 (вторая половина II в.).

⁴²⁶ Плиний Младший. Письма, VII, 24, 1.

⁴²⁷ СЦ, VI, 23457.

⁴²⁸ ILS, 8529a.

⁴²⁹ Плиний Младший. Письма, V, 16, 2 (мы уже упоминали это письмо, говоря о брачном возрасте).

⁴³⁰ Плиний Младший. Письма, IV, 21 (FOS, 415—416).

⁴³¹ СЦ, VI, 13602.

⁴³² Валерий Максим, IV, 6, 3.

⁴³³ Дигесты, XLIV, 3, 15; XLI, 3, 6—7; Цензорин. О новогодиях, 25, 3.

⁴³⁴ Впрочем, это слово, несмотря на этимологию (от *subare* — лежать), означало не только спальню. Супружеские покои называли также греческим словом *thalamus*.

⁴³⁵ Мы знаем одну такую специалистку, умершую девятнадцати лет, замужнюю (СЦ, VI, 9732).

⁴³⁶ Марциал. Эпиграммы, II, 66.

⁴³⁷ Проперций. Элегии, II, 18.

⁴³⁸ *Crinibus emptis*, как пишет Овидий (Наука любви, III, 165).

⁴³⁹ *Regio*, II, VIII, 6.

⁴⁴⁰ Возможно, это не одно и то же: вестиплика складывала одежду в ларь, а вестипика следила за состоянием гардероба.

⁴⁴¹ Фест, с. 112L: *Matronas appellabant fere quibus stolam habendi ius erat* («матронами обычно назывались те, кто имел право носить столу»).

⁴⁴² *media... Subura* (Марциал. Эпиграммы, IX, 37, 1).

⁴⁴³ Исключения вроде Гельвии (матери Сенеки) встречались редко и особо отмечались.

⁵⁴⁴ Ad margaritas CIL, VI, 7421; поименованная в этой надписи имела даже заместительницу (vicaria).

⁵⁴⁵ Катулл, 2 и 3. Возможно, эти стихи заключают в себе сексуальную метафору: ведь воробей среди птиц то же, что осел среди четвероногих. Но Фронто, наставник Марка Аврелия, применяет уменьшительное от passer (воробей) — passerella — к своей маленькой дочке Кратии.

⁵⁴⁶ Овидий. Любовные элегии, II, 6.

⁵⁴⁷ Целий Аврелиан. Острые заболевания, III, 99.

⁵⁴⁸ Орибаз. Собрание медицинских трудов. Приписываемые книги, 49 и 53.

⁵⁴⁹ Плутарх. Катон Младший, 24.

⁵⁵⁰ Наука любви, III, 479—483.

⁵⁵¹ Саллюстий. Заговор Катилины, 25, 2: *elegantius quam necesse probae*.

⁵⁵² Стаций. Леса, III, 5, 60—64.

⁵⁵³ Сенека Старший. Контroversии, II, 7, 3.

⁵⁵⁴ CIL, XIII, 1983: *quod ego cum coniuge feci, vellem si aduc possem*.

⁵⁵⁵ CIL, VI, 579.

⁵⁵⁶ *Corpus reparans mentesque relaxans*, как сказано в стих. 1208 Палатинской антологии; *loutron alexiporon* («воды, отгоняющие скорбь» — *греч.*) — надпись в термах на форуме Остии (*Robert J. et L. Bulletin epigraphique*, 1961, № 854).

⁵⁵⁷ *Spectatum veniunt; veniunt spectentur ut ipsae* (Овидий. Наука любви, I, 99).

⁵⁵⁸ Там же, I, 89 след. О том же: Ювенал, VI, 71—82, 379—397.

⁵⁵⁹ Светоний. Домициан, 3 (FOS, 327).

⁵⁶⁰ Предупреждение к Постуму, 6 (изд. Кюна — XVI, 631—634).

⁵⁶¹ Это слово встречается в известных памятниках латинской литературы (сатирической, что не случайно) только три раза, и один раз — в мужском роде с неопределенным значением того, кто так или иначе участвует в зрелищных представлениях.

⁵⁶² Апулей. Метаморфозы, II, 19.

⁵⁶³ Апиций. О кулинарном искусстве, II, 60.

⁵⁶⁴ Там же, VIII, 358.

⁵⁶⁵ Так, Цицерон говорит об одной пирушке в обществе Лаиды и Кифериды (Письма к близким, IX, 26).

⁵⁶⁶ Овидий. Наука любви, III, 329—348.

⁵⁶⁷ Ср., например: Плиний Младший. Письма, IX, 17.

⁵⁶⁸ Тибулл, IV, 6, 14.

⁵⁶⁹ Отнюдь не обязательно речь идет действительно о сестрах по крови.

⁵⁷⁰ *Bowman A. K. Life and Letters in the Roman Empire*. London, 1994. P. 127. № 21. Фотокопия письма: *Tabulae Vindolandiensi*, II, 291 и табл. 2.

⁵⁷¹ Проперций. Элегии, III, 10.

⁵⁷² Цицерон. Письма к Аттику, I, 5, 7.

⁵⁷³ Там же, I, 8, 2; I, 3, 2.

⁵⁷⁴ Там же, I, 7; I, 10; II, 1; II, 4 и др.

⁵⁷⁵ Цицерон. Письма к близким, XIV, 20.

⁵⁷⁶ Цицерон. Письма к Аттику, XIV, 2.

³⁷⁷ Плутарх. Цицерон, 47—48.

³⁷⁸ СІЛ, XII, 361; FOS, 60.

³⁷⁹ Плиний Младший. Письма, II, 17.

³⁸⁰ Там же, I, 4; FOS, 626.

³⁸¹ О полезности воздуха Стабий см.: Гален. О терапевтической мето-
дологии, V, 12 (изд. Кюна — X, 364).

³⁸² Проперций. Элегии, I, 11.

³⁸³ Гален. О составе лекарств в разных местностях (изд. Кюна —
XII, 448), — где перечисляются названия глав II книги Критона.

³⁸⁴ Проперций. Элегии, II, 19.

³⁸⁵ СІЛ, VI, 19007.

³⁸⁶ Очаровательная монохромная картинка на мраморе греческо-
го происхождения, обнаруженная в Геркулануме (I в. н. э.; Археологи-
ческий музей в Неаполе), изображает дочерей Левкиппа: две фигуры
наклонившихся девочек, играющих в бабки. Одна выбросила две ко-
сти и еще не закончила движение, другая внимательно смотрит за ее
игрой.

³⁸⁷ Мантуя, Герцогский дворец. Копия в Музее римской цивилиза-
ции.

³⁸⁸ Национальный музей (Рим).

³⁸⁹ СІЛ, VI, 1478.

³⁹⁰ Доклад Франсуа Шоссона в Обществе французских антиквари-
ев (24 мая 2000 г.). См. о ней также: FOS, 587.

³⁹¹ Цицерон. Письма к Аттику, XIII, 44.

³⁹² См. вклейку, где на одной из иллюстраций женщина по имени
Спес изображена с корзинкой для шерсти.

³⁹³ Сенека. О благодеяниях, 6, 32.

³⁹⁴ СІЛ, XII, 1918.

³⁹⁵ Свидетельств о них очень мало (например, СІЛ, VI, 9758).

³⁹⁶ АЕ, 1994, 1903.

³⁹⁷ Портрет на фаюмской мумии времен Тиберия, найденный в
Арсиное и хранящийся в Джиртонском колледже в Кембридже (рас-
копки Петрии, 1911). Сканирование мумии позволило воссоздать
черты этой женщины (см.: *Berg B. Mumienporträts. Chronologie und
kultureller Kontext. Mainz, 1996. S. 159; Filer J. Revealing Hermione's
Secrets // Egyptian Archeology. 11. 1997. P. 32—34.*)

³⁹⁸ СІЛ, VI, 3398: *Pia, docta novem musis, philosopha, v<ixit> a<nnon>*
XXI («Благочестивая, обученная новым музам, любомудрствующая,
жития ее был 21 год»).

³⁹⁹ Орибаз. Медицинские сочинения. Приписываемые книги,
29, 10.

⁴⁰⁰ Цицерон. Брут, 211; Об ораторе, III, 45. В гл. 9, посвященной по-
литике, мы встречаем имена нескольких образованных женщин, ко-
торые могли бы говорить публичные речи.

⁴⁰¹ «Передают, когда Помпей Великий вернулся из трудного похода,
учитель его дочери, желая показать ему успехи девочки, предложил ей
прочитать отрывок из «Илиады», начинающийся таким стихом:

С битвы пришел ты? О, лучше б, несчастный, навеки погибнул!»

(Плутарх. Застольные беседы, IX, 1, 3, 737b. Пер. Я. М. Боровского). —

Прим. ред.

⁴⁰² CIL, VI, 9301 посвящена секретарше (*libraria*), скончавшейся восемнадцати лет. Эту должность можно было занимать и при мужчине, и при женщине.

⁴⁰³ Лондон. Британский музей, Sc. 649.

⁴⁰⁴ CIL, VI, 21846: *super annos docta et formosa*. См. также CIL, VI, 20674, где покойная названа *erudita omnibus artibus* (сведущей во всех искусствах).

⁴⁰⁵ Но не слишком (*итал.*). — *Прим. пер.*

⁴⁰⁶ О терапевтическом методе, V, 13 (в изд. Кюна — X, 368—371).

⁴⁰⁷ Вероятно, псевдоним, придуманный Овидием для своей любимой ученицы (Тристии, III, 7).

⁴⁰⁸ Она воспела радости брака и была за это обвинена в утрате целомудрия (Сенека Старший. *Контroversии*, VI, 8).

⁴⁰⁹ «Туристка» — придворная Адриана, бывшая вместе с ним в Египте, автор «граффити» — четырех эпиграмм на архаическом диалекте в манере Сафо, написанных на Мемнонском колоссе.

⁴¹⁰ Несомненно, не жена Цицерона: она тоже путешествовала по Египту примерно в одно время с Бальбиллой (FOS, 753).

⁴¹¹ FOS, 90: жена Марка Аннея Лукана (39—65).

⁴¹² Колумелла. О земледелии, предисловие к кн. 12.

⁴¹³ О притираниях, 13—16.

⁴¹⁴ Овидий. *Фасты*, III, 815—821.

⁴¹⁵ Ювенал. *Сатиры*, XIV, 166 след.

⁴¹⁶ См. ил. 1: Спес с корзинкой для шерсти.

⁴¹⁷ *Гинекология*, II, 1, 12—13. На самом деле врачи-мужчины также лечили женщин.

⁴¹⁸ CIL, II, 497.

⁴¹⁹ CIL, X, 3980.

⁴²⁰ CIL, VI, 9477.

⁴²¹ *Дигесты*, XXII, 17, 3 и 5.

⁴²² *Semper sexus masculinus etiam feminum sexum continet.*

⁴²³ CIL, VI, 9683; уточняется, что покойная Абудия Мегиста — торговка *ab scala mediana* (средней руки).

⁴²⁴ CIL, VI, 9213.

⁴²⁵ Гаптенета умела писать по-гречески и называлась *potaria gr<a>еса* (CIL, VI, 33892).

⁴²⁶ CIL, VI, 9801: Аврелия Наида работала на складах Гальбы.

⁴²⁷ Юлия Агела, занимавшаяся этим ремеслом, дожила до восьмидесяти лет (CIL, VI, 9855). Вряд ли она была торговкой: рельеф на ее надгробном памятнике, видимо, изображает ее работу с клиентами (или пациентами, поскольку камедью также заживляли раны).

⁴²⁸ Филлида была *sarcinatrix Statiliae* (CIL, VI, 6351), а Гедоне и Сиге (CIL, VI, 6341, 6345) — *пряжами* (*quasillariae*) в том же доме.

⁴²⁹ Известны, например, Юкунда, Дамалида, Каллитиха (CIL, VI, 5357, 4029, 8903), работавшие на императрицу.

⁴³⁰ Целий Аврелиан. *Острые заболевания*, III, 100.

⁴³¹ Селия Эпира занималась этим на Священной дороге (CIL, VI, 9214).

⁴³² CIL, XII, 1594.

⁴⁴³ Гигия была отдана под надзор Флавии Сабине (CIL, VI, 6647); ей дали имя богини, опекавшей и вдохновлявшей ее в работе.

⁴⁴⁴ CIL, XIV, 2850.

⁴⁴⁵ Корнелия Венуста, муж которой тоже был «клаварием» в Турине (CIL, V, 7023).

⁴⁴⁶ Фульвия Мелема из Рима (CIL, VI, 9211): ее муж Гай Фульциний Гермер, вероятно, изготавливал сусальное золото, а сама она принимала участие в золочении.

⁴⁴⁷ CIL, VI, 9846.

⁴⁴⁸ CIL, VI, 3726.

⁴⁴⁹ В такой мастерской на Священной улице работала Баббия Асия (CIL, VI, 9435).

⁴⁴⁰ Даже в этом ремесле встречаются женщины: Фанния Пиерида и Фанния Каллиста (CIL, VI, 9398).

⁴⁴¹ AE, 1973, 71.

⁴⁴² AE, 1978, 145.

⁴⁴³ *Mulieres ad ferrum dedit* (AE, 1977, 153).

⁴⁴⁴ Дион Кассий, LXXV, 16, 1.

⁴⁴⁵ В главе о браке и выборе супруги мы говорили, что проституткам запрещалось иметь мужа из сенаторского сословия.

⁴⁴⁶ На каменных ложах в комнатках помпейских лупанаров видны канавки, протертые ногами клиентов, не снимавших сандалий.

⁴⁴⁷ *Дигесты*, XXIII, 2, 43.

⁴⁴⁸ На кладбище Священного острова в Остии сохранились такие надписи.

⁴⁴⁹ Светоний. Калигула, 40—41.

⁴⁵⁰ Помимо элегической поэзии, см., например, CIL, IX, 2029 из Бевенента.

⁴⁵¹ CIL, IV, 2273.

⁴⁵² *Fellare* — сосать; *extalio* — прямая кишка. — *Прим. пер.*

⁴⁵³ Луцилла (CIL, IV, 1948) так прямо о себе и говорит, если только эта надпись подлинная.

⁴⁵⁴ CIL, IV, 4592 (между тем ей дана характеристика *moribus bellis* — хорошего поведения).

⁴⁵⁵ CIL, IV, 8034.

⁴⁵⁶ *Courteney E. Musa Lapidaria: Aselection of Latin verse inscription.* Atlanta, 1995, № 86 = CIL, IV, 1860.

⁴⁵⁷ *Ibid*, 93a = CIL, IV, 1645.

⁴⁵⁸ Кресцент — имя не конкретного лица, а любовника вообще.

⁴⁵⁹ *Ibid*, 93b = *Graffiti del Palatino. 2: Domus Tiberiana*, № 283 (*Acti instituti Romani Finlandiae*. 4. 1970).

⁴⁶⁰ Имя, вероятно, вымышленное, как и другие: Сагана, Вейя, Фолия.

⁴⁶¹ Тацит. *Анналы*, XII, 65.

⁴⁶² Там же, 22.

⁴⁶³ Два примера из многих: «o<pus> do<liare> ex pr<aediti> Domitiae Lucillae Fortunati Luc<illae servi>», т. е. «кирпич из владений Домиции Луциллы, <сделанный> Фортунатом, рабом Луциллы» (CIL, XV, 1018); «op<us> fig<linum> offic<inae> Iuliae Saturnin<ae> Gallicano et Vetere co<n>s<ulibus>», т. е. «кирпич из мастерской Юлии Сатурнины в консульство Галликана и Вета <150 г.>» (CIL, XV, 1221a).

- ⁴⁶⁴ CIL, XV, 11—12.
⁴⁶⁵ CIL, XV, 49.
⁴⁶⁶ CIL, XV, 674.
⁴⁶⁷ CIL, XV, 207—208.
⁴⁶⁸ CIL, XV, 421.
⁴⁶⁹ CIL, XV, 652.
⁴⁷⁰ CIL, XV, 69—74, 76—78 и особенно 81—91.
⁴⁷¹ CIL, XV, 430—431.
⁴⁷² CIL, XV, 192—196.
⁴⁷³ CIL, XV, 761: *ex conductione Publiciae Quintinae*.
⁴⁷⁴ Дигесты, XIV, 3, 7, 1.
⁴⁷⁵ CIL, XV, 1147.
⁴⁷⁶ *La Regina A.* // *Rivista di epigrafia itolica*. SE. 44. 1976. P. 284—288.
⁴⁷⁷ Например, CIL, XV, 7252, 7378, 7472, 7509, 7532, 7564, 7589, 7592, 7628 — всего 28 клейм только в городе Рима.
⁴⁷⁸ CIL, XV, 7303.
⁴⁷⁹ CIL, XV, 7343b.
⁴⁸⁰ АЕ, 1996, 464. По поводу кельго-латинских безменов с мошенническим добавлением сланца из Отена, доказывающих, что культура галльского образованного общества была двуязычной, сошлемся на доклад Моника Донден-Пейр, состоявшийся 28 июня 2000 г. в Национальном обществе антикваров Франции.
⁴⁸¹ Тацит. *Анналы*, XII, 65 (FOS, 326).
⁴⁸² В доме Марка Теренция Евдокса работало одиннадцать ткачих (CIL, IV, 3479).
⁴⁸³ *Campen N. Ostia*, ил. 90.
⁴⁸⁴ CIL, IV, 3479.
⁴⁸⁵ CIL, X, 813.
⁴⁸⁶ CIL, X, 810—811.
⁴⁸⁷ CIL, IV, 1136.
⁴⁸⁸ CIL, IV, 4528, 8203, 8204.
⁴⁸⁹ *Andreau J. Les affaires de monsieur Jucundus*. Roma, 1974. P. 114, 119—122, 139—140.
⁴⁹⁰ *Gamodeca G. Tabulae Pompeianae Sulpiciorum: Editione critica dell'archivio puteolano dei Sulpicii*. Roma, 1999. P. 28—30.
⁴⁹¹ *Ibid.* P. 46, 79.
⁴⁹² *Ibid.* P. 73, 54 (FOS, 506).
⁴⁹³ FOS, 504; Светоний. Калигула, 25; Дион Кассий, LIX, 12, 1; 23, 7; Тацит. *Анналы*, XII, 1, 22.
⁴⁹⁴ См. особенно: *Campen N. Ostia*.
⁴⁹⁵ Вдовы и куртизанки, временно или постоянно не состоявшие под властью отца семейства, в некоторых случаях должны были сами приносить жертвы (Плутарх. Нума, 12, 3; Авл Геллий, IV, 3; Павел Диакон, с. 248 L).
⁴⁹⁶ *Corpus Tibullianum*, I, 5, 27—30.
⁴⁹⁷ Св. Августин. О граде Божиим, VI, 9, 2 (цитата из Варрона).
⁴⁹⁸ IGVR, I, 160.
⁴⁹⁹ Овидий. *Фасты*, III, 809—848.
⁵⁰⁰ Павел Диакон, с. 72 L.
⁵⁰¹ Даже при некоторых частных священнодействиях присут-

стве женщин не допускалось: *mulier ad eam rem divinam ne adsit neve videat quomodo fiat* («женщина при этом божьем деле да не присутствует и да не видит, как оно совершается» — Катон. О земледелии, 83).

⁵⁰² Плутарх. Нума, 25, 10.

⁵⁰³ Авл Геллий, X, 23, 1—3.

⁵⁰⁴ Плутарх. Римские вопросы, 85; Ромул, 15, 5.

⁵⁰⁵ CIL, VI, 2128.

⁵⁰⁶ Тацит. Анналы, II, 86.

⁵⁰⁷ Авл Геллий, I, 12.

⁵⁰⁸ Тацит. Анналы, II, 86. С другой стороны, в 23 г. Тиберий приказал выдать новоизбранной весталке два миллиона сестерциев, «чтобы возвысить достоинство жрецов и чтобы сами они с большим рвением служили богам» (Анналы, II, 14).

⁵⁰⁹ Овидий. Фасты, VI, 291—294.

⁵¹⁰ Соран. Гинекология, I, 9 и *passim*.

⁵¹¹ Плиний Младший. Письма, VII, 19.

⁵¹² Овидий. Фасты, III, 422. См. также: Августин. О граде Божием, III, 18.

⁵¹³ То же говорилось и о Сивиллиных книгах, игравших роль такого же талисмана, — пророчествах, сказанных женщиной (как считалось, Кумской Сивиллой). При Империи они хранились в храме Аполлона Палатинского; обратившись к ним в случае тревожных знамений, магистраты и сенат могли примириться с богами.

⁵¹⁴ Даже великий понтифик. В частности, Овидий (Фасты, VI, 437—454) повествует о случае, когда в 241 г. при пожаре храма Весты великий понтифик Метелл, несмотря на запрет, дерзнул войти в храм и вынести святыни, пока весталки в ужасе рыдали.

⁵¹⁵ Светоний. Домициан, 8.

⁵¹⁶ Дион Кассий, LVIII, 16, 1; 3.

⁵¹⁷ Сервий. Комментарий к «Буколикам», 8, 82.

⁵¹⁸ Плутарх. Нума, 10.

⁵¹⁹ Тит Ливий, I, 20, 3.

⁵²⁰ Макробий. Сатурналии, III, 13, 11.

⁵²¹ Тацит. Анналы, IV, 16.

⁵²² Светоний. Тиберий, 2, 4; см. также: Цицерон. В защиту Целия, 34; Валерий Максим, V, 4, 6. Дело было в 143 г. до н. э., но эти авторы расходятся относительно личности триумфатора и того, кем он приходился Клавдии: братом или отцом.

⁵²³ Светоний. Цезарь, 1, 2.

⁵²⁴ Плутарх. Цицерон, 20.

⁵²⁵ Цицерон. В защиту Мурены, 73.

⁵²⁶ Тацит. Анналы, III, 69.

⁵²⁷ Светоний. Вителлий, 16.

⁵²⁸ Один всадник воздает почести Кампии Северине — великой весталке 249 г. — за то, что его карьера удалась *suffragio eius* (CIL, VI, 2132), другой — *pro conlatis in se beneficiis* (CIL, VI, 2131).

⁵²⁹ Римские вопросы, 50.

⁵³⁰ Фест, с. 484L; Сервий. Комментарий к «Энеиде», X, 15, 28.

⁵³¹ Гай. Институции, I, 112.

⁵³² Тацит. Анналы, IV, 16.

⁵¹³ Овидий. Фасты, III, 393—398.

⁵¹⁴ Там же, VI, 227—234.

⁵¹⁵ Плутарх. Римские вопросы, 86.

⁵¹⁶ Макробий. Сатурналии, I, 16, 30.

⁵¹⁷ Варрон. О латинском языке, V, 29, 130.

⁵¹⁸ Ювенал. Сатиры, IX, 53.

⁵¹⁹ Овидий. Фасты, III, 253—254.

⁵²⁰ Там же, IV, 133—162.

⁵²¹ То есть куртизанки в коротких туниках. — *Прим. авт.*

⁵²² Растение, посвященное Венере. — *Прим. авт.*

⁵²³ Inscriptiones Italiae, XIII, 2, 17, p. 126—127.

⁵²⁴ Авл Геллий, XVI, 16, 4: одна из двух Кармент — Поррима (или Прорса) или Постверта — пекутся о родах, смотря по тому, как лежит младенец: головой или ножками вперед.

⁵²⁵ Овидий. Фасты, I, 617—636 (см. также 461—586).

⁵²⁶ Плутарх. Римские вопросы, 56.

⁵²⁷ Овидий. Фасты, II, 268—450.

⁵²⁸ Тит Ливий, II, 40; Валерий Максим, V, 2, 1; Плутарх. Кориолан, 37; Дионисий Галикарнасский. Римские древности, VIII, 39—56.

⁵²⁹ Дионисий Галикарнасский, VIII, 56, 4.

⁵³⁰ X, 23, 9: ut nulla nisi spectatae pudicitiae matronae et quae uni viro nupta fuisset ius sacrificandi haberet («чтобы только матрона, признанная безупречно скромной и лишь один раз состоявшая в браке, имела право приносить на нем [алтаре Плебейской Стыдливости. — *Прим. ред.*] жертвы»).

⁵³¹ Овидий. Фасты, V, 148—158; Проперций. Элегии, IV, 9, 21—36 и 51—61.

⁵³² См., например: Цицерон. Об ответе гаруспиков, 17, 37; Плутарх. Цицерон, 19—20 и 28; Плутарх. Цезарь, 9—10; Дион Кассий, XXXVII, 35, 4.

⁵³³ В тот год богослужение проходило в доме Цезаря (претора) и возглавлялось его матерью, которой помогала жена Цезаря Помпея (дочь Помпея) и сестра его. Публий Клодий Пульхр, только что избранный квестором, а позже (в 58 г.) народный трибун, переоделся музыкантшей и проник туда при помощи служанки. Возможно, его сообщницей была Помпея — во всяком случае, муж развелся с ней, потому что «жена Цезаря должна быть выше подозрений». Клодия узнали по голосу и прогнали (или он сам убежал). Дело получило огласку; потребовалось вмешательство сената, который обратился за мнением к понтификам. Против Клодия возбудили судебный процесс по всей форме, но он был оправдан. Скандал внес большую смуту в личные отношения политических деятелей того времени.

⁵³⁴ *Pighi G.B. De ludibus saecularibus populi Romani Quiritum. 2 ed. Amsterdam, 1965.*

⁵³⁵ Юпитер, Марс и Квирин. — *Прим. пер.*

⁵³⁶ Хранится в Капитолийском музее (зал 34); идентификация не вполне достоверна.

⁵³⁷ *CIL*, XIII, 6671.

⁵³⁸ Дион Кассий, LVI, 46, 1.

⁵³⁹ *CIL*, VIII, 993.

⁵⁶⁰ СЦ, IX, 2347.

⁵⁶¹ Овидий. Фасты, III, 261—270.

⁵⁶² Фест, с. 460I; Плутарх. Римские вопросы, 100.

⁵⁶³ Цицерон. В защиту Бальба, 55.

⁵⁶⁴ Овидий. Фасты, IV, 407—415.

⁵⁶⁵ О законах, II, 21 и 37.

⁵⁶⁶ Овидий. Фасты, V, 183—378.

⁵⁶⁷ Там же, 333—338.

⁵⁶⁸ См. особенно рассказ Тита Ливия (XXXIX, 8—19).

⁵⁶⁹ По всей Римской империи найдены амулеты, на которых изображены богиня, матка с придатками и ключ, запирающий матку на время беременности.

⁵⁷⁰ Дион Кассий, XI, 47, 4.

⁵⁷¹ Валерий Максим, I, 3, 4.

⁵⁷² Ср. Плиний Младший. Письма, X, 35; Светоний. Калигула, 14, 2.

⁵⁷³ АЕ, 1966, 233.

⁵⁷⁴ СЦ, VI, 31610.

⁵⁷⁵ Аппиан. Гражданские войны, I, 20, 83.

⁵⁷⁶ Тит Ливий, XXXIV, 1, 3.

⁵⁷⁷ Там же, XXXIV, 1, 5—7.

⁵⁷⁸ Там же, XXXIV, 2—4.

⁵⁷⁹ Там же, XXXIV, 7.

⁵⁸⁰ Аппиан. Гражданские войны, IV, 32—33.

⁵⁸¹ Цицерон. Письма близким, V, 8, 2.

⁵⁸² Там же, V, 6, 1.

⁵⁸³ Саллюстий. Заговор Катилины, 23, 4—5.

⁵⁸⁴ Цицерон. В защиту Клуенция, LXVI, 190—191.

⁵⁸⁵ Светоний. Цезарь, 27.

⁵⁸⁶ Для нового брака в это время нужно было постановление сената (Плутарх. Антоний, 30—31 и 35).

⁵⁸⁷ Аппиан. Гражданские войны, V, 93—95.

⁵⁸⁸ Цицерон. Филиппики. II, 11; II, 113; XIII, 18.

⁵⁸⁹ Дион Кассий, XLVIII, 4—15.

⁵⁹⁰ В это самое время Октавиан совершил весьма оскорбительный по отношению к Фульвии поступок: развелся с Клодией, ее дочерью от Клодия. Это лишний раз показывает политический характер брачных связей.

⁵⁹¹ СЦ, XI, 6721, 5. Смягченный перевод: «Мечу Фульвию между ног».

⁵⁹² Дион Кассий, XLIX, 38, 1.

⁵⁹³ См., например: Дион Кассий, LV, 14—22.

⁵⁹⁴ Тацит. Анналы, I, 69.

⁵⁹⁵ Калигула — уменьшительное от *caliga* (солдатский сапог).

⁵⁹⁶ Заметим, между прочим, что и в этой смерти при неясных обстоятельствах замешана женщина: Планцина, жена Пизона, осужденного по смертно (он покончил с собой), спаслась только благодаря дружбе с Ливией (Тацит. Анналы, III, 10—17). Текст сенатусконсульта по этому делу на бронзовых таблицах недавно был обнаружен в Испании (АЕ, 1996, 885) — редкий случай, когда документальный источник подтверждает литературный текст.

⁵⁹⁷ Тацит. Анналы, III, 4.

⁵⁹⁸ Тацит. *Анналы*, IV, 17—19; 52—60; Светоний. *Тиберий*, 53,1.

⁵⁹⁹ Светоний. *Тиберий*, 53,1. (В оригинале эта фраза названа «греческим стихом». — *Прим. пер.*)

⁶⁰⁰ Кроме Калигулы. — *Прим. пер.*

⁶⁰¹ Ее дочь Матидия Младшая прославилась богатством, постройками и учреждением хлебных раздач.

⁶⁰² Писатели истории Августов. Адриан, 4. См. также: Дион Кассий, LXIX, 1 (здесь даже сказано, что Плотина действовала «по любви»).

⁶⁰³ FOS, 54.

⁶⁰⁴ FOS, 149.

⁶⁰⁵ Геродиан. *История*, I, 17.

⁶⁰⁶ FOS, 301; Сенека. *Разговоры*, VI, 4, 2; VI, 4, 22; Дион Кассий. LVII, 24; Светоний. *Калигула*, 16.

⁶⁰⁷ FOS, 526; Тацит. *Анналы*, XVI, 30—33.

⁶⁰⁸ FOS, 96, 159, 259; Плиний Младший. *Письма*, III, 16; Дион Кассий, LX, 16, 5—6; Тацит. *Анналы*, XVI, 33—34; *История*, IV, 6.

⁶⁰⁹ Марциал. *Эпиграммы*, I, 13.

⁶¹⁰ Плиний Младший. *Письма*, VII, 19.

⁶¹¹ Иероним. *Комментарий на книгу пророка Софонии* // *Patrologia latina*. XXV, 1337c.

⁶¹² Цицерон. *Письма к Аттику*, XIII, 21, 5: *Mirifice Caerellia studio philosophiae flagrans* («горящая удивительным рвением к философии»).

⁶¹³ CIL, IV, 7167.

⁶¹⁴ CIL, IV, 7864.

⁶¹⁵ CIL, IV, 457, 3595, 3674.

⁶¹⁶ CIL, IV, 3479.

⁶¹⁷ CIL, IV, 3528.

⁶¹⁸ CIL, IV, 7469.

⁶¹⁹ Женщины не допускались в комиции (Авл Геллий, V, 19), но их, возможно, пускали на политические сходки (*contiones*). Намек на это есть у Валерия Максима (III, 8, 6): «Какое дело женщинам до собраний? Никакого, если следовать обычаю предков. Но когда на спокойствие в государстве обрушилась волна мятежей, уважение к старинному порядку было поколеблено и добытое насилем взяло верх над тем, чего требует и что предписывает скромность (*verecundia*)».

⁶²⁰ Сенека. *Диалог*, XII, 19, 6.

⁶²¹ Уже Катон обличал случаи, когда женщинам в провинции ставили статуи, но, несмотря ни на что, этот обычай распространился вместе с обычаем семей выезжать вместе с наместниками и чиновниками.

⁶²² Тацит. *Анналы*, I, 40.

⁶²³ Тацит. *История*, II, 20.

⁶²⁴ О Корнелии: FOS, 273; Дион Кассий, LIX, 18, 4; Тацит. *История*, I, 48. О Мунации Платине: FOS, 562; Тацит. *Анналы*, II, 55, 6. Недовольство Корнелией приняло форму дела о прелюбодеянии. Целую серию упреков в адрес женщин, сопровождавших мужей на должность в провинцию, см. в сенатской речи 21 г. при попытке запретить эту практику: Тацит. *Анналы*, III, 33.

⁶²⁵ Тацит. *История*, III, 77 (*ultra feminam ferox*).

⁶²⁶ Ювенал. Сатиры, VIII, 87—88; 128; Марциал. Эпиграммы, II, 56.

⁶²⁷ Каста: FOS, 198. Цецилия: FOS, 154; Плиний Младший. Письма, III, 9. Паксея: FOS, 602; Тацит. Анналы, VI, 29; Дион Кассий, LVIII, 24, 3. Сосия Галла: FOS, 720. Тацит. Анналы, IV, 19—20.

⁶²⁸ См. по этому поводу таблицы патроната Нуммии Варии (CIL, IX, 3429).

⁶²⁹ Непонятно, что думать о женщине из Шершеля (Цезарея), названной «дуумвира» (CIL, VIII, 9407; см. также: там же, 20948): было ли это почетное именование жены дуумвира, недописанное «*duumviralis*», или настоящая магистратура?

⁶³⁰ CIL, VIII, 23888.

⁶³¹ CIL, X, 688.

⁶³² Inscriptiones Graecae, IV, 1238.

⁶³³ CIL, II, 4241; 4275.

⁶³⁴ AE, 1969/70, 650.

⁶³⁵ Van Bremen, p. 309, № 1.

⁶³⁶ Ibid., p. 316, № 1.

⁶³⁷ Ibid., p. 334, №1; p. 335, № 3.

⁶³⁸ FOS, 609; PIR2, P444; Van Bremen, p. 344, № 2.

⁶³⁹ Например, коллегиями художественных промыслов (*fabri*) и портных (*centonarii*) — CIL, XI, 2702, 6335, 5749. Ср. также выше об Эвмахии в Помпеях.

⁶⁴⁰ Плиний Младший. Письма. VII, 24, 4—5.

⁶⁴¹ CIL, X, 5183; AE, 1946, 174.

⁶⁴² CIL, VIII, 5365—5366.

⁶⁴³ Inscriptiones von Ephesos, 438.

⁶⁴⁴ CIL, VIII, 11216.

⁶⁴⁵ CIL, VIII, 12058.

⁶⁴⁶ CIL, XI, 3811 (*haec sola omnium feminarum*); см. также 3808—3809.

⁶⁴⁷ Как Юлия Пантима Понтенилла из Эфеса (Van Bremen, p. 320, № 24) или Публия Планция Аврелия Магниана Мотоксариды из Сельги (Ibid., p. 341, № 3).

⁶⁴⁸ Домиция Мельпида из Тарквиний (CIL, XI, 3368).

⁶⁴⁹ См. случаи Лоллии Антиохиды — базилиды в Ассосе (Van Bremen, p. 333, № 1) и Аврелии Аполлонии, пританы в Эфесе (Ibid., p. 317, № 5).

⁶⁵⁰ Таков явно случай Эвмахии, имевшей отношение к сукновальным мастерским в Помпеях.

⁶⁵¹ AE, 1988, 1038; 1958, 77; 1965, 211 = Inscriptiones von Perge, 98; 118; 99; Inscriptiones von Perge, 97.

⁶⁵² AE, 1964, 106; FOS, 478.

⁶⁵³ AE, 1971, 79: *pro splendore munificentiae eius* (надпись из Формий).

⁶⁵⁴ Но обычно вместе с супругом: CIL, VIII, 2630 и 18100 (Вольгея Корнифиция в Ламбиске); I.v. Ephesos, 619 (Кальпурния Квадратилла в Эфесе).

⁶⁵⁵ CIL, XIII, 2019.

⁶⁵⁶ Этот акт можно видеть, например, на реверсе золотой монеты

141—161 гг., где изображена раздача питания девочкам и их родителям: ВМС, 324. Ср.: Писатели истории Августов. Жизнь Марка Аврелия, 26, б.

⁶⁵⁷ Фронто. Письма к друзьям, I, 14.

⁶⁵⁸ СЦ, X, 6328.

⁶⁵⁹ СЦ, II, 1174.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

- 753 — Традиционная дата основания Рима Ромулом.
509 — Традиционная дата создания Республики.
445 — Закон Канулея (разрешение браков между патрициями и плебеями)
367 — Закон Лициния и Секста (равный доступ патрициев и плебеев к консульству).
300 — Закон Огульния (раздел важнейших жреческих должностей между патрициями и плебеями).
287 — Закон Гортензия (придание силы закону решениям плебисцитов — голосования плебеев).
272 — Взятие Тарента — завершение завоевания Италии*.
264—241 — Первая Пуническая война.
219—201 — Вторая Пуническая (Ганнибалова) война.
218 — Плебисцит Клавдия (запрет коммерческой деятельности для сенаторов).
215 — Закон Оппия (ограничение расходов на роскошь для женщин).
197 — Создание провинций в Испании. Начало покорения Цизальпинской Галлии.
186 — «Дело вакханок».
168 — Битва при Пидне.
154—133 — Испанские войны.
148 — Создание провинции Македония.
149—146 — Третья Пуническая война.
146 — Разрушение Карфагена и создание провинции Африка. Разрушение Коринфа и создание провинции Ахайя.
133 — Трибунат Тиберия Гракха. Приобретение в наследство провинции Азия.
125 — Начало завоевания Трансальпинской Галлии.
123—122 — Трибунат Гая Гракха.
112—105 — Война в Нумидии против Югурты.
107 — Военная реформа Мария: набор пролетариев в легионы.
105—101 — Нашествие кимвров и тевтонов. Победы Мария.
91—88 — Восстание италийцев (так называемая Союзническая война).
88—81 — Войны с Митридатом на Востоке.
81—79 — Диктатура Суллы.
73—71 — Восстание рабов под предводительством Спартака.
63 — Консульство Цицерона и заговор Катилины. Раздел Востока на провинции Помпеем.
58—51 — Завоевание Косматой Галлии Цезарем.
48 — Битва при Фарсале и гибель Помпея.
46—44 — Диктатура Цезаря (убит в мартовские иды 44 г.).
43 — Образование второго триумvirата.

* Полностью завоевание Италии завершилось в 265 г. до н. э. захватом римлянами Вольсиний. — *Прим. ред.*

- 31 — Битва при Акции, аннексия Египта.
 27 — Октавиан получает титул Августа.
 26 — Учреждение императорского культа.
 23 — Август получает трибунскую власть.
 12 — Август становится великим понтификом. Освящение Лионского алтаря. Начало походов в Германию.
- 14 н. э. — Смерть Августа.
 14—37 — Правление Тиберия.
 16 — Отказ от планов завоевания Германии, устройство границы по Рейну.
- 37—41 — Правление Калигулы.
 41—54 — Правление Клавдия.
 43 — Начало завоевания Британии.
 54—68 — Правление Нерона.
 69 — Борьба трех императоров (Гальба, Отон, Вителлий).
 69—79 — Правление Веспасиана.
 70 — Взятие Иерусалима.
 77—83 — Британский поход Агриколы.
 79 — Извержение Везувия, гибель Помпей, Геркуланума и Стабий.
 79—81 — Правление Тита.
 81—96 — Правление Домициана.
 83 — Германский поход Домициана.
 96—98 — Правление Нервы.
 98—117 — Правление Траяна.
 102—106 — Поход Траяна в Дакию.
 117—138 — Правление Адриана.
 122 — Строительство Адрианова вала в Британии.
 132—135 — Иудейское восстание.
 138—161 — Правление Антонина Пия.
 161—180 — Правление Марка Аврелия (до 169 совместно с Луцием Вером).
- 180—192 — Правление Коммода.
 193—235 — Династия Северов (Септимий Север, Гета, Каракалла, Гелиогабал, Александр Север).
 253—268 — Правление Галлиена.
 260—274 — «Гальские императоры».
 276—277 — Большое нашествие на западные провинции.
 284—305 — Правление Диоклетиана. Преобразование государственного строя империи (тетрархия).
 312—337 — Царствование Константина.
 330 — Учреждение столицы в Константинополе.
 379—395 — Царствование Феодосия.
 393 — Запрет языческих культов на Западе.
 395 — Раздел Империи (Гонорий — император Запада, Аркадий — император Востока).
 406—408 — Большие нашествия на Галлию и Испанию.
 410 — Взятие и разграбление Рима Аларихом.
 476 — Отречение Ромула Августа.

ПРИ ЦИТИРОВАНИИ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПЕРЕВОДЫ

- Аппиан*. Гражданские войны / Пер. под ред. О. О. Крюгера и С. А. Желёва. М., 1994.
- Артемидор*. Сонник. Кн. V / Пер. Э. Г. Юнца // ВДИ. 1991. № 3. 257—268.
- Вергилий Марон Публий*. Буколики. Георгика. Энеида / Пер. С. В. Шервинского и С. А. Ошерова. М., 1971.
- Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.
- Катулл Гай Валерий*. Книга стихотворений / Пер. С. В. Шервинского. М., 1986*.
- Ливий Тит*. История Рима от основания Города. Т. I—III. М., 1989—1993.
- Лукан Марк Анней*. Фарсалия / Пер. Л. Е. Остроумова. М., 1993.
- Марциал Марк Валерий*. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1968.
- Овидий Назон Публий*. Собрание сочинений. Т. I—II. М., 1994.
- Письма Плиния Младшего / Пер. М. Е. Сергеевко и А. И. Доватура. М., 1983.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. I—III. М., 1961—1964.
- Саллюстий Крисп Гай*. Сочинения / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.
- Светоний Транквилл Гай*. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гапарова. М., 1964.
- Цицерон Марк Туллий*. Диалоги / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1966.
- Цицерон Марк Туллий*. Избранные сочинения. М., 1975.
- Цицерон Марк Туллий*. Речи. Т. I—II / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1993.
- Письма Марка Туллия Цицерона. Т. I—III / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1994.
- Ювенал Децим Юний*. Сатиры / Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского // Римская сатира. М., 1989. С. 241—340.

Переводы из Валерия Максима, помеченные звездочкой, выполнены А. В. Короленковым.

* 43-е стихотворение Катулла цитируется в переводе Н. Н. Зубкова и А. В. Короленкова.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия.</i> Силуэты на фоне кипарисов	6
<i>Глава первая.</i> Женщина в римском обществе	21
<i>Глава вторая.</i> Юридический статус женщины	61
<i>Глава третья.</i> Семейство	80
<i>Глава четвертая.</i> Тело и здоровье	105
<i>Глава пятая.</i> День и год	134
<i>Глава шестая.</i> Воспитание и культура	151
<i>Глава седьмая.</i> Женский труд	162
<i>Глава восьмая.</i> Обряды и богослужение	180
<i>Глава девятая.</i> Общественная и политическая жизнь	211
Примечания	235
Основные даты римской истории	257

Гуревич Д., Рапсат-Шарль М.-Т.
Г 95 Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме /
Пер. с фр. Н. Н. Зубкова. — М.: Молодая гвардия, 2006. —
260[12] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь
человечества).

ISBN 5-235-02841-4

В книге французских исследовательниц Д. Гуревич и М.-Т. Рапсат-Шарль рассказывается о самых различных сторонах жизни римских женщин — о их воспитании, отношениях с мужьями и любовниками, труде, болезнях, религиозных воззрениях, правовом положении, влиянии на политику и многом другом. Авторы не ограничиваются лишь жизнью обитательниц дворцов и вилл — мы сможем заглянуть в хижины селян, в городские инсулы, мастерские, лупанары. Д. Гуревич и М.-Т. Рапсат-Шарль привлекают самые различные материалы — рассказы античных авторов, надписи, папирусы, археологические находки, что позволяет им раскрыть тему во всем ее многообразии. Книга снабжена интересными иллюстрациями.

УДК 94(37)-055.2
ББК 63.3(0)32-7

Гуревич Даниэль, Рапсат-Шарль Мари-Терез
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **А. В. Короленков**
Художественный редактор **О. В. Краюшкина**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.06.2005. Подписано в печать 20.03.2006. Формат 84x108/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 54728.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02841-4

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы по адресу:
СУЩЕВСКАЯ УЛ., Д. 21*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

787-62-92 ☼ 978-21-59

787-64-78 ☼ 787-63-81

787-63-97 ☼ 978-01-22

972-00-49

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

787-65-39 ☼ 787-63-64

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

Л. Бородин
«БЕЗ ВЫБОРА»

Н. Чуковский
«О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ»

Т. Маврина
**«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

Н. Молева
«БАЛАНС СТОЛЕТИЯ»

Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»

Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»

О. Высотский
**«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

П. Брюле

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

Р. Мантран

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Телефоны для оптовых покупателей:

787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

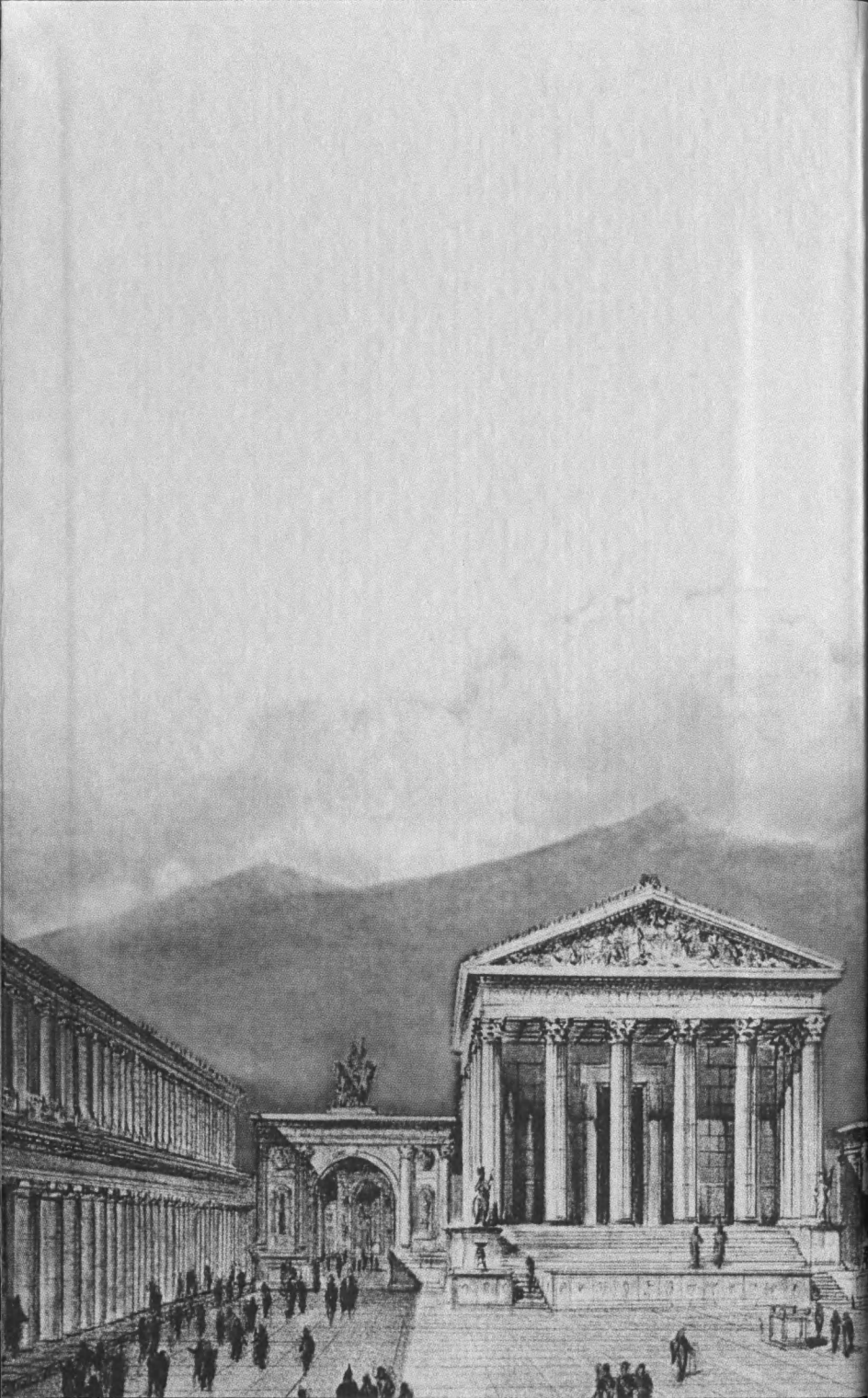
**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

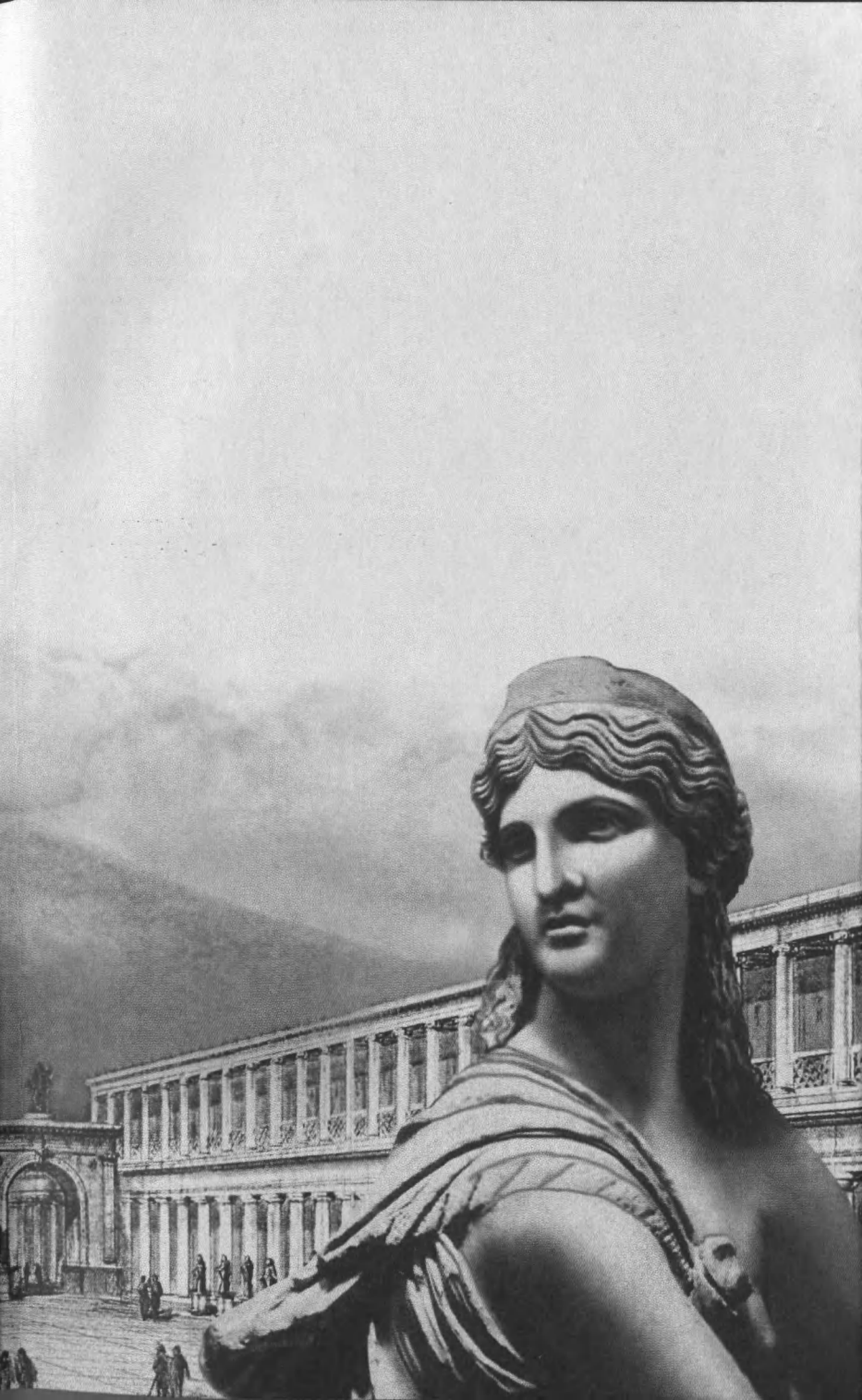
**Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».**

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ УСАДЬБЫ
XIX ВЕКА

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

А. Иванов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦУЗОВ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Ш. Казиев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНОГО ГАРЕМА

Ж.-Н. Робер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
НАСЛАЖДЕНИЙ

Н. Старосельская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
«РУССКОГО» КИТАЯ

ISBN 5-235-02841-4

9 785235 028418 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ